

ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.Н. КАРАЗИНА

На правах рукописи

ДОМНИЧ СВЕТЛАНА ПАВЛОВНА

УДК [130.2:141.319.8]:316.77

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ФИЛОСОФСКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК В
МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

09.00.04 – философская антропология, философия культуры

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Заветный С.А.

Харьков – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	4
РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА КОММУНИКАЦИИ.....	14
1.1. Становление коммуникации: историко-типологический анализ, эволюция коммуникации.....	14
1.1.1. Философские интерпретации феномена коммуникации от античности до эпохи Просвещения.....	19
1.1.2. Теория коммуникации в конце XVIII в. – XIX в.....	23
1.1.3. Понятие коммуникации в философии культуры XX века.....	28
1.1.4. Концептуализация феномена коммуникации в философии языка, в философии диалога, в семиотике и в психологии.....	38
1.2. Коммуникация в социокультурном пространстве: философско-антропологические интерпретации и методологии исследования.....	46
Выводы к первому разделу.....	61
РАЗДЕЛ 2. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН.....	66
2.1. Коммуникация: структура, содержание, функции, теоретические модели.....	66
2.2. Социокультурная коммуникация в неклассической парадигме: сущность и специфика.....	84
2.3. Синергетические подходы к философско-антропологическому анализу речевых практик: проблемы социокультурной коммуникации и лингвосинергетики.....	91
2.4. Межкультурная коммуникация как социокультурный феномен: философско-антропологическое измерение.....	113
Выводы ко второму разделу.....	127

РАЗДЕЛ 3. ФИЛОСОФСКИЙ СТАТУС РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	137
3.1. Дискурсивная природа речевых практик: методологические особенности дискурсивного анализа языка.....	137
3.2. Модели языковых практик в контексте философско-антропологического анализа.....	148
3.3. Сущность и структура речевых практик в межкультурном взаимодействии.....	180
3.4. Языковая картина мира в контексте диалога культур.....	192
3.5. Особенности языковой культуры и речевых практик маргинальной личности в процессе социокультурной коммуникации	200
3.6. Социокультурная коммуникация в контексте медиаобразования.....	209
Выводы к третьему разделу.....	219
ВЫВОДЫ.....	225
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	230

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Одним из важнейших и фундаментальных компонентов системы глубинных межличностных, социальных и культурных связей является *феномен коммуникации*. В современном мире человечество развивается в тесном взаимодействии различных народов, стран и культур. Поэтому именно философия, и в особенности, философская антропология берут на себя задачу анализа и синтеза различных форм познания и общения личности и общества.

Главной предпосылкой социокультурной коммуникации является лингвистическая общность коммуникантов, то есть наличие единого языка общения на всех уровнях мировой образовательной системы. Именно в языке находят свое отражение не только менталитет, но и поведение говорящей на нем личности. Коммуникативная культура – это, прежде всего, умение общаться, в том числе и в деловых ситуациях, вырабатываемых поколениями людей. Язык, являясь социокультурным феноменом и в определенной мере подчиняясь тем же законам, что и человеческое поведение в целом, выступает в роли необходимого компонента человеческого поведения, которое включает в себя как вербальную, так и невербальную формы. И в этом процессе важную роль играют речевые практики.

В проблематике философской антропологии нашли свое освещение многие аспекты социокультурной коммуникации, но рассмотрение *речевых практик*, на наш взгляд, не нашло ещё должного научного обоснования. Поскольку в Украине, как и в других странах, проблемы коммуникации связаны с расширением межкультурных связей, появлением новых аспектов в диалоге культур, глобализацией при создании мультикультурных сообществ и построением мультикультурного диалога на новой философско-антропологической основе, поэтому именно они являются актуальными проблемами в современной культурной ситуации и требуют дальнейшего научного исследования.

Изменение темпов и способов социокультурной коммуникации влияет на структуру и динамику речевых практик, определяя, тем самым, новые актуальные

аспекты социокультурной коммуникации, которые связаны с проблемами межкультурного взаимодействия различных обществ и культур, в том числе европейских, азиатских, африканских. В связи с этим необходимо развитие культурной восприимчивости, способностей к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных культурах, а также формирование практических навыков и умений. Поскольку межкультурные профессиональные контакты расширяются, возрастает потребность общества в специалистах различного профиля, владеющих иностранным языком. Поэтому, можно сказать, что социокультурная коммуникация выступает источником жизнеспособности, условием самодостаточности социального организма, что отражается в его *речевых практиках*, которые были вне поля зрения учёных.

Таким образом, *актуальность обращения к проблеме речевых практик социокультурной коммуникации* обусловлена тем, что они являются необходимым фундаментом национальных языковых картин мира, а взаимодействие национальных культур приводит как к конфронтации, так и к диалогу культур, в то время как задачей антропологического направления философии является построение универсальных моделей культуры. Коммуникативные аспекты речевых практик актуализируются при рассмотрении новых способов коммуникации, информационного обмена, обмена между различными культурами, новых технологий коммуникации.

Опираясь на сказанное, актуальность исследования обусловлена:

- во-первых, необходимостью детального и комплексного исследования феномена социокультурной коммуникации с точки зрения описательных и аналитических возможностей философской антропологии и философии культуры;
- во-вторых, потребностью выделения с помощью философско-антропологического анализа моделей речевых практик как базовых категорий социокультурной коммуникации в условиях современного философствования;
- в-третьих, важностью в научном и социокультурном пространстве рефлексий, касающихся проблемы социокультурной коммуникации в условиях современного информационного общества.

Степень научной разработанности проблемы. Анализ процесса взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидами, группами, организациями и т.п.) требует, в первую очередь, обращения особого внимания на феномен коммуникации.

Проблемам коммуникации в философско-антропологическом смысле и социально-философском аспекте посвящены исследования: *в аналитической философии* – Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, У. Куайна, Дж. Мура, Дж. Остина; *в философской герменевтике* – Г. Гадамера, О. Резеншток-Хюсси, П. Рикера, Ф. Шлейермахера; *в феноменологии* – Э. Гуссерля; *в экзистенциализме* – Г. Марселя, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, К. Ясперса; *в диалогическом персонализме* – М. Бахтина, В. Библера, М. Бубера; *в структурализме* – Н. Трубецкого, Р. Якобсона; *в антропологическом структурализме* – Л. Леви-Брюля, К. Леви-Стросса, М. Фуко; *в эпистемологии* – Т. Куна; *в семиотических разработках* – М. Бахтина, Т. Дридзе, Э. Кассирера, Ю. Лотмана, Ч. Морриса, Ч. Пирса, Ф. де Соссюра; *в трансцендентальной прагматике и «дискурсивной этике»* – К.О. Апеля; *в теории коммуникативного действия* – Ю. Хабермаса; *в этнометодологии* – Г. Гарфинкеля; *в символическом интеракционизме* – Г. Блумера, Дж. Мида; *в технологии социальной коммуникации* – М. Маклюэна; *в социальной теории* – П. Бурдьё, Э. Гидденса, Н. Лумана; *в работах по лингвистике и социолингвистике* – Э. Бенвениста, А. Вежбицкой, А. Лосева, П. Серию, Ю. Степанова, Е. Тарасова. Проблема коммуникации вышла на новый уровень развития в связи с появлением новой *информационной цивилизации и постструктуралистских взглядов на неё*, что нашло отражение в работах Ж. Делеза, Ж. Деррида, М. Кастельса, М. Мерло-Понти, М. Фуко, У. Эко и др. В частности социокультурные коммуникации стали предметом анализа также *лингвокультурологов* – А. Васильева, Е. Верещагина, Т. Владимировой, В. Костомарова, В. Максимова, В. Манакина, В. Постоваловой, С. Тер-Минасовой; *психолингвистов* – Л. Выготского, И. Зимней, А. Леонтьева, С. Рубиштейна; *синергетиков* – В. Аршинова, Л. Бевзенко, В. Бранского, В. Буданова, В. Васильковой, Л. Горбуновой, И. Добронравовой, Г. Дульнева, В. Лутая,

Л. Пихтовниковой, И. Пригожина, Г. Хакена и др.

К межкультурному диалогу в контексте коммуникации обращались представители *социальной антропологии и культурантропологии*: С. Артановский, А. Крёбер, К. Леви-Стросс, Э. Лич, Б. Малиновский, Э. Орлова, А. Рэдклифф-Браун, Э. Холл и др. Диалогическая методология актуализируется в ряде исследований по изучению специфики и форм диалога культур, которые представлены в работах: М. Бахтина, В. Библера, П. Гуревич, М. Кагана, Ю. Солонина, А. Флиера, и межкультурных отношений, что отражено в работах Т. Грушевицкой, В. Зинченко, В. Зусман, З. Кирнозе, В. Попкова, А. Садохина, В. Фурмановой и др.

В настоящее время значимыми обобщающими монографическими работами по теории коммуникации и её разных аспектов являются работы: Т. Адамьянц, М. Василика, Л. Володиной, В. Грачева, О. Иссерс, В. Кашкина, В. Конецкой, Б. Маркова, В. Масловой, А. Назарчука, Г. Почепцова, А. Соколова, Ф. Шаркова, И. Яковлева и др. Большой интерес в изучении коммуникационного пространства представляют работы современных исследователей: А. Гусейнова, А. Кармина, Е. Карцева, Г. Касумовой, Л. Крысина, В. Межуева, Л. Микешинной, В. Мироновой, О. Пановой, А. Пелипенко, В. Плахова, О. Попковой, А. Разумова, Н. Розенберг, В. Сметаны, В. Степина и др.

В отечественной философии многомерность исследования коммуникации отражена в научных изысканиях: И. Артамоновой, Е. Батаевой, М. Бойченко, В. Гусаченко, А. Ермоленко, С. Заветного, И. Загрийчука, С. Пазынича, Н. Пальм, А. Пономарева, Д. Руденко, Л. Стародубцевой, В. Табачковского, И. Усанова, Л. Усановой, В. Уханова, Н. Хамитова, О. Холод, О. Хомы, В. Черниковой, В. Шаповала и др.

Несмотря на обилие публикаций по различным аспектам социокультурной коммуникации многие ее аспекты оказались вне поля философско-антропологического анализа. По нашему мнению, одним из значимых аспектов, которые будут способствовать дальнейшему развитию теории *«социокультурной коммуникации»*, является ее рассмотрение в контексте *речевых практик* в

межкультурном взаимодействии.

Связь работы с научными программами, планами, темами. Диссертационное исследование выполнено в рамках комплексной научной темы «Философия человеческого общения» кафедры ЮНЕСКО «Философия человеческого общения» и социально-гуманитарных дисциплин Харьковского национального технического университета сельского хозяйства имени Петра Василенко (Протокол заседания учёного совета ХНТУСХ имени Петра Василенко № 7 от 04.03.2013 г.).

Цель и задачи исследования. *Цель работы* заключается в установлении влияния речевых практик в межкультурном взаимодействии на развитие социокультурной коммуникации.

Для реализации поставленной цели сформулированы следующие *задачи*:

- раскрыть философско-антропологическую сущность речевых практик в контексте социокультурной коммуникации;
- проследить процесс философской трансформации понятий «коммуникация», «социокультурная коммуникация», «речевые практики»;
- проанализировать процесс развития феномена социокультурной коммуникации, начиная с античности и заканчивая современностью;
- систематизировать методологические подходы к философскому рассмотрению социокультурной коммуникации в контексте диалога культур;
- проанализировать взаимосвязь социокультурной коммуникации и речевых практик с помощью методологии синергетики и лингвосинергетики;
- выделить и исследовать модели языковых практик социокультурной коммуникации в контексте философско-антропологического анализа;
- выделить антропологические модусы речевых практик в языковых картинах мира национальных культур, статус речевых практик в межкультурном диалоге;
- рассмотреть инновационные видоизменения социокультурной коммуникации в контексте медиаобразования.

Объектом исследования является социокультурная коммуникация как форма межкультурного взаимодействия.

Предметом исследования являются речевые практики как фактор межкультурной коммуникации в современном социокультурном пространстве.

Теоретико-методологическая основа диссертации обусловлена ее целью и задачами. В работе использован комплексный методологический подход. Он предполагает применение следующих методов: *аналитического* (для определения теоретических, методологических основ и понятийного аппарата исследования); *культурно-исторического* (для раскрытия основных стратегий понимания социокультурной коммуникации, начиная с античности и заканчивая современностью); *социокультурного* (для анализа образовательных и межкультурных контекстов речевых практик); *структурно-типологического анализа* (для разработки и характеристики моделей речевых практик); *этносоциолингвистического и герменевтического* (для определения места и роли речевых практик в национальных языковых картинах мира, а также возможностей осуществления межкультурного диалога).

Для раскрытия основных теоретических положений исследования использовался материал, который был накоплен автором за годы работы на кафедре языковой подготовки (довузовский и основной этапы обучения иностранных граждан) Центра международного образования (ЦМО) Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

Научная новизна полученных результатов исследования состоит в философско-антропологическом обосновании общих моделей социокультурной коммуникации в контексте речевых практик, используемых в межкультурном взаимодействии.

Полученные результаты, отличающиеся научной новизной, конкретизируются в следующих положениях:

впервые:

– проведен философско-антропологический анализ речевых практик в контексте социокультурной коммуникации, на основе чего проведено моделирование языковых практик, и выделены 7 моделей речевых практик: формально-логическая, семантическая, герменевтическая, экстралингвистическая,

структуралистская, интеракционистская, постнеклассическая;

– проведен комплексный анализ процесса философской трансформации понятий «коммуникация», «социокультурная коммуникация», «речевые практики». Установлено, что в понятии «социокультурная коммуникация» акцентируются особенности инкультурации и социальных связей, а также антропологическая природа коммуникации; понятие «речевые практики» воспроизводит способы функционирования социокультурной коммуникации;

– доказано, что социокультурная коммуникация, рассматриваемая в контексте речевых практик в межкультурном взаимодействии, является *холистической моделью* межличностного дискурса коммуникантов-инофонов в постнеклассической науке, поскольку включает в себя *субъект-субъектные отношения* (содержательная основа межличностного дискурса), *семантико-прагматические интенции* (базис межличностного дискурса), *диалогизм отношений* (речевые практики межличностного дискурса) в виде целостного единства триединой природы: языка, речи, дискурса, что особенно важно в межкультурном взаимодействии и диалоге;

усовершенствованы:

– компаративный анализ речевого поведения коммуникантов-инофонов (на примере речевых практик китайцев, вьетнамцев, арабов), выраженных формами приветствий, обращений, речевого этикета;

– анализ инновационных видоизменений социокультурной коммуникации в информационном поликультурном обществе, как в виде демократизации межкультурного диалога, так и преодоления возникающего «сопротивления культур», что позволяет расширять «соизучение культур».

дальнейшее развитие получили:

– антропологические модусы речевых практик в языковых картинах мира национальных культур, статус речевых практик в межкультурном диалоге. Обосновано положение, что речевые практики в национальных языковых картинах мира реализуются в разных антропологических модусах: информационном, прагматическом, контактоустанавливающем, автопрезентативном, аппелятивном,

экспрессивном, побудительном, регулирующем, ритуальном и перформативном. Выделено статус речевых практик в межкультурном диалоге как доминантный, который определяет общие формы общения, создание вербального и невербального образа, имиджа, регулятивов и норм диалога;

– обоснование содержания антропологических и аксиологических параметров речевых практик в межкультурной коммуникации, что включают опосредованность и непосредственность диалога, использование культурных универсалий, деконструкцию бинарных оппозиций в ментальности участников диалога (антропологические параметры); онтологичность межкультурного диалога, выделение социально-прагматических и нравственных составляющих речевых практик, развитие познавательной активности и творчества (аксиологические параметры).

Теоретическое и практическое значение диссертационной работы определяется междисциплинарным исследованием проблемы, которая заявлена на границе философии, антропологии, лингвистики, культурологии, психологии. Осмысление социокультурной коммуникации в контексте речевых практик в межкультурном взаимодействии в рамках выбранной методологии может способствовать решению ряда антропологических и социокультурных проблем. Результаты работы могут быть применены в дальнейших философско-антропологических исследованиях, использоваться в качестве материалов для лекционных и семинарских курсов по гуманитарным дисциплинам, а также для разработки спецкурсов по антропологической, культурологической и языковой проблематике.

Личный вклад автора. Автору принадлежит постановка задач, разработка теоретических и методологических аспектов обозначенной проблемы, подготовка научных публикаций. Представленные в диссертации научные результаты получены автором самостоятельно, работа не имеет текстовых заимствований, идей, научных результатов и материалов других авторов без ссылки на источник.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные идеи, положения и выводы научного исследования были изложены в ряде выступлений

на конференциях (международных, всеукраинских с международным участием и др.) и семинарах (межвузовских), среди которых: VII Міжнародна науково-практична конференція «Релігія, релігійність, філософія та гуманітаристика у сучасному інформаційному просторі: національний та інтернаціональний аспекти» (м. Луганськ, 26-27 грудня 2013 р.), Міжнародна науково-теоретична конференція «Екзистенційні та комунікативні питання управління» (м. Суми, 23-25 січня 2014 р.), IX Міжнародна науково-практична конференція «Проблеми та перспективи соціально-економічного розвитку країни» (м. Чернівці, 25-26 січня 2014 р.), IV Всеукраїнська науково-практична конференція з міжнародною участю «Сучасні соціально-гуманітарні дискурси» (м. Дніпропетровськ, 22 березня 2014 р.), XV Міжнародна науково-практична конференція «Людина, культура, техніка у новому тисячолітті» (м. Харків, 22-23 квітня 2014 р.), III Всеукраїнська науково-практична конференція з міжнародною участю «Придніпровські соціально-гуманітарні читання» (м. Кіровоград, 16 травня 2014 р.), VIII Міжнародна науково-практична конференція «Актуальні питання, проблеми та перспективи розвитку гуманітаристики у сучасному інформаційному просторі: національний та інтернаціональний аспекти» (м. Луганськ, 30-31 травня 2014 р.), IV Международная научно-практическая конференция «Язык и личность в поликультурном пространстве» (г. Севастополь, 5-6 июня 2014 г.), III Всеукраїнська науково-практична конференція з міжнародною участю «Науковий діалог «Схід-Захід» (м. Кам'янець-Подільський, 7 червня 2014 р.), II Международная научно-практическая конференция «Приоритетные направления в развитии современного общества: междисциплинарные исследования» (г. Белгород, 10 октября 2014 г.), V Міжвузівський науково-практичний семінар «Актуальні питання сучасного соціогуманітарного знання» (м. Харків, 23 січня 2014 р.), а також обговорювались на наукових семінарах і на засіданні кафедри ЮНЕСКО «Філософія людського спілкування» і соціально-гуманітарних дисциплін ХНТУСХ імені Петра Василенка (4 грудня 2014 г.).

Публикации. Содержание основных идей диссертации представлено в

21 научной работе автора. Среди них: 8 статей – в украинских специализированных изданиях, 2 статьи – в международных периодических изданиях, 11 публикаций – в сборниках материалов конференций дополнительно отображают результаты диссертационного исследования.

Структура диссертационной работы. Структура работы отвечает поставленной цели и сформулированным задачам и отражает их последовательное решение. Диссертационное исследование состоит из введения, трёх разделов, которые содержат двенадцать подразделов, выводов и списка использованных источников, включающего 299 наименований. Общий объем работы – 257 страниц, из которых 229 страниц основного текста.

РАЗДЕЛ 1

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА КОММУНИКАЦИИ

1.1. Становление коммуникации: историко-типологический анализ, эволюция коммуникации

В своей истории *коммуникация* прошла достаточно длительный путь становления от *речи-логос* (в античности) к *философской коммуникации* (XX в.). Коммуникация, ставшая сегодня одной из важнейших философских дисциплин, в XX столетии приобрела новую актуальность: она стала инструментом философского осмысления многих сфер человеческой деятельности.

В настоящее время коммуникация воздействует на поведение и деятельность человека и формирует в виде различных форм коммуникативные уровни общества. Характерной чертой современного коммуникационного общества является постоянное ускорение и глобализация коммуникаций. С каждым годом непрерывно растёт количество и качество коммуникаций, беспрерывно набирает скорость их чередование. В коммуникационный процесс вовлекается намного больше людей, обширными становятся взаимосвязи между отдельными коммуникациями, происходит рост дальности действия коммуникаций, поэтому их сеть стала приобретать глобальные масштабы.

Расширяющееся коммуникативное пространство способствует сближению разных народов. А это, в свою очередь, стало актуальным в связи с тем, что во многих сферах общественной жизни начали происходить интенсивно культурные обмены и прямые контакты между государственными институтами, социальными группами и отдельными индивидами разных стран и культур. Сегодня потребность контакта приобрела невиданную значимость, став одной из фундаментальных и универсальных биологических потребностей наряду с потребностью самосохранения [38, с. 6]. Это объясняет интерес к «человеку, говорящему с другим человеком» [17] не только лингвистики, но и психологии, социологии, этнологии, культурологии, истории и, конечно же, философии. В связи с тем, что в

XX веке и начале XXI века происходит усиленный процесс дифференциации философского знания, то обращение к социокультурной коммуникации предполагает рассмотрение ее с точки зрения философско-антропологической интерпретации, т.е. с позиций человека и межличностного дискурса.

Методологическое обоснование социокультурной коммуникации будет дано в широком контексте посредством универсального характера коммуникации в её детерминированном аспекте через призму социума и культуры в целом (структура, принципы построения знания, методы и средства деятельности). С нашей точки зрения, социокультурная коммуникация может быть рассмотрена только в комплексе: *коммуникация = социальная коммуникация + культура = социокультурная коммуникация*, поскольку именно в такой постановке вопроса может быть представлена её целостность (коммуникация есть не что иное как социокультурная коммуникация), отражающаяся в речевых практиках межкультурного взаимодействия.

Термин «коммуникация» вошел в научный обиход с начала XX века. В современных философских и энциклопедических словарях термину «коммуникация» даются следующие толкования: «*коммуникация* – совещаться с кем-либо. Центральное понятие в философии экзистенциализма: благодаря коммуникации субъект действительно становится самим собой, обнаруживая себя в другом. Коммуникация как общение может быть контактом, договором, дискуссией, встречей» [241, с. 276]; «*коммуникация* (лат. *communicatio* – сообщение, передача) – это смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия. Действия, сознательно ориентированные на их смысловое восприятие, называют коммуникативными. Основная функция коммуникации – достижение социальной общности при сохранении индивидуальности каждого элемента» [242, с. 497]. Отметим, что в первом определении нам важен экзистенциальный характер коммуникации, а во втором – смысловой, целенаправленный аспект коммуникации.

«*Коммуникация* (лат. *communicatio*, от *communico* – делаю общим, связываю, общаюсь): 1) путь сообщения, одного места с другим. 2) Общение, передача

информации от человека к человеку – специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка (реже при помощи других знаковых систем). Коммуникациями называются также сигнальные способы связи у животных» [177, с. 350]; «*коммуникация* – тип взаимодействия между людьми, предполагающий информационный обмен. Коммуникацию (несущую в этимологии индоевропейский корень «*mei*» - меняться, обмениваться) следует отличать от диалога, поскольку его целевой причиной является слияние личностей, участвующих в нем, и от общения, ибо последнее имеет дело, прежде всего, с общими механизмами воспроизводства социального опыта и порождения нового. Между тем вопросы, связанные с коммуникацией, исторически поднимались и развивались в рамках проблематики диалога и общения» [219, с. 329].

Данное определение отвечает сути нашего диссертационного исследования, научной проблеме и задачам нашего исследования. В то же время поможет сравнить коммуникацию с диалогом и общением.

В теории коммуникации под «*коммуникацией*» понимается «специфическая форма взаимодействия людей по передаче информации от человека к человеку, осуществляющаяся при помощи любых знаковых систем» [180, с. 18].

Один из основоположников американской социологии Чарльз Кули писал, что *коммуникация* – это «механизм, посредством которого становится возможным существование и развитие человеческих отношений – все символы разума вместе со способами их передачи в пространстве и сохранения во времени. Она включает в себя мимику, общение, жесты, тон голоса, слова, письменность, печать, железные дороги, телеграф, телефон и самые последние достижения по завоеванию пространства и времени» [130, с. 379].

Ю. Хабермас, философ и социолог, дал определение коммуникации через понятие *коммуникативного разума*. Он разделял «ложную» и «истинную» формы коммуникации в области интеракции (межличностного взаимодействия). В связи с этим, кроме знакового характера коммуникации (семиотика), коммуникации как формы передачи социокультурного опыта (символическая антропология,

социология), нам необходим рациональный аспект коммуникации, поэтому ведущие положения теории коммуникативного разума Ю. Хабермаса переосмыслены и использованы в нашем исследовании.

В Новейшем философском словаре *коммуникация* трактуется как «смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия» [176, с. 497], содержащий различные формы связи человека с человеком, общества с обществом, культуры с культурой в рамках определенной многоуровневой системы.

С нашей точки зрения из всех приведенных выше определений коммуникации последнее наиболее точно отражает этимологический анализ понятия «коммуникация» в современной действительности и может быть использовано в рамках философско-антропологического подхода к пониманию коммуникации.

Хотя следует отметить, что определений коммуникации достаточно много. Как пишет Ф.И. Шарков, «американские ученые Ф. Дэнс и К. Ларсон проанализировали 126 определений термина «коммуникация» [280]. В настоящее время у понятия «коммуникация» три основные интерпретации. *Во-первых*, коммуникация представляется как средство связи любых объектов материального и духовного мира, т.е. как определенная структура (реализация социальных функций). *Во-вторых*, это взаимодействие, в процессе которого субъекты коммуникации обмениваются информацией. Если субъекты коммуникации люди, то такая коммуникация превращается в ее новую разновидность – общение (межличностная коммуникация). *В-третьих*, под коммуникацией подразумевают передачу и массовый обмен информацией с целью воздействия на общество или его составные компоненты (социокультурный аспект)» [265, с. 66].

Исходя из приведенных постулатов, в нашем исследовании мы будем придерживаться того, что коммуникация – это универсальная категория, включающая взаимодействие трех базовых составляющих социальных коммуникаций: социальной структуры, коммуникативных систем и способов коммуникации.

Для нашего исследования важна *процессуальная атрибуция коммуникации*

(признаки нашей концепции), её деятельная природа. Коммуникация – это многомерное явление, но мы будем исходить из такой концепции: 1) коммуникация представляет собой движение смыслов в социальном времени и пространстве; 2) коммуникация – это не просто процесс обмена информацией, но генерирование смысла, создание социальных смыслов – постоянно изменяющихся, «текущих» образований (социокультурный, герменевтический подходы); 3) коммуникация – это процесс создания смыслов с помощью символов, среди которых наиболее важная роль принадлежит языку (семиотический, символический подходы); 4) коммуникация включает в себя взаимодействие, общественные отношения и общение (обусловлено функциональностью, объективированной структурой коммуникации); 5) коммуникация в отражении речевых практик в межличностном дискурсе при построении межкультурного диалога; 6) коммуникация выступает как субстанция (генератор) современной социальной коммуникативной реальности и то, что создаёт (генерирует) социальную коммуникативную реальность; 7) коммуникация – это основа новой формы коммуникативной реальности – медиареальности.

Для того чтобы раскрыть в полной мере признаки нашей концепции, необходимо рассмотреть различные трактовки данного феномена, представленные теми или иными исследователями. Несмотря на то, что исследование имеет как структуралистский компонент, так и связь с теорией информации, культуры и информационного общества, мы, прежде всего, хотели бы обратиться к проблеме человеческого общения, рассмотрев как апологетов коммуникации, как способа общения, так и критиков этой теории.

Ранее проблема коммуникации рассматривалась исключительно как проблема человеческого общения. Несмотря на то, что человеческое общение всегда составляло основу социального бытия, на разных этапах становления и развития человеческого общества оно осознавалось по-разному. Поэтому есть возможность говорить об историко-философском осмыслении феномена коммуникации, его проявлениях на этом пути становления относительно самостоятельного существования. Так, украинский философ А. Ермоленко считает,

что «практична комунікативна філософія поєднується з філософією історії, чинником якої є також філософія історії моральної свідомості. На основі концепції реконструкції розвитку моральної свідомості особистості, а також відповідної реконструкції соціально-культурних передумов розвитку моральних норм представники комунікативної етики доводять можливість та необхідність раціонального дискурсивного обґрунтування норм універсалістської етики відповідальності, яка й має втілюватись у демократичних інституціях сучасного суспільства» [100, с. 11].

1.1.1. Философские интерпретации феномена коммуникации от античности до эпохи Просвещения

Истоки научного познания коммуникации берут свое начало еще с *античности*. Долгое время теория коммуникации развивалась как риторика. На определенном этапе (античность – эпоха Просвещения) это имело место, поскольку шел процесс формирования теории коммуникации как науки.

Античные мыслители вместе с *разумом-логосом* чтили *речь-логос*. Известно, что побудительной причиной этому стало то, что общественная и политическая жизнь греков использовала широко, как уже отмечалось, риторику, красноречие. Особое доверие народного собрания имели ораторы, владеющие силой устного слова, а регулятором общественной жизни служил «номос» – закон в виде письменного текста.

Сократ стоял у истоков моральной философии. В центре его внимания находилась проблема человека и его сущности. Он считал, чтобы ориентироваться в мире, человеку необходимо познать себя в виде общественного и нравственного существа. Именно *сократический метод диалектики* как способа рассуждения устанавливает философ в своих дискуссиях. Он считает, что именно в диалоге, в форме вопросов и ответов раскрываются противоречия во взглядах собеседника через столкновение различных точек зрения на обсуждаемый предмет с целью достижения истины. Такая постановка вопроса приводит нас к тезису о том, что диалог (*диа-логос*) и есть диалектика Сократа.

Система ценностей (свобода, духовность, познание), которая была предложена Сократом, наметила переход от традиционных натурфилософских представлений к рационалистической этике и философской антропологии, достаточно сильно повлиявших на развитие западноевропейской культуры.

Обоснование роли риторики содержится в диалоге «Горгий» Платона, в котором он считал риторику (представляющую искусство афинских политиков и их учителей) угодничеством и лестью. В «Федре» он поднимает вопрос о том, что права искусства дискурса, или риторики, которая должна служить истине, лежит через познание вещей, души, диалектики.

Целостным триединством выступает Бытие в учении Платона: мир чувственных вещей – мировая душа – мир сущностных идей. Говоря современным языком, это и является *концептосферой языка*. Согласно Платону, в языке имя связано с сущностью вещи, ее идеей («эйдосом»), из-за чего оно всегда является обобщенным понятием, способным называть отдельные («соименные») проявления этой сущности [227, с. 24]. При таком подходе раскрывается причина затруднений в общении с коммуникантами-инофонами, которая связана с отсутствием общего смыслового поля, где слово выступает как целостное триединство знака, символа и мифа (А.Ф. Лосев).

Важные аспекты риторики разработал *Аристотель*. Он, как и его учитель, Платон, был твердо убежден в том, что задача философии – подвергать научному изучению истину, заниматься культивированием знаний, а задача риторики – выяснять методы убеждения или убеждать. В формальном смысле риторика похожа на логику и близка диалектике. Внимание философа было обращено на рациональную сторону речевого общения, что оказало огромное воздействие на утверждение словесно-логической доминанты в речевом общении. В аристотелевской риторике представлены размышления об искусстве ведения беседы, о необходимости различения стилей устной и письменной речи. Размышляя о роли интонации и голосовых модуляций, философ считает, что говорящий, игнорируя их, «уподобляется человеку, несущему бревно». Аристотелем также была осмыслена зависимость восприятия от склонностей и

способностей адресата: «... хорошо составленные фабулы не должны начинаться откуда попало, нигде попало оканчиваться» [8, с. 62-63].

Следует также сказать о понимании Аристотелем энергийной сущности дискурса («бытие в возможности» – Аристотель). Раскрывая природу дискурса как целостного речевого феномена, исследователь получает возможность выйти за пределы некой совокупности застывших высказываний и раскрыть их динамически развивающуюся сущность. Триада Аристотеля: <DYNAMIS – ENERGEIA – ENTELECHEIA> [9, с. 15-35], где *dynamis* – трактуется как «возможность», начало движения или изменения; *energeia* – как деятельность, действительность, «энергейя»; *entelecheia* – как «осуществленность», совершенство [51, с. 62] является основанием для понимания природы аксиологического аспекта в межличностном дискурсе. По нашему мнению, именно данная триада отражает целостную природу энергийной реальности и ее «событийный» характер. «Потенциально возможное высказывание («бытие в возможности») становится в процессе речевой деятельности реальностью («бытием»), но, будучи соотнесенным с исходным намерением и искомым совершенством (энтелихией), переосмысливается и преобразуется, порождая новую речевую интенцию («бытие в возможности») и новое высказывание («бытие») и т.д.» [38, с. 23-24].

Таким образом, энергийное начало выступает в роли главного источника проявления «воли говорящего» (независимо от других условий коммуникации). Поэтому, можно отметить, что именно им предопределяется сама возможность бытия межличностного дискурса, находящегося в постоянном развитии и соотнесении с уже имеющимися аксиологическими представлениями (энтелихией).

Сегодня с уверенностью можно сказать, что *античная риторика* сыграла огромную роль в становлении и развитии коммуникативной теории и практики, поскольку античные мыслители создали основу для дальнейших исследований в области человеческой коммуникации и культуры. Фундаментальной базой для этого послужил тот духовный импульс, который и в наши дни продолжает обогащать стремящегося к познанию самого себя и окружающего мира человека.

Но, несмотря на положительные стороны, следует отметить, из-за того, что

уровень развития личности и общественного сознания был очень низким по причине «растворенности индивидуального существования в коллективности полисной общины» (М.С. Каган) [105], античная мысль стала только отправной точкой в осмыслении человеческой коммуникации.

Дальнейшее развитие и свой новый виток получила проблема личности и человеческих отношений с возникновением и распространением *христианства*. Мощным импульсом во времена христианства стало развитие самосознания личности. Именно в этот период высшей ценностью было признано общение человека с Богом, а не с подобными себе, что несло в себе очень мощный нравственный заряд.

Отметим, что еще в античности коммуникация изучалась такими древнейшими дисциплинами как логика и лингвистика. Уроки античного красноречия были приняты во внимание христианской церковью *в период Средних веков*. В связи с чем, программа подготовки священнослужителей состояла из трех первых и основных предметов изучения (так называемый «тривиум»): *риторики, грамматики и диалектики*. Средневековым схоластам удалось возродить *древнегреческую герменевтику* – науку о понимании и толковании поэтических (Гомер) и священных текстов (Библия). В этот период получает развитие *гомилетика* – искусство произнесения проповеди (методика проповеди), поддерживаемое церковью.

В эпоху Возрождения особую актуальность приобрели впечатляющие кругосветные и другие морские путешествия, открывшие широкие возможности для общения народов.

С эпохи Возрождения риторика уже не опирается на гомилетику, а обращается к практике художественной речи. Во время Возрождения и Нового времени риторика обогащается новыми течениями, связанными с живой национальной речью, что существенно отличали ее от мертвого языка латыни старых учебников. В период *Возрождения и Нового времени* человеческое общение уже основывается на гуманистических традициях. В центре внимания культуры оказывается уже не Бог, а Человек. Эта культура очистила бытие человека от

религиозного мистицизма и придала подлинную ценность его земному, а не потустороннему бытию. В Новое время достаточно быстро развивается также научное общение, что неразрывно связано с открытием университетов в странах Западной Европы.

С наступлением эпохи Просвещения изменяются и умонастроения в интеллектуальной среде. Широкое распространение в это время получает идея определения сущности человека и человеческих отношений, основанная на вере в разумность человека, его природную доброту, в возможность создания общества, где основными, главными принципами будут являться – «свобода, равенство, братство». А риторика в этот период теряет свою популярность и к началу XIX века в Западной Европе уже вытесняется из сферы образования и не рассматривается как наука.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что хотя философы античности не анализировали непосредственно сам феномен коммуникации, они предоставили важные идеи для ее философского понимания, что оказалось косвенно в постановке таких вопросов, как роль диалога, взаимосвязь языка и речи, диалектика мышления человеческого бытия. Главной для античности является постановка «слово-логос», «речь-логос», то есть коммуникация. Следует отметить, что античная мысль дала лишь толчок для осмысления человеческой коммуникации, так как уровень развития личности и общественного сознания был еще низок. В период Просвещения получила распространение идея определения сущности человека и человеческих отношений, она основана на вере в разум человека, его природную доброту, в возможность создания общества, где основными принципами являются «свобода, равенство, братство».

1.1.2. Теория коммуникации в конце XVIII в. – XIX в.

С конца XVIII – начала XIX вв. благодаря немецкой классической философии создается категориальный аппарат, сыгравший впоследствии важную роль в становлении теории коммуникации. Именно с этого времени коммуникация поднялась на новый философский уровень. Категории «субъект» и «объект», как

наиболее значимые, стали предметом обсуждений многих немецких философов. В роли «субъекта» выступал человек, а окружающий его объективный мир рассматривался в роли «объекта». В этот период человек относительно окружающего объективного мира находился в активно-познавательном состоянии. Как справедливо отмечает Ю.И. Мирошников, «... конец классической философии, обозначившийся в первой половине XIX века, отразил нарастающее сомнение философов в самодостаточности того, что они делали до сих пор. ... Цена чистых истин резко понизилась, их было слишком много. ... они были далеки от жизни, от интересов большинства, занятого практическими делами, а не теоретическими измышлениями. Философы не могли не заметить этого нового контекста существования философии, не могли не откликнуться на призыв быть ближе к простому человеку» [161, с. 29-54].

Рассматривая поле философских проблем, касающихся феномена коммуникации, следует назвать некоторые положения, которые в свое время были сформулированы великими философами.

Так, *Иммануил Кант* в духе традиций Нового времени, в первую очередь, рассматривал субъект и объект в контексте гносеологических проблем. Он считал, что между субъектом и объектом существует взаимосвязь, где объективация выступает в качестве определенного вида деятельности субъекта. Субъект для Канта является внутренней активностью по переработке чувственного материала через систему категорий, служащих для оформления представлений. Без субъекта не может существовать и объекта, а существует только природа. Идея Канта заключалась в том, что человечество и человек – это часть природы, а происходящие исторические процессы подвластны общим законам природы. Как утверждает философ, закономерность и последовательность развития определяется на уровне всего человеческого рода в целом, а не на уровне отдельного человека. И. Кант пишет: «Природные задатки человека (как единственного разумного существа на земле), направленные на применение разума, развиваются полностью не в индивидуе, а в роде» [108, с. 9].

Значимым признаком человека как разумного существа на земле является его

способность общаться с подобными себе, «ибо в таком состоянии он больше чувствует себя человеком, т.е. чувствует развитие своих природных задатков. Но ему также присуще сильное стремление уединяться (изолироваться), ибо он в тоже время находит в себе необщительное свойство – желание все сообразовать только со своим разумением – и поэтому ожидает отовсюду сопротивление, так как он по себе знает, что сам склонен сопротивляться другим» [108, с. 11]. Так возникает главная проблема человеческого рода [109, с. 270], которая связана с осуществлением достижения всеобщего правового гражданского общества, где под внешними законами максимальная свобода сочетается с принуждением.

Итак, следует отметить, что И. Кантом разработаны идеи, касающиеся нравственной глубинной социальной основы общения и взаимодействия людей (т.е. коммуникации), с помощью которой достигается связь одного человека с другим и возвышение каждого отдельного человека над стремлением к обособлению. Необходимо также напомнить о том, что И. Кант в своем произведении «К вечному миру», «разрабатывая идеал гармоничного общества, верил, что посредством борьбы и устранения недостатков человечество постепенно (главный принцип И. Канта – не революция, а эволюция) придет к состоянию вечного мира, в котором будет господствовать гармония как основной результат и регулятор общественных отношений. Средствами установления подобного состояния И. Кант считал международную торговлю и общение, хотя и сама торговля является специфической формой экономического общения» [240, с. 9].

Таким образом, постулат И. Канта о том, что человечеству необходимо достижение всеобщего правового состояния и вечного мира между народами, и сегодня является актуальным при рассмотрении феномена коммуникации посредством философской антропологии и межкультурного взаимодействия.

Многие немецкие философы трактовали в категориях субъект-объектной связи и человеческое общение, они не смогли выйти за пределы этой категории и так не осуществили свои намерения в рамках субъект-субъектной связи. В их теоретических доводах (И.Г. Фихте и Ф. Новалис) человеческое индивидуальное Я носило абсолютизированный характер, в то время, когда «другое Я» (тоже субъект)

по существу оказывалось лишенным своей субъективности и становилось объектом среди объектов. В связи с этим принцип монологичности коммуникации взял верх над диалогичностью межличностной коммуникации. Поэтому, как справедливо утверждает М.А. Василик [180, с. 70], рассмотрение коммуникации в виде однонаправленного процесса, который предусматривал уровень ее понимания как субъект-объектного отношения, где другая сторона превращалась в пассивный объект воздействия познающего субъекта (Он), препятствовало созданию адекватной теории межличностной коммуникации как субъект-субъектного отношения (Я - другое Я).

Чтобы раскрыть сущность человека, он (человек) должен находиться в связи с другими людьми. И только с помощью множества реальных «Я» человек может самостоятельно реализовываться. Так, акцент внимания И.Г. Фихте сфокусирован на предназначении человека: «Человек предназначен для жизни в обществе; он должен жить в обществе; он не полный, законченный человек и противоречит самому себе, если он живет изолированно» [243, с. 240].

Всем известно, что предназначение человека заключается в достижении общего совершенствования и общего блага. Необходимо быть полезным обществу и реализовывать это в повседневной жизни. Так у И.Г. Фихте идеи общего блага, представляющие наивысшую цель взаимодействия, базируются на идеях правовой и нравственной основы человеческого общения.

В контексте диалектического развития мышления решает проблему субъекта и объекта *Георг Гегель*. Для его понимания процесса движения мышления характерен постоянный переход субъекта и объекта друг в друга, что и отражено во всей его логике философствования. Именно через призму движения Абсолютной идеи на стадии духа – субъективного, объективного, абсолютного – рассматриваются субъект-объектные отношения у Г. Гегеля.

Человек – существо природное и общественное. Г. Гегель пишет: «Человек по своему непосредственному существованию в себе самом есть нечто природное, внешнее своему понятию» [52, с. 113]. Выступая только полностью во владении с собой и становясь собственностью, как самого себя, так и по отношению к другим,

тем самым усовершенствовав свое собственное тело и дух с помощью своего самосознания, человек сможет постичь себя как свободное существо. Система социальных связей превращает человека в личность. А личность может определять себя только лишь тогда, когда относится определенным образом к другой личности. Именно такая связь дает характеристику человеку как существу социальному и не могущему быть как вне связи с другими людьми, так и с обществом в целом. В этом заключается главная идея, дающая импульс для объяснения социальной функции коммуникации.

Людвиг Фейербах считал, что высшей и абсолютной сущностью человека являются разум, воля и чувства, а тремя силами, которые составляют основу действительного человека, есть сила мышления (познание), сила воли (характер), сила чувства (любовь). Проявить себя и свои качества человек может как человек только в общении с другими людьми. Сам по себе в отдельности человек не может иметь сущности человека в себе как в моральном, так и в мыслящем существе. «Существо человека содержится только в общении, в единстве человека с человеком, – единстве, опирающемся лишь на реальности различия Я и Ты, – пишет Л. Фейербах. – Одиночество есть конечность и ограниченность, общественность есть свобода и бесконечность. Человек сам по себе есть только человек (в обычном смысле слова): человек с человеком, единство Я и Ты, есть бог» [239, с. 203]. Следует также отметить, что истина и совершенство мира находятся во взаимосвязи и единстве равноправных существ, в чем и заключается тайна коллективной жизни. «Только в общении, только из отношений между людьми возникают идеи. Не в одиночку, но лишь сообща приходят к понятиям, вообще к знанию» [239, с. 203].

Представитель немецкого романтизма *Фридрих Шлейермахер* [199, с. 42-44] рассматривал проблему общения как общение между людьми, равными субъектами (субъект-субъектное отношение). В последующем это и послужило базой для разработки теории понимания (*герменевтики*), ставшей основой подлинно человеческих взаимоотношений. Герменевтика как общефилософская проблема была разработана Ф. Шлегелем, а детально рассмотрел ее Ф. Шлейермахер [268].

Для Ф. Шлейермахера герменевтика была «искусством постижения чужой индивидуальности», «другого». Ее предмет – выражение, а не содержание, поскольку именно выражение есть воплощение индивидуальности. В понимании Ф. Шлейермахера герменевтика предстает и как метод всех наук о духе (гуманитарных наук). Он считал, что с помощью герменевтической теории возможно провести реконструкцию исторических событий и «понять автора лучше, чем тот понимал сам себя» [74, с. 13-232].

Решающим значением для выделения теории коммуникации как отдельной области знания стало зарождение и становление семиотики, которая появилась на основе философии прагматизма в XIX веке. Являясь новым направлением в исследовании коммуникации, семиотика базировалась на знаковой природе коммуникации, анализе свойств знаков и знаковых систем. Американский философ-прагматик *Чарльз Пирс* ввел понятие «семиотика» и сформулировал ее основные принципы. Философ считал, что любая мысль – это знак, который принимает участие в природе языка, а «мыслить без знаков невозможно», потому что знак является в каком-то аспекте заменителем объекта. Триадическую природу знака (знак (первый термин) в функции объекта (второй термин) и в отношении к интерпретатору (третий термин)) и соответствующую ей «теорию знаков Ч. Пирс считал исключительно необходимой для исследований коммуникации, хотя и подчеркивал фаллибилистский («ненадежный, подверженный ошибкам») характер любого научного исследования» [180, с. 72]. По мнению Ч. Пирса, не только человеческое мышление состоит из знаков, но и сам человек может трактоваться как знак. В XX веке философия продолжила идеи Ч. Пирса по изучению проблемы коммуникации и имела своих последователей.

Сделан вывод о том, что обращение к теории коммуникации конца XVIII в. – XIX в. в контексте развития немецкой классической философии в полной мере обогащает теоретические основы исследования социокультурной коммуникации.

1.1.3. Понятие коммуникации в философии культуры XX века

В XX веке философское осмысление феномена коммуникации было

продолжено и переосмыслено, поскольку сама философия является коммуникацией в связи с тем, что происходит обмен смыслами, которые, по сути, являются фундаментом человеческого бытия. А, следовательно, коммуникация – неотъемлемый компонент функционирования и развития общества, который обеспечивает его стабильность и способность к развитию.

В XX веке философское изучение коммуникации многомерно и разнообразно. В рамках теории коммуникации были продолжены идеи семиотики и герменевтики, а также проблема человеческой коммуникации получила распространение в таких философских направлениях: персонализм, экзистенциализм, аналитическая и лингвистическая философия, диалогическая философия и многих других теориях и концепциях.

Целью *экзистенциализма*, представляющего особое философское направление (оформился к 1920-м г.), было раскрытие внутреннего мира личности, изолированной от общества. *Ж.-П. Сартр* и *М. Хайдеггер* считали, что экзистенция есть бытие, которое направлено к ничто, сознающее свою конечность. Общение в виде акта речи представлено в работах А. Камю, хотя оно дано не как «настоящее, подлинное» общение между людьми. Ученый говорит о том, что для «настоящего, подлинного» общения необходимо объединиться в решительных действиях против «абсурдного» мира. Совершенно с другой позиции выступает *Карл Ясперс* [274], считающий нашу повседневную жизнь миром коммуникации. Философ выступает в качестве сторонника «живой, повседневной, непрекращающейся коммуникации людей, решающих с помощью дискуссий, споров, столкновения точек зрения и позиций научные, политические и социальные проблемы». Он считает, что «только путем свободной дискуссии, развернутого и широкого столкновения мнений могут решаться важнейшие вопросы в обществе» [50, с. 129]. К. Ясперс был убежден в том, что только благодаря коммуникации человек может быть самим собой, а значит, он должен быть «уединенным», т.е. «самостью». Основываясь на мировоззрении К. Ясперса, правомерно сделать вывод о том, что коммуникация предстает перед нами в виде универсального условия человеческого бытия. Это экзистенциальная коммуникация, указывающая путь к подлинно человеческому

существованию, что является целью и задачей философии, «в которой все цели находят свое последнее основание и смысл: внятие бытию, просветление любви, совершенство покоя» [275, с. 26-28].

Согласно *Мартину Хайдеггеру*, «язык есть дом бытия, живя в котором человек экзистировать, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей» [250, с. 203]. Как видим, в такой интерпретации М. Хайдеггера язык выступает в качестве сущностного свойства, внутренней основы, содержания человеческого бытия. Именно тотальный, всеобщий, всеобъемлющий характер языка делает его особенно значимым в рамках философской антропологии: «Поскольку мы, люди, чтобы быть тем, что мы есть, встроены в язык и никогда не сможем из него выйти, чтобы можно было обозреть его и как-нибудь со стороны, то в поле нашего зрения существо нашего языка оказывается всякий раз лишь в той мере, в которой мы сами оказываемся в его поле, вверены ему» [251, с. 272]. Исходя из изложенного, вытекает вывод о том, что отношение М. Хайдеггера к языку включает: детальное рассмотрение языка как активного начала по отношению к носителям языка; восприятие и рассмотрение языка как всеобъемлющего начала; изучение и рассмотрение языка как пространства, в котором воплощается и осуществляется бытие, открывая свою истину. Так происходит возрождение понятия герменевтического круга в новом онтологическом смысле: разъяснить текст, дав ему толкование, не через его части, а частей – через целое (Х.-Г. Гадамер).

Как человеческое существование с его различными модусами (мышление, речь, работа и т.д.) представляет собой условие открытия истины, так и открытие истины есть условие осуществления человека. «Разговор о языке должен быть вызван его существом. Как он способен к чему-то подобному, сам не отдавшись сначала слышанию, сразу достигающему до его существа? ... Носитель вести должен уже исходить из вести. Он, однако, должен заранее быть уже и близок к ней» [251, с. 268]. Исходя из этого, М. Хайдеггер применяет понятие «коммуникация» в виде определенной модели человеческого существования для прояснения многих вопросов онтологии. Согласно М. Хайдеггеру, такое существование не является только личным делом отдельного человека, оно

включено в тотальный процесс открытия истины в присутствии глобальной коммуникации между внимающим (слышащим и понимающим) человеком и говорящим, вещающим бытием.

В XX веке оформляется как самостоятельное направление в современной философии *герменевтика*, которая продолжила философско-методологические принципы, заложенные еще в XIX веке Ф. Шлейермахером. Так, *Ханс-Георг Гадамер*, основатель философской герменевтики, считал понимание как способ существования познающего и оценивающего субъекта, в основе которого лежат «опыт жизни», «опыт истории» и «опыт искусства» [38, с. 138]. Главные составляющие опыта формируются через язык, с его помощью человек ориентируется в мире. По мнению Х.-Г. Гадамера, именно язык выступает в качестве структурного элемента культурного целого. С точки зрения Х.Г. Гадамера, язык – это есть мир, который окружает человека, в связи с чем, без языка невозможны ни жизнь, ни сознание, ни мышление, ни чувства, ни общество, ни история и т.д. Именно в языке находит свое отражение все, что связано с человеком. Х.-Г. Гадамер продолжил идеи о коммуникации, высказанные М. Хайдеггером.

Язык – это способ бытия человека, его значимое сущностное свойство, которое выступает в роли условия познавательной деятельности человека. Х.Г. Гадамер говорит не об истине, которая открывается в языке, а о диалоге, как о «узрении некой сути дела», которая и становится условием понимания: «Понять означает, прежде всего, понять само дело и лишь во вторую очередь – выделить и понять чужое мнение в качестве такового. Наипервейшим из всех герменевтических условий остается, таким образом, предпонимание, вырастающее из нашей обращенности к тому же делу» [47, с. 349].

По мнению Х.-Г. Гадамера, язык предстает перед нами как уже общий язык, это язык, построенный на взаимопонимании и диалоге. «Язык всегда является языком диалога. Никто не может сознавать того, что язык, на котором люди говорят с давних пор, уже осуществил подготовительную работу их собственного мышления» [49, с. 215]. Проблема понимания у Г.-Х. Гадамера связана, прежде

всего, с интерпретацией и с жизненным опытом («возвышенность опыта»), что дает возможность осмысления этого опыта для постижения истины, а истина, в свою очередь, включает как объективное содержание знания, так и субъективный опыт переживания. Именно возможность понимания является «основополагающим оснащением человека» (Г.-Х. Гадамер) в его жизни с другими людьми, в общении с Другим. Речевая деятельность как понимание является основой коммуникации с Другим: «По Гадамеру, понимание означает в первую очередь не идентификацию, а способность поставить себя на место Другого и рассмотреть оттуда себя самого» [126, с. 51]. Данный тезис интересен и для нашего исследования социокультурной коммуникации, касающегося рассмотрения речевых практик в межкультурном взаимодействии, поскольку он затрагивает аспекты понимания реципиентом одной культуры текстов, созданных в рамках другой культуры.

Герменевтика внесла значительный вклад в разработку антропологической позиции целостности благодаря феноменологической, персоналистской и экзистенциальной онтологии, которая сформировалась под знаком противостояния классической философии с ее субъект-объектной дихотомией. Результатом исследования межличностного дискурса стало введение *Эдмундом Гуссерлем* понятия «жизненного мира» [66; 67], представляющего собой мир людей и предметов, непосредственно окружающих нас в течение всей нашей жизни. Это, так называемый, «мой мир» (моя семья, мой город с его ландшафтами и людьми, моя страна и др., а также это мир, включающий мир моих личных убеждений, интересов, вкусов, дел, привычек) [67]. Это целостность, которая предпослана субъект-объектному членению, «где человеку предстоит обрести «органическое мировоззрение» (*Н. Лосский*). В русле этого направления было разработано понимание личности как «экзистенции, открывающейся в коммуникации» (*К. Ясперс*), как трансцендентального «Я» и «бытия-в-мире» («тут-бытия») (*М. Хайдеггер*). Впервые подлинно-личностное общение было интерпретировано как высшая цель и назначение человеческого существования: каждый индивид «имеет цель в себе и в то же время во всех» (*Э. Левинас*)» [38, с. 138-139].

В XX веке разработка теории коммуникации связана с понятием «дискурс», что нашло отражение в рамках различных школ.

Философский анализ коммуникации также связан с понятием «дискурс» (*discursus* – от лат. *discere* – блуждать; от позднелат. – бегание взад-вперед; движение, круговорот; рассуждение, беседа, разговор). В самом общем виде под ним понимается процесс становления и развития речевой деятельности вместе с результатом и соответствующим социокультурным контекстом. «Дискурс» (от франц. *discours* – речь) – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь» [140, с. 136-137]. Хотя следует отметить, что во французском языке термин «дискурс» дифференцируется так: от свободной беседы, диалога и рассуждения до методически видоизмененной философской речи, а в немецком – «дискурс» – понятие, подчиненное по отношению к понятию диалога: дискурс есть диалог, ведущийся с помощью аргументов.

Немецкий философ и социолог *Юрген Хабермас* на протяжении многих десятилетий XX века находится в центре внимания философской дискуссии, связанной с анализом роли, норм и значения коммуникации в современном ему обществе, или, можно сказать, «интерсубъективным понятием дискурса». Его теории являются ключевыми для нашего исследования. Относительно дискурса Ю. Хабермас пишет следующее: «Дискурс – это та форма общения, которая не связана с контекстом опыта и деятельности и структура которой уверяет нас: заключения в скобки, обоснованность утверждений, рекомендаций или предупреждений являются особыми предметами дискуссии; участники, темы и степень активности не ограничиваются, за исключением тех моментов, которые имеют непосредственное отношение к проверке обоснованности обсуждаемых утверждений; нет лучшей силы, чем обоснованный аргумент, любые другие мотивы, кроме желания совместно искать до истины, исключаются» [286, с. 107-

108]. По мнению философа, для того, чтобы происходило формирование гражданского общества, необходимо вести разумный диалог со всеми другими, развивая коммуникативные отношения и рационализируя системы массовых коммуникаций.

Концепция, созданная Ю. Хабермасом [287; 288], базой которой послужила теория речевых актов, разработанная в философии языка Дж.Л. Остином и Дж.Р. Серлом [298], представляет собой «дискурс» – «идеальную речевую ситуацию». Эта коммуникация является особой, поскольку при ней с помощью критического обсуждения и рационального обоснования различных взглядов и действий коммуникантов достигается «интерсубъективное понимание» или взаимопонимание. Как отмечает А.В. Назарчук, «ключевым в этой концепции остается связывающий эффект, которым обладает языковая коммуникация благодаря своей конвенциональной природе в рамках коммуникативного акта взаимосогласования» [169, с. 72].

В «Теории коммуникативного действия» Ю. Хабермаса концепт речевого действия выступает важнейшим системообразующим элементом в виде речевого акта (непосредственное общение со слушателем). Характеризуется взаимопонимание как условие и идеал коммуникативной рациональности. Трактовка *коммуникативной рациональности* с точки зрения формальной прагматики сводится к пониманию ее как совокупности структур, позволяющих прийти к взаимопониманию. Такими формальными структурами в данном случае есть структуры субъекта: структуры действия; структуры интерсубъективности; структуры ситуации.

Субъект, по Ю. Хабермасу, обладает способностями к языку и действию. В отношении к субъекту под рациональностью понимается потенциальная возможность субъективности обобщать, генерируя структуры рациональности. В качестве форм рациональности философ выделяет коммуникативную, когнитивную и телеологическую, характеризующие субъекта. Как утверждает философ, герменевтическая философия XX века обозначила неразрывную связь разума с языком. Язык стал реальностью, которая помогла совершить переход к сознанию

Другого, к intersубъективности, к пониманию внутренней взаимосвязанности человечества в каждом своем действии. Ученый пишет, что «фокус исследования смещается от когнитивно-инструментальной к коммуникативной рациональности. Для него парадигматично не отношение обособленного субъекта к чему-то в объективном мире, что можно представить и чем можно манипулировать, а intersубъективная связь, которую устанавливают субъекты, обладающие языковой компетентностью и компетентностью действия, договариваясь, о чем-то друг с другом» [287].

«Теория коммуникативного действия» Ю. Хабермаса является попыткой объяснения социального порядка путем совмещения двух подходов – понимающего и структурно-функционального [169, с. 87]. Для этого Ю. Хабермас вводит понятие «жизненного мира» адекватное к концепции коммуникативного действия. Именно понятие «жизненного мира» является определяющим для основания и границ горизонта коммуникации. Философ считает, что границы горизонта коммуникации формируют языковые картины мира, которые дают коллективные представления о действительности. Жизненный мир включает в себя и передает предшествующий опыт интерпретативных практик и культур. «Жизненный мир» – это совокупность интуитивных знаний, социальных норм, ценностей, традиций, которые функционируют как основание для взаимопонимания людьми друг друга. По мнению Ю. Хабермаса, важно то, что этот рациональный мир формируется благодаря языковой коммуникации. Необходимо также отметить, что с точки зрения Ю. Хабермаса «жизненный мир» нельзя трактовать в рамках теории систем, где происходит социализация индивида, усвоение и передача культурных ценностей. Воспроизведение культурных процессов должно быть исключительно через коммуникативные, ибо связь между участниками этих процессов основана на взаимопонимании и не может быть функциональной взаимозависимостью.

Итак, исходя из точки зрения Ю. Хабермаса, коммуникативная практика включает в себя коммуникативные действия и дискурсы, которые были рассмотрены философом в соответствующих исследованиях: теории речевых актов

(реконструкция всеобщих структур коммуникативного действия для координации социальных действий) и теории аргументации (обоснование или «оправдание» (Ю. Хабермас) выдвигаемых в речи значимых претензий). Целью коммуникативного действия и аргументации или целью дискурса является достижение соглашения относительно предмета коммуникации: intersубъективная общность понимания, разделяемое знание, взаимное доверие и согласие друг с другом (понимание, истина, правдивость и правильность) по поводу действующих норм.

Таким образом, у Ю. Хабермаса, речь, которая исследована с помощью теории речевых актов и с учетом феноменологической герменевтики, помогает раскрыть три основные проблемы философии: «метатеоретическую» проблему рациональности; «методологическую» проблему понимания смысла; «эмпирическую» проблему описания культурно-цивилизационных процессов модернизации общества. Так происходит установление отношений между языком, познанием, пониманием и интересом; языком и реальностью; языком, коммуникацией и социальным взаимодействием.

Философская концепция, отождествляющая общество и коммуникацию и дающая интересные интерпретации в целом на коммуникацию, представлена теорией немецкого философа и социолога *Никласа Лумана*. Согласно ученому, «подобно жизни и сознанию коммуникация является *эмерджентной реальностью* (от англ. *emergence* – возникновение, появление нового [217, с. 597]), таким же фактом *sui generis*. Она устанавливается благодаря синтезу трех различных селекции, а именно: *селекции информации, селекции сообщения* этой информации и *селективного понимания или непонимания сообщения и его информации*. Сам по себе ни один из этих компонентов не может осуществляться. Только в союзе, в соединении, когда их селективность будет находиться в согласовании, они производят коммуникацию. Устанавливается коммуникация только в том случае, когда хотя бы один раз будет понята дифференциация сообщения и информации. Это отличает ее от простого восприятия поведения другого. В понимании коммуникация «схватывает» различие между информационной ценностью

содержания и причинами, по которым содержание сообщается. Она может при этом особо выделить ту или иную сторону этого различия, обращая особое внимание, таким образом, на саму информацию или же на экспрессивное поведение. Но она всегда предоставлена тому, что обе эти стороны узнаются как селекции, и посредством этого различаются» [145, с. 114-125]. Ученый подчеркивает, что, как информация не может быть передана вне коммуникации, так и сообщение не может существовать вне коммуникации, так и понимание не может быть достигнуто вне коммуникации. Все это не является только одной какой-то причиной: информация – причиной сообщения, а сообщение – причиной понимания. Причина кроется «в циркулярном смысле взаимного обусловливания» [145]. Н. Луман считает, что коммуникация является «неким исторически-конкретным протекающим, зависимым от контекста событием» [146, с. 70]. Коммуникация представляет собой единый акт, который самостоятелен и самодостаточен как единое целое [169, с. 113].

Коммуникация – это специфическая операция, которая характеризует только социальные системы, где происходит перераспределение знания и незнания, а не связь или передача информации. Н. Луман утверждает, что общество – самостоятельная, самодостаточная, саморазвивающаяся система, взаимодействующая с внешней средой, которая носит комплексный характер, и коммуникационно насыщена, как и сама социальная система. Коммуникация происходит только внутри системы, а не между разными системами. Только общество имеет дело с коммуникацией. Н. Луман определяет коммуникацию как самостоятельную, аутопоэтическую систему (*autopoiesis* – «самовоспроизведение»). Он пишет: «Коммуникационная система является аутопоэтической системой в том смысле, что все ее элементарные части производятся и воспроизводятся самой системой. То, что это может происходить только во внешней среде системы и в зависимости от ограничений, накладываемых этой внешней средой» [145].

Согласно Н. Луману, все социальные системы – «аутопоэтические» системы, «которые воспроизводятся посредством репродукции своих элементов, из которых они состоят» [147, с. 555]. По мнению философа, «аутопоэзис» общества – это

способ развития смысловых структур посредством коммуникации. Следует отметить, что именно посредством смысловых структур и происходит воспроизводство социума, а именно социум, по мнению Н. Лумана, и есть социальная коммуникация. «Только коммуникация может влиять на коммуникацию: только коммуникация может выделить элементы коммуникации (к примеру: анализировать *селективный горизонт информации* или *ставить вопрос о причинах сообщения*) и только коммуникация может контролировать и исправлять коммуникацию» [145], что непосредственным образом проявляется ее в речевых актах.

1.1.4. Концептуализация феномена коммуникации в философии языка, в философии диалога, в семиотике и в психологии

Теория социальной коммуникации связана с теорией речевых (коммуникативных) актов, о которых мы уже упоминали ранее, описывая философские взгляды Ю. Хабермаса на коммуникацию. Отметим, что *речевой акт* характеризуется как «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ... ситуации. Основными чертами «речевого акта» являются намеренность (интенциональность), целеустремленность и конвенциональность. «Речевые акты» всегда соотнесены с лицом говорящего. Последовательность «речевых актов» создает дискурс» [140, с. 412].

Как отмечает Ф.И. Шарков, «теории коммуникативных актов предшествовала идея множественности функций языка и его взаимодействия с жизнью, основанная австрийским философом и логиком *Людвигом Витгенштейном*» [265, с. 73]. Л. Витгенштейн считал, что естественный язык имеет разночтения и многозначность понятий, двусмысленность, совокупность грамматических конструкций и т.д. Исходя из разнообразия неоднозначности понятий естественного языка, его природной изменчивости, Л. Витгенштейн предложил вариант анализа, основанный на концепции «языковых игр» и ввел термин

«лингвистические игры» [180, с. 85]. По мнению философа, чтобы лучше понять особенности языковой реальности, необходимо учитывать особенности игры как явления. Поскольку каждая игра имеет свои собственные правила, то и в языке существуют различные правила, где формальная логика образует всего лишь один класс таких правил. Как нет единой универсальной игры, так и нет одних и тех же правил и одинаковых способов достижения целей. Учитывая такую особенность игры, возможно «кардинально пересмотреть соотношение логики и языка: уподобление логики правилам игры накладывает запрет на любые попытки подчинить язык единым логическим правилам, поставить логику над языком» [180, с. 85]. Нельзя не согласиться с Л. Витгенштейном по поводу того, что лингвистических игр бесконечно много, как бесконечно много способов использования слов, знаков, словосочетаний. Эта множественность не является чем-то фиксированным, данным раз и навсегда. Одни игры появляются, а другие – исчезают. «Само слово «игра» указывает на то, что язык, говорение, будучи типом активности, составляет неотъемлемую часть жизни» [180, с. 86]. Исходя из сказанного, следует отметить, что «лингвистические игры» стали предметом «фактического употребления» (М.А. Василик) слов и выражений для тех, кого интересует соответствующий предмет или соответствующие обстоятельства. В этом смысле важную роль здесь будут играть так называемые «языковые конвенции» (конвенция – от лат. *convention* – соглашение). Таким образом, можно сделать вывод о том, что лингвистические игры, используемые нами для анализа логических проблем, помогают сделать личный выбор, который всегда будет, исходя из логики, правильным.

В XX веке получили широкое распространение философские размышления о человеке, раскрывающемся в диалогических отношениях с другими. *Диалогическая философия* или *философия диалога*, так называемый «диалогизм», в отношении Я – Ты, рассматривается как фундаментальная характеристика положения человека в мире. Ученые, занимающиеся проблемами *философии диалога*, обращают внимание на то, что вне этого отношения человеческий индивид вообще не может сложиться в качестве «самости». Несмотря на то, что в XIX веке к диалогизму уже

не раз обращались многие философы-мыслители (Л. Фейербах и др.), диалогическая философия сложилась только в 20-е годы XX века. Яркими ее представителями по праву можно считать М. Бубера, Ф. Розенцвейга, А. Гарнака, Ф. Гогартена, Г. Марселя, Э. Левинаса, М. Бахтина и многих других.

В работе «Я и Ты» *Мартин Бубер* [27, с. 16-92] разработал «диалогический принцип», указывающий на два типа человеческих отношений с миром: отношения с миром вещей (Я – Оно) и отношения с другими людьми (Я – Ты). Следуя рассмотрению отношений Я – Оно, философ считает, что человек находится перед миром вещей, т.е. объектов познания и использования. При рассмотрении отношений Я – Ты мыслитель утверждает, что человек внедряется в жизнь Я и изменяет ее своим присутствием. В паре Я – Оно Я является индивидуальностью и достигает осознания себя как субъекта, а в паре Я – Ты Я предстает как личность и достигает осознания себя как субъективности. В понимании М. Бубера индивидуальность проявляется тогда, когда отличается от других индивидуальностей, а личность проявляется постольку, поскольку вступает в связь с другими личностями. Необходимо также отметить, что в другой своей работе «Проблема человека» М. Бубер [27, с. 157-231] пишет: «Рассматривая человека-одиночку, как он есть, видишь человека настолько, насколько мы видим месяц на ночном небе; образ полного круга составит лишь человек с человеком. Рассматривая совокупность как таковую, увидишь человека настолько, насколько мы видим Млечный путь, ибо завершенная форма – это только человек с человеком. Рассматривая человека с человеком, всякий раз увидишь динамическую двойственность, которая вместе с тем есть сущность человека: тут и дающий, и приемлющий, тут и наступательный порыв, и защитное действие, тут и исследователь, и его оппонент – и всегда то и другое в одном дополняющем обоих и составляющем человека взаимопроникновении. ... Мы приблизимся к ответу на вопрос «что есть человек?» после того, как научимся видеть в нем существо, в чьей динамической природе и органической способности быть вдвоем совершается и опознается встреча Одного и Другого» [27, с. 232]. Таким образом, можно сказать,

что «встреча одного с другим», по М. Буберу, образует диалогичку или «бытие человека с человеком», что является особым высшим типом коммуникации.

Важной вехой в понимании речевой коммуникации и дискурса как «природы речевого целого» стали работы русского философа и мыслителя, теоретика европейской культуры и искусства *Михаила Михайловича Бахтина*, которые были опубликованы спустя несколько десятилетий после их написания [14; 15].

М.М. Бахтин, основатель всемирно известной диалогической школы, придает слову как высказыванию *смысл и значение*. М.М. Бахтин пишет: «Оно всегда создает нечто до него никогда не бывшее, абсолютно новое и неповторимое, притом всегда имеющее отношение к ценности (к истине, к добру, красоте и т.п.)» [15, с. 330]. Философ считал, что необходимым признаком любого высказывания, его смыслом является его обращенность, наличие адресата и его завершенность, что приобретает только лишь в контексте. В философии М.М. Бахтина возникает триада <адресант – нададресат – адресат>, вызывающая интерес, в которой находит свое выражение целостность межличностной коммуникации: она выводит речевое общение за пределы простого обмена информацией, где происходит «тесная связь с внутренней духовной деятельностью» (В. фон Гумбольдт) [61, с. 69]. Используя понятие высшего «нададресата», в качестве которого могут выступать Бог, Абсолютная истина, совесть, народ, суд истории, наука и т.п., М.М. Бахтин рассматривает его как существенный признак целого высказывания или точнее сказать речевого общения [15, с. 337-338]. Таким образом, говоря о социальных факторах речевой коммуникации, представленных в исследовательских работах М.М. Бахтина, следует отметить, что у философа с параметрами истинности, новизны, событийности, значимости и выразительности высказывания, представлениями о смене речевых субъектов и диалоговых установках получил особый статус *принцип взаимности*. Именно на этом принципе и основывается современный анализ разговорной речи (П. Вундерлих, Ю. Караулов, Н. Арутюнова, В. Петров).

В развитии речевой коммуникации сыграла свою роль и *семиотика*, получившая недавно статус самостоятельной науки. Работы по семиотике Ч. Пирса,

описанные ранее, получили продолжение в трудах *Чарльза Морриса* (*Знаки, язык, поведение*, 1946; *Основы теории знаков*, 1938) [167, с. 275-320]. Согласно Ч. Моррису, семиозис – это процесс, при котором некое явление функционирует в качестве знака. В этом процессе, – как утверждает М.А. Василик, – три составляющих: «то, что функционирует как знак – знаковый проводник; то, к чему знак относится, – десигнат; эффект – произведенный на интерпретатора, благодаря чему вещь становится для него знаком» [180, с. 88].

Эти три семиотических измерения (знаковый проводник, десигнат, интерпретатор) включают в себя синтактику (отношения знаков между собой), семантику (отношения знаков с десигнатами как обозначаемыми ими объектами), прагматику (отношения знаков с интерпретатором, включая психологические, биологические, социологические аспекты семиозиса). По Ч. Моррису, язык является интерсубъективной коллекцией знаковых проводников, связанными синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами. Ученый в своей работе «Знаки, язык, поведение» писал, что личность, которая способна увидеть знаковые феномены с помощью семиотики, более чувственно воспринимает, различает, усваивает явления внешнего мира и знаковые ресурсы культуры.

В силу многомерности коммуникационная проблематика стала предметом изучения различных общественных наук – психологии, социальной психологии, культурологии, социологии, социальной философии, а также различных прикладных учений, включая документалистику, журналистику и теорию рекламы, которые изучают феномены коммуникации и общения в своем специфическом аспекте.

Интересные разработки в области коммуникации были сделаны *психологами*. Так, процесс производства речевого высказывания, по мнению основателя культурно-исторической теории в психологии *Л.С. Выготского*, заключается в переходе от мысли к слову. Он пишет: «Мысль не выражается, но совершается в слове» [44, с. 306]. Согласно Л.С. Выготскому, внутренняя речь представляет собой особый внутренний план речевого мышления: динамическое отношение между мыслью и словом. Ученый считал, что переход, происходящий от внутренней к

внешней речи, есть сложная динамическая трансформация – превращение предикативной и идиоматической речи в синтаксически расчлененную и понятную для других речь. У Л.С. Выготского выделены три плана речевого мышления: мысль, внутренняя речь, слово. Сущность процесса порождения речи, по мнению ученого, заключается в следующем: «В живой драме речевого мышления движение идет от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах» [43, с. 346-347].

Следует также отметить, что ученый исходил из первичности социальной практики языковой личности, производности сознания от реальной жизни людей. Речь человека может возникнуть только при обращении к другому человеку, а в дальнейшем именно такая форма может стать формой организации собственной деятельности. Л.С. Выготский обращает внимание на то, что «первоначально функция речи является коммуникативной функцией. Речь есть, прежде всего, средство социального общения, средство высказывания и понимания. ... Оказалось, что так же как невозможно общение без знаков, оно невозможно без знания. ... Общение необходимо предполагает обобщение и развитие словесного значения, т.е. обобщение становится важным при развитии общения» [42, с. 50-51].

Внешние и внутренние формы деятельности взаимосвязаны и переходят друг в друга в процессах *интериоризации* (от фр. *interiorisation* – переход извне внутрь и лат. *interior* – внутренний) и *экстериоризации*: «Речевая деятельность ... в форме отдельных речевых действий – обслуживает все виды деятельности, входя в состав актов трудовой, игровой, познавательной деятельности. ... речь – не замкнутый акт деятельности, а совокупность отдельных речевых действий, имеющих собственную промежуточную цель, подчиненную цели акта деятельности, в который они входят, и побуждаемый общим для этого акта деятельности мотивом» [137, с. 63-64]. Говоря о соотношении речи (речевой деятельности) и общения (и деятельности общения) [135; 136], следует отметить, что речевая деятельность выступает как специализированное употребление речи для общения и поэтому представляет собой частный случай деятельности общения. По мнению Л.С. Выготского, язык

есть единство общения и сообщения, что и определяет его сущность (онтологию). Таким образом, для психологической школы Л.С. Выготского речь выступает в деятельностной парадигме, а так называемые речевые события (объект психолингвистики) могут рассматриваться под углом зрения «деятельностного фрейма».

Известный психолог *С.Л. Рубинштейн* [206] указывал на то, что сознание предполагает мышление, которое непосредственно связано с речью, т.е. общением. С точки зрения ученого сознание как проявляется, так и формируется в виде центров, которые, в свою очередь, организуют «мир» человека, поскольку речевые действия заложены в идею целенаправленной деятельности.

В наиболее полной и завершенной форме представил концепцию связи общения и деятельности *А.Н. Леонтьев*, опирающийся на разработки Л.С. Выготского. С точки зрения А.Н. Леонтьева психологическая теория должна строиться вокруг взаимоотношений отображения (= образа) и деятельности (= процесса). В таком случае и психологическая теория речи или речевая деятельность, т.е. психолингвистика, должна исследовать, прежде всего, взаимоотношение опосредованного языком образа мира человека и речевой деятельности как деятельности речевого общения. Язык для нее орудие диалога человека с миром и в то же время человека с человеком [137, с. 68-69].

Значимыми являются идеи, высказанные известным психологом *Б.Ф. Ломовым*. По утверждению психолога, «общение выступает как самостоятельная и специфическая форма активности субъекта. Ее результат – отношение с другим человеком, с другими людьми» [141, с. 248].

В западной психологии в наиболее явном виде соотношение языка и коммуникации выступило в исследовании динамических аспектов порождения речи. Этим направлением занимались учёные *Дж. Энгелькамп* и *Г. Циммер*. Задачей их исследования стало выявление роли различных синтаксически-стилистических характеристик высказываний при передаче знания определенного типа от говорящего к слушающему. Методическим приемом исследования стала организация специального диалогического взаимодействия: перед говорящим

ставилась задача – дать как можно более точное речевое описание наблюдаемого им изображения, а перед слушающим – воспринять данное изображение. В качестве экспериментальной гипотезы выступило предположение о том, что характер восприятия изображения слушающим будет зависеть от когнитивной (познавательной) структуры его знания, что актуализируется в процессе диалога, и зависит от структуры знания говорящего, которая находит выражение в особенностях построения высказывания, в динамике лингвистических параметров речи (в синтаксически-стилистических характеристиках поверхностной структуры фразы). Проведенное исследование Дж. Энгелькампа и Г. Циммера стало одним из важных направлений в изучении языка и коммуникации, что позволило сделать ряд выводов, главный из которых касается понимания природы языка и заключается в том, что в пропозиции выражается лишь часть сообщаемой в высказывании информации, а именно, содержательные ее аспекты. Другая часть информации, подлежащая передаче, представляет собой состояние знания, или динамические аспекты пропозициональной структуры, которые детерминируются самой ситуацией общения, в том числе ее прагматическими сторонами.

Отметим, что психологи придают общению статус фундаментальной категории, тогда как коммуникация выполняет роль своеобразного служебного механизма деятельности общения, который функционирует в определенной социальной группе.

На основе сказанного, можно сделать вывод о том, что проведенный историко-типологический анализ коммуникации в философской мысли отличается плюрализмом и поливариантностью. В интерпретации коммуникации доминантным является её рассмотрение в контексте основных философских направлений, включающих социальную философию, философию науки, философскую антропологию, экзистенциальную философию, философию языка, культурологию. Поскольку в научном знании XXI века происходит процесс дифференциации философского знания к проблеме коммуникации, в связи с этим обращение к междисциплинарным научным теориям и подходам, зародившимся и

формировавшимся в XX веке, поможет наиболее целостно представить картину разработанности понятия «коммуникация» в социокультурном пространстве.

1.2. Коммуникация в социокультурном пространстве: философско-антропологические интерпретации и методологии исследования

В настоящее время коммуникация охватила все сферы жизнедеятельности человека. Она стала отражением всеобщей взаимозависимости людей. Сегодня появились новые формы коммуникации, включая Интернет, сотовую связь и т.п. Формирование философии коммуникации имеет огромное значение для общества, поскольку здесь происходит обмен смыслами, которые составляют основу человеческого бытия. Как утверждает А. Ермоленко, «комунікативна філософія прагне довести ... обґрунтування моральних норм. І це розглядається не тільки як завдання філософської науки, ... а й як завдання суспільства» [100, с. 11].

В начале XX века (н. 20-х годов XX века) видом социального общения в обществе была *массовая коммуникация*. Это направление разрабатывалось социологами (М. Вебер). В своей работе они использовали разные подходы к *определению сущности и социальной роли массовой коммуникации*: 1) *структурно-функциональный*, для которого массовая коммуникация являлась одним из процессов, выполняющих строго определенные, прагматически заданные функции (ориентация на идеологию); 2) *социокультурный*, в рамках которого массовая коммуникация рассматривалась как социокультурный феномен, определяющий развитие общества. В такой социокультурной парадигме происходила реализация ценностно-гуманистического подхода к пониманию роли масс-медиа, которые выступали в качестве средств формирования так называемого «нового социума» и культуры XX века. В это время западные социологи *Т. Парсонс* и *Р. Мертон* использовали *структурно-функциональные направления*, которые были основаны на основе системного подхода. Системный подход включает в себя сравнительный анализ механизмов передачи и усвоения информации в природных, общественных и автоматизированных технических системах, а также выступает в качестве метода, который раскрывает многозначность текстов, их знаковых выражений и структур.

Как отмечает современный исследователь ряда коммуникативных теорий Ф.И. Шарков, в середине XX века (к. 40-х – н. 50-х гг. XX века) выделились *два подхода к изучению коммуникации*: 1) *рационалистический*, основу которого составляли концепции технологического детерминизма (теории информационного общества, в которых информация рассматривалась как основа культуры, а средства массовой информации как источник социального развития); 2) *иррационалистический*, представленный понимающей социологией (концепции взаимопонимания между людьми, рассматривающие действия, целью которых была коммуникация) [265, с. 65].

При изучении процессов коммуникации внутри различных социальных групп в британской (*Дж. Барнз, Э. Ботт, К. Митчелл*) и американской социальной антропологии использовался *метод анализа социальных сетей* (описание и анализ связей (сетей), которые возникали в процессе социального взаимодействия и коммуникации). Социальные антропологи, которые являлись сторонниками анализа социальных сетей, настаивали на изучении объективно наблюдаемых форм поведения между коммуникантами [218, с. 16-17], т.е. процессов социальной коммуникации. Они не рассматривали субъективно-психологические факторы, а заостряли внимание на том, какие структурные образования (связи различной интенсивности и плотности), возникающие в процессе коммуникации, обуславливали человеческое поведение (традиции социометрии *Морено*) [265, с. 65].

Основным результатом коммуникации является *взаимное понимание*. Австрийский философ и социолог *А. Шюц* рассматривал действие как цель осуществления коммуникаций. Его изучению подвергались процессы и механизмы, при помощи которых воспроизводится сама реальность. Философ считал, что для построения социальной коммуникации главным механизмом (но не единственным) выступает язык. Благодаря *повседневным дискурсам (коммуникативным практикам)*, где происходит связь между индивидами и социальными ситуациями, в которых они находятся, реализуются «жизненные» возможности. Говоря о *коммуникативных практиках*, следует выделить их условия рациональности.

Существует два типа рациональности: когнитивно-инструментальная и коммуникативная. Они имеют общие черты, которые объясняются их связью со знанием. Мы разделяем мнение Н.А. Бусовой в том, что целенаправленное и коммуникативное действие могут быть открыты для совершенствования, если они удовлетворяют условию рациональности. Но они могут и существенно отличаться друг от друга способом использования знания. Внутренней целью для когнитивно-инструментальной рациональности является инструментальное господство над окружением, тогда как для коммуникативной рациональности целью выступает коммуникативное понимание. Отметим, что для коммуникативной практики рациональность ее участников определяется тем, «могут ли они при необходимости представить основания притязаний на значимость, выдвигаемых в тех речевых актах, которыми они обмениваются» [32, с. 89]. Именно достигнутое согласие, основанное на различных аргументах и критике, между участниками коммуникативного акта дает представление о рациональности коммуникативного действия.

Исследование социальных факторов, формирующих социальные знания и оценочные категории коммуникации во второй половине XX века, опирается на *три методологических подхода к проблеме социальной коммуникации* [265, с. 68-69]: 1) опирается на классическую позитивистскую методологию субъектно-объектных диспозиций (социальные коммуникации основываются на системных связях и функциях); 2) методологический подход (неклассическая методология) основан на когнитивной модели субъектно-объектных отношений. Для его изучения нужны методы: герменевтическая интерпретация смыслов, критическая рефлексия, рациональная реконструкция (Ю. Хабермас); 3) постнеклассический подход, исключает объектность, основывается на принципе intersubjectности (общество рассматривается как сеть коммуникаций, а коммуникации создают возможность для самоописания общества и его самовоспроизводства (принципы самореферентности и аутопоэзиса Н. Лумана). «Коммуникация предстает не как послушный объект управленческих решений, а как активная самоорганизующаяся среда» [265, с. 70].

В начале XXI века открыта новая эра в развитии коммуникации, которая связана с внедрением Интернета в социум. Как справедливо утверждает Ф.И. Шарков, появилась «*четвертая информационно-коммуникационная волна*», которая сегодня не имеет ни физических, ни географических, ни административно-государственных, ни цензурных границ; она одновременно увеличивает интенсивность коммуникаций и начинает ограничивать межличностные коммуникации и переводить их в виртуальную плоскость. По мнению ученого, четвертая информационно-коммуникационная волна создала совершенно новый тип киберсообщества, который функционирует в виртуальном мире. В этом особом «мире» не только можно найти необходимую информацию для каждого, но в нем уже можно даже «жить», наполняя его своими ощущениями, восприятиями, чувствами, переживаниями. С расширением «жизни» в Интернете появилось множество фанатически настроенных пользователей, которые уже не представляют себя вне этого «мира» [265, с. 189].

Другой ученый, занимающийся также исследованием коммуникации в мире, М.А. Василик, утверждает, что «в современной коммуникативистике выделяется несколько *конкретно-научных подходов* к изучению коммуникации. *Во-первых*, это различные подходы технократического и интеракционного характера. *Во-вторых*, в рамках интеракционизма ученые разделились в решении вопроса о том, как объяснить коммуникацию – ссылаясь на индивидуальную осознанную деятельность или в качестве производной от социальной структуры. Дебаты о коммуникации в подобных терминах занимают одно из центральных мест в современной социологии, психологии и культурологии. В рамках именно этих наук складывались основные теоретико-методологические подходы к коммуникации и предпринимались различные попытки примирить объективную структуру и субъективную волю» [180, с. 91].

Возникновение концепции технологического детерминизма (*теория информационного общества*), о которой упоминалось ранее, связано с современными техническими средствами информации, которые являются важнейшим стимулом и источником социального развития общества.

Основоположник данной теории *Д. Белл* считал, что европейские страны становятся информационными обществами благодаря не индустриальному производству и его отраслям, а благодаря новейшим технологиям и производству нового знания, где важную роль играет высшее образование.

Таким образом, с помощью новых систем связи, которые способны мгновенно передавать информацию в неограниченном объеме и на любые расстояния, изменяется и облик человечества, состояние культуры и цивилизации.

Но вместе с тем теория информационного общества имеет методологическую недостаточность. Это связано, прежде всего, с тем, что в наиболее развитых странах технико-экономический компонент не только доминирует, но и подавляет культурно-этическую составляющую общества. Поэтому актуальной становится задача перехода от техногенной, в том числе информационной цивилизации, к *антропогенной*, которой основной ценностью должен стать *человек*, а не «техник».

М.А. Василик относит концепцию канадского социолога и культуролога, теоретика коммуникационных технологий *Г.М. Маклюэна* к технократической. Это связано с тем, что Г.М. Маклюэн считал, что основной движущей силой в истории является смена технологий, что происходит из-за смены способов коммуникаций. Именно технологии коммуникации имеют формообразующую силу всякой культуры, с чем связана и причина эволюции общества. Тип общества определяется господствующим в нем типом коммуникации, тогда как человеческое восприятие – скоростью передачи информации. Согласно Г.М. Маклюэну, исторические формы коммуникаций – это галактики, которые могут встречаться, проходить одна через другую, менять свое расположение.

Изобретение алфавита (коммуникативное средство) стало взрывом механической технологии (гусиное перо, изобретение печатного станка Г. Гуттенбергом и др.). Возникновение электричества также повлияло на развитие коммуникаций. Наступил «всеобщий диалог в глобальном масштабе» (Г.М. Маклюэн). По Г.М. Маклюэну, возвращение к патриархальному восприятию мира на новом этапе является безусловным благом, потому что, таким образом,

люди снова начнут ощущать себя единым целым, коллективом, в котором нет места изоляции и индивидуализму.

Как уже отмечалось, появление средств массовой информации, а именно телевидения, также оказало огромное влияние на становление человечества. Люди перестали сами строить свое восприятие мира как раньше, последовательно. Согласно Г.М. Маклюэну, «основы восприятия времени рушатся, когда на смену представлению о неизбежности последовательности приходит электронная одновременность и тотальность. Мгновенные скорости отменяют время и пространство и возвращают человека в состояние интегрального сознания. Мы ищем множественности ритмов, – пишет Маклюэн, – а не их повторяемости. Наш новый внутренний опыт, все более расходящийся с механическими образцами, становится «электрическим, инклюзивным и мифическим» [169, с. 152]. В результате «Галактика Гутенберга», которая расширялась на протяжении многих веков, переходит в фазу сжатия. «Грядущее разрушение механистичности визуального мира посредством электроники ведет к глубокой культурной революции, которую возвещает Маклюэн, – революции, возвращающей человеку спонтанность, цельность и полноту» [169, с. 153]. Начался процесс технологической имитации сознания: творческий процесс становится уже не индивидуальным, а коллективным и «мультимедийным» (Г.М. Маклюэн).

Несмотря на то, что каждое из средств коммуникации является особенным расширением человека, оно обособливается в своем бытии и адаптирует к себе человека, устанавливает новую систему равновесия с его органами чувств. Исследователь (Г.М. Маклюэн) называет это эффектом нарциссизма: «... люди мгновенно оказываются зачарованы любым расширением самих себя в любом материале, кроме них самих». Не узнавая себя в себе, они погружаются в шок. Маклюэн называет это «самоампутацией человека», когда нервная система выносит источник своего перенапряжения, гиперстимуляции, во вне. Средства коммуникации – это части ампутированной нервной системы. В состоянии болевого шока организм обретает невосприимчивость к иным чувственным стимулам, постепенно, приспособляясь к определенным раздражениям,

специализируя свои органы чувств. Средства коммуникации становятся расширением и ускорителем этих органов чувств» [169, с. 162]. Можно сказать, что коммуникация у Г.М. Маклюэна – это экстерииоризация чувственной способности человека к восприятию, где особое место занимают аудиокommunikация и видеокommunikация, также соответственно дифференцируются аудио- и видеокультуры.

Многомерность взглядов Г.М. Маклюэна, отраженная в его творческих философствованиях, создала оригинальную картину в истории изучения коммуникации, ибо мир коммуникации предстает в его работах, как расширенное толкование *философской антропологии*.

Во второй половине XX века (к. 60-х – н. 70-х гг. XX века) именно благодаря математической теории коммуникации были сформированы теории коммуникации в организациях, где коммуникация представлялась как деятельность, которая была направлена на изготовление, передачу и сохранение информации в рамках различных организационных структур.

Механистичность технократических теорий связана с «ограничивающей коммуникацию точкой зрения производства, а также передачей и обработкой информации с использованием технических средств» [180, с. 96]. Все это вызвало неудовлетворенность в обществе.

Для того чтобы рассматривать коммуникацию с позиций человека как субъекта коммуникативной деятельности, был разработан *интеракционный подход* (Теодор Ньюкомб). Субъекты коммуникации здесь имеют равные права, они связаны взаимными ожиданиями и установками, имеют общий интерес к предмету общения. Можно сказать, что этот подход базируется на основе взаимодействия коммуникатора и реципиента на общий предмет обсуждаемой ситуации, что расширяет возможности для взаимопонимания и сотрудничества.

Так, во второй половине XX века наибольшую популярность получил *интеракционистский культурологический подход* к изучению коммуникаций. Он связан с этнометодологией. Предметом его исследования является общее и специфическое в коммуникациях представителей различных культур (обществ,

организаций): символические действия или ритуалы, совершаемые членами тех или иных обществ. Возникшая *теория межкультурного содержания коммуникации - «проксемиа»* (Эдвард Холл) базировалась на исследовании культурных значений выполняемых коммуникативных действий представителей, принадлежащих к определенной культурной среде (культура и коммуникативный процесс [290, с. 183]; влияние культуры на поведение человека [173; 174]).

Интеракционный подход в социологии связан с социальным обменом и социальным взаимодействием. Интеракционная социологическая методология имеет огромное значение для теоретического исследования коммуникации, где особое внимание уделяется *социальному взаимодействию (теории социального обмена)*, которое рассматривает обмен между различными типами деятельности как фундаментальную основу общественных отношений, включая структурные образования (власть, статус, престиж и др.). Концепции социального обмена базируются на традициях классической буржуазной политэкономии (*И. Бентам, А. Смит и др.*), в основе которых лежало стремление человека к полезности и получению выгоды, а также на работах известных представителей социальной антропологии (*Б. Малиновского, М. Мосса, Дж. Фрейзера*), считавших развитие товарных отношений универсальным средством обмена.

По мнению М. Мосса, до развития товарных отношений универсальным средством обмена были взаимные дары («добровольные», но в тоже время «обязательные»).

Английским этнографом и антропологом, социологом польского происхождения *Б. Малиновским* была описана система взаимного обмена на островах Меланезии (острова Тробриан, Новая Гвинея), которая дает представление об образовании интегративных образцов статуса и престижа внутри группы общин.

Важно также отметить, что с именем Б. Малиновского, который изучал жизнь так называемых «дописьменных сообществ», связана «Функциональная теория» («The Fuctional Theory»), которая была опубликована в 1944 году [152, с. 147-176]. В ней ученый с позиции философского осмысления описал структурно-

функциональный метод социально-антропологических исследований культуры, включающий элементы натурализма, бихевиоризма, психоанализа. В рамках выдвинутого метода Б. Малиновский полагал, что проблемы конкретной культуры необходимо трактовать в терминах фундаментальных человеческих ситуаций, и изучать функционирование отдельных элементов культуры внутри культуры как целого. Согласно теории ученого, можно сказать, что культуры принципиально сравнимы и что сравнительный анализ культур открывает в них закономерности, поэтому им и был предложен в качестве основного метода исследования функциональный подход к изучению социокультурных феноменов, являющийся предпосылкой для сравнительного анализа. Б. Малиновский высказал интересные идеи, связанные с идентификацией культурных явлений. «Наиболее характерным признаком племенного единства, – писал Б. Малиновский, – я лично считаю общность языка, поскольку общее наследие умений и знаний, обычаев и верований может сохраниться группой лишь тогда, когда они пользуются одним и тем же языком» [5, с. 694]. По мнению М.И. Найдорф, в разных типах деятельности (образование, экономика, судопроизводство, магический обряд, религиозное богослужение) могут, как воплощаться, так и не воплощаться в специфических институтах аспекты культуры, но эволюционировать они могут уже как действующие организованные группы [170, с. 9]. Согласно Б. Малиновскому, «каждая из них имеет свою *хартию*, т.е. определенное обоснование того, зачем ее члены должны кооперироваться; каждая обладает определенной формой технического или мистического руководства и разделения функций, у каждой имеются свои особые нормы поведения» [5, с. 696].

Теории социального обмена основаны на принципе «целерациональности» (М. Вебер), хотя зачастую люди поступают вопреки своей воле.

Перенос акцента с изучения языка и речи на осмысление большей целостности – коммуникации принадлежит российскому лингвисту и литературоведу *Роману Якобсону*. «Ведению лингвистики, – пишет Р. Якобсон, – подлежат все возможные проблемы отношения между речью и универсумом (миром) речи» [270, с. 195].

Одной из заслуг Р. Якобсона является и то, что занимаясь «структурным» анализом языков и человеческих знаковых систем, ученый предположил существование «структурных инвариантов» и «поверхностно» очевидных различий между культурами (М.А. Василик).

Ученый создал теорию коммуникативного акта, составляющими которой выступают: *коммуникант* (адресант) – *контекст, сообщение, контакт, код* (сообщение) – *реципиент* (адресат) в виде шести языковых функций: 1) экспрессивная (эмотивная) функция (отношение адресанта к предмету речи: теме и ситуации); 2) конатативная функция (побуждает адресата к определенному действию, где возможно использование повелительного наклонения); 3) фатическая (контактоустанавливающая) функция (реализует цели поддержания контакта); 4) метаязыковая (металингвистическая; метакоммуникативная) функция (выражается в проверке адекватности понимания коммуникантами кода, т.е. содержания высказывания через его описание); 5) когнитивная («референтивная») функция (ориентирована на контекст и реализуется посредством обращения непосредственно к объекту, о котором сообщается); 6) поэтическая (риторическая) функция (характерна для сообщения; ориентируется больше на форму, чем на содержание; находит выражение в экспрессивной функции) [271]. Таким образом, процесс перехода от изучения языка и речи, как подчиняющихся себе общение, знаменовался исследованием речевой коммуникации как целостного феномена.

Идеи Р. Якобсона оказали огромное влияние на американского лингвиста *Н. Хомского*, чьи идеи определили центральное положение лингвистики среди социальных наук. Н. Хомский разработал теорию трансформационной грамматики («Синтаксические структуры» (1957)) [258, с. 412-527], в которой он показал различие между значением сообщения (глубинная структура) и формой его выражения (поверхностная структура). Эти изменения стали очевидны в синтаксисе, но не затронули семантику.

Н. Хомским также была озвучена проблема, связанная с понятиями «компетентность» (способность использовать знания языка, необходимые для его понимания) и «исполнение» (особая манера произнесения речи). Ученый считал,

что лингвистическая компетентность – это врожденная способность человека. Такая точка зрения идет вразрез с точкой зрения бихевиоризма (язык надо изучать, а правила – запоминать). Необходимо сказать, что лингвистические теории и идеи Н. Хомского внесли огромный вклад для научного познания языка, однако, по мнению некоторых ученых, для объяснения многомерности человеческих сообществ в их развитии не следует акцентировать внимание на грамматических структурах (синтаксис), исходя только из теорий языка.

Изучением теории коммуникации занимаются несколько научных направлений теоретической психолингвистики *семиосоциопсихология* (Дридзе Т.М.) [96] и *теория речевой коммуникации* (Тарасов Е.Ф.) [231]. В ведении семиосоциопсихологии находится «текстовая деятельность» (Т.М. Дридзе), выступающая как не прерывающийся коммуникативный процесс создания, обмена и интерпретации текстов. Теория речевой коммуникации получила разработку в рамках направления «Массовые коммуникации в обучении и воспитании» (А.А. Леонтьев) [137, с. 262].

Эти направления связаны не только с психолингвистикой, но и с социальной психологией и культурной антропологией, а также с философской антропологией, поскольку субъектом (участником) речевой коммуникации является человек [83, с. 70-83].

Социально-философская рефлексия феномена социальной коммуникации как специфической отрасли научного знания достаточно также многомерна, что непосредственно связано с многоаспектностью изучения структурных элементов социальной коммуникации, её взаимосвязью с глобальными проблемами современности, научно-техническим развитием и прогрессом, конкретными этапами развития социальных систем.

Заслуживает внимания теория исследования коммуникации, предложенная В.П. Конецкой [125]. Ученый выделяет следующие принципы в изучении социальной коммуникации: 1) *общенаучные принципы исследования* социальной коммуникации; 2) *частнонаучные методы* социальной коммуникации; 3) *конкретные (специализированные) методы* социальной коммуникации.

Как отмечает В.П. Конецкая [125], *общенаучные принципы исследования социальной коммуникации и методологические направления* в социологии коммуникации базируются на определенной теории социального познания и отдельных аспектов коммуникации: 1) обратная связь как реакция на стимул (*бихевиоризм*); 2) символическая роль социальной нормы коммуникации (*символический интеракционизм*); 3) интерпретационная деятельность людей в духе «взаимного понимания» (*феноменализм*); 4) функциональность, объективированная структурой (*структурный функционализм*); 5) информационный аспект, который обусловлен познавательной необходимостью (*технический детерминизм*); 6) целостное явление, в котором взаимосвязаны биологические, социальные и коммуникативные факторы, структурные и функциональные противоречия как стимул развития и видоизменения (*диалектика*); 7) фактологичность как основа исследования (*неомарксизм*).

Для нашего исследования ценен, прежде всего, диалектический (п. 6) подход к коммуникации, а также рассмотрение её с точки зрения символического интеракционизма и функционализма (п. 2 и п. 4). Феноменализм коммуникации, а, следовательно, феноменалистический подход к проблеме коммуникации неразрывно, согласно нашей концепции, связан с интерпретацией коммуникации.

Коммуникативный факт всегда «нагружен» определённой ситуацией понимания и лучше всего может быть раскрыт с помощью методов герменевтики, поскольку герменевтический подход в основе своего исследования закладывает понятие и ситуацию понимания.

Показателен взгляд *А.В. Соколова* на рассмотрение теории коммуникации. Ученый разделяет понятия «коммуникация» и «социальная коммуникация», не соглашаясь с мнением многих авторов в использовании «техницистской трактовки» (*А.В. Соколов*) к понятиям. «*Коммуникация* есть опосредованное и целесообразное взаимодействие двух субъектов» [220, с. 13], которое необходимо рассматривать, исходя из *трех многомерных хронтопов* (пространственно-временные координаты): 1) *генетического хронтопа* (ареал обитания данной популяции); 2) *психического (личностного) хронтопа* (область духовной жизни, которая

формируется в процессе жизнедеятельности человека); 3) *социального хронотопа* (определенное человеческое общество, где происходит движение смыслов в социальном времени и пространстве). Согласно ученому, все виды смысловой коммуникации (генетическая, психическая, социальная) имеют взаимосвязь через личность (субъект социальной коммуникации). Внутрличностная коммуникация (автокоммуникация) формируется в процессе становления человека в социальной среде. Для раскрытия понятия *социальная коммуникация* А.В. Соколов обращает внимание на: 1) проблему смысла; 2) проблему понимания; 3) социальное пространство и время. Социальную коммуникацию нужно «изучать, как знания, умения, эмоции, стимулы доходят до реципиентов и понимаются ими, а также как долго эти смыслы сохраняют свою ценность для общества» (А.В. Соколов). На основе изложенного можно констатировать, что для нашего исследования трактовка А.В. Соколовым социальной коммуникации занимает центральное место.

А.В. Соколов утверждает, что понятие социальной коммуникации является междисциплинарным. Вслед за учёным мы хотели бы подчеркнуть междисциплинарность социальной коммуникации, выделив её философский смысл, поскольку в его разработке участвуют: герменевтика, лингвистика, логика, психология, социология, философия, эстетика. Но «главную роль должна сыграть обобщающая *метатеория социальной коммуникации* (МТСК), для которой это понятие является базовой научной категорией, служащей отправной точкой и основой для метатеоретического исследования» [220, с. 20-21].

Предположенная метатеория социальной коммуникации, по нашему убеждению, в первую очередь, должна рассматриваться философией, а методы философской антропологии могут использоваться при построении этой теории.

Но, несмотря на отсутствие метатеории социальной коммуникации, философские подходы к изучению коммуникации, на наш взгляд, наиболее точно сформулировал современный российский философ *А.В. Назарчук* в своей работе «Теория коммуникации в современной философии» [169]. Эти философские подходы становятся базовыми в нашем исследовании и реализуются во втором и третьем разделах.

Согласно мнению ученого, в философской теории коммуникации происходит прояснение смысла таких процессов, функций и задач, которые связаны, прежде всего, с процессом коммуникации. «Философская интерпретация коммуникации, – пишет А.В. Назарчук, – почти никогда не сводится только лишь к обмену информационными сообщениями между индивидами и к речевому общению. ... В зависимости от содержания коммуникации исследователями совершенно по-разному рассматриваются коммуникативные системы общества, зачастую меняется сам смысл общественной жизни. Но есть и константы в изучении коммуникации. К ним относится не только формула *адресант-сообщение-адресат*, но и образующая в процессе коммуникации медиа-реальность, коммуникативная реальность как особое измерение реальности социума. Воздействие на неё информационных потоков СМИ, сетевых сообщений, смысловых коннотаций и культурных текстов также позволяет по-разному представить то коммуникативное пространство, в котором существует общество» [169, с. 5-6]. То есть, кроме коммуникации, социальной коммуникации, для нас базовым понятием будет «коммуникативная реальность», а как разновидность «коммуникативной реальности» мы также проанализируем «медиа-реальность».

А.В. Назарчук отмечает, что «особой и неизменной темой в осмыслении коммуникации является проблема коммуникативного кода, или языка» [169, с. 6]. В отличие от А.В. Назарчука мы разделяем понятия *коммуникативный код* и *язык*, поскольку язык может содержать несколько коммуникативных кодов. Но в тоже время язык является целостной, возобновляемой системой, а *коммуникативный код* ограничен в воспроизводстве и функциях.

Следует также отметить, что ученый в своей концепции отдает предпочтение тем «мыслителям, которые положили коммуникацию в основание своего учения об обществе» [169, с. 6], на что обращает внимание философская антропология.

Таким образом, благодаря предпринятому анализу становления понятия «коммуникация» в философской мысли и социально-гуманитарном знании стало очевидным то, что существует многообразие аспектов, разных подходов, множество точек зрения, теорий, которые стремились понять истоки и сущность

коммуникации, раскрыть её смысловое содержание и отдельные формы, понять её связь с социальной практикой и взаимодействием людей.

В настоящее время исследователи выделяют ряд наиболее значимых *парадигм* [200] понятия *коммуникация*, включающих не только «концептуальный каркас, но и нормативную рамку научной деятельности» [201]. Эти парадигмы являются «наиболее общей схемой, в рамках которой мыслит человек» (С. Ханнабас) [цит. по [129, с. 106]]: от «техницистской» (техническая база для информатизации общества) до экзистенциальной коммуникации (поиск человеком, социумом новых смыслов жизни, новой идентичности, обнаружения Я в Другом и т.д.).

Так, в конце XX века появилось достаточное количество научных работ, касающихся разработки теории коммуникации. Кратко эти общефилософские и общетеоретические положения выглядят следующим образом: 1) *коммуникация* – это основной социальный процесс сотворения, сохранения-поддержания и преобразования социальных реальностей; 2) *коммуникация* – это не просто процесс обмена информацией, но генерирование смысла, создание социальных смыслов – постоянно изменяющихся, «текущих» образований (социокультурный, герменевтический подходы); 3) *коммуникация* имеет смысл только в определенном контексте (а наиболее общий контекст для коммуникации представляет культура в целом); 4) *коммуникация* – это не только процесс конструирования социальности, но и процесс конструирования своего собственного «Я» – постоянно модифицируемого в зависимости от того, с кем субъект вступает во взаимодействие в данном случае; 5) *коммуникация* – это процесс создания смыслов с помощью символов, среди которых наиболее важная роль принадлежит языку (семиотический, символический подходы); 6) *коммуникация* как объект исследования предполагает влияние на исследователя и наоборот [129, с. 106-118]. Приведенные выше (п. 1-5) положения (определения) раскрывают *понимание коммуникации*, тогда, как последнее (п. 6) нацелено на *практики преподавания*, и оно не только является важной теорией для нашего исследования, но и направляет сам ход исследования. Отметим, что выбор методов отражает те или иные стороны коммуникации и речевых практик.

Именно такое взаимное обогащение, возникновение «синтетических» направлений в исследовании коммуникации и определение новых, по нашему мнению, в скором времени должно выявить наиболее перспективные и актуальные подходы, помогая, тем самым, создать свой собственный рациональный методологический аппарат, адекватный целям конкретного исследования.

Итак, можно сделать вывод о том, что теория коммуникации нашла свое отражение в современной системе научного знания как комплексная, постоянно развивающаяся дисциплина, интегрирующая знания о коммуникационных процессах в природе и обществе.

Выводы к первому разделу:

История *коммуникации* имеет длительный путь становления от *речи-логоса* (в античности) к *коммуникации как предмета философского осмысления различных сфер человеческой деятельности* (XX в.), что формируют коммуникативные уровни общества в виде различных форм коммуникативного воздействия.

Историко-типологический анализ становления понятия «коммуникация» показал, что трудность в определении дефиниций и широкий спектр проблем, который они охватывают, связаны с богатой и неоднозначной семантикой понятия. В процессе рассмотрения эволюции коммуникации мы пришли к выводу о том, что формирование философии коммуникации имеет огромное значение для общества, поскольку здесь происходит обмен смыслами, которые составляют основу человеческого бытия.

Так, античная риторика внесла огромный вклад в становление и развитие коммуникативной теории и практики. С помощью *риторики* были освещены проблемы, связанные с государственной деятельностью (воспитание ораторов; техника подготовки речи; столкновение ораторов). В этот период была детально разработана структура речи, включающая такие базовые понятия как вступление, название, толкование названия, повествование, описание, доказательство, опровержение, обращение к чувствам, заключение.

Сделан вывод о том, что античные мыслители создали основу для

дальнейших исследований в области человеческой коммуникации и культуры, а фундаментом для этого стал тот духовный импульс, который и в наши дни продолжает обогащать человека, стремящегося к познанию самого себя и окружающего мира. Но, несмотря на положительные стороны, следует отметить, что по причине низкого самосознания уровень развития личности и общественного сознания был недостаточно сформирован, поэтому античная мысль послужила только отправной точкой для осмысления человеческой коммуникации. В период Просвещения получила распространение идея определения сущности человека и человеческих отношений, она основана на вере в разум человека, его природную доброту, в возможность создания общества, где основными принципами являются «свобода, равенство, братство».

Было выявлено, что в конце XVIII в. – начале XIX в. благодаря немецкой классической философии был создан категориальный аппарат, который впоследствии имел важное значение в становлении теории коммуникации. Именно с этого времени коммуникация поднялась на новый философский уровень. Категории «субъект» и «объект», как наиболее значимые, стали предметом обсуждений многих немецких философов. В роли «субъекта» выступал человек, а окружающий его объективный мир рассматривался в роли «объекта». Человек находился в активно-познавательном отношении к окружающему объективному миру. И. Кантом были разработаны идеи, касающиеся глубинной социальной и нравственной основы общения и взаимодействия людей (т.е. коммуникации), с помощью которой достигается связь одного человека с другим и возвышение каждого отдельного человека над стремлением к обособлению. И. Кант, создавая идеал гармоничного общества, верил, что с помощью борьбы и устранения недостатков человечество постепенно (главный принцип И. Канта - не революция, а эволюция) придет к состоянию вечного мира, в котором будет господствовать гармония как основной результат и регулятор общественных отношений (торговля и общение). В связи с этим постулат И. Канта о необходимости достижения человечеством всеобщего правового состояния и вечного мира между народами и сегодня является актуальным при рассмотрении феномена коммуникации с точки

зрения философской антропологии и межкультурного взаимодействия.

Многие немецкие философы трактовали человеческое общение в категориях субъект-объектной связи, а не субъект-субъектной, и выйти за ее пределы не смогли. В их теоретических аргументах (И.Г. Фихте и др.) человеческое индивидуальное Я было так абсолютизировано, что «другое Я» (тоже субъект) по существу оказывалось лишенным своей субъективности и становилось объектом среди объектов. В связи с этим вместо принципа диалогичности межличностной коммуникации восторжествовал принцип ее монологичности.

Для гегелевского процесса движения мышления характерен постоянный переход субъекта и объекта друг в друга, что и отражено во всей его логике философствования. Именно через призму движения Абсолютной идеи на стадии духа (субъективного, объективного, абсолютного) рассматриваются субъект-объектные отношения у Г. Гегеля.

Л. Фейербах считал, что человек должен понимая, осознавать, что род совершенен и бесконечен; отдельный индивид конечен и ограничен. Человек может проявить себя как человек только в общении с другими. Следует также отметить, что истина и совершенство мира находятся в связи и единстве равноправных существ, в чем и заключается тайна коллективной жизни.

Ф. Шлейермахер рассматривал проблему общения как общение между людьми: между равными субъектами (субъект-субъектное отношение). Это стало основой для последующей разработки теории понимания (*герменевтики*) как основы подлинно человеческих взаимоотношений.

В ходе исследования нами было уточнено то, что огромное значение для выделения теории коммуникации, как отдельной области знания, имело зарождение и становление семиотики (Ч. Пирс) в рамках философии прагматизма.

В XX в. философское изучение коммуникации развивалось по нескольким направлениям. С точки зрения философско-антропологического анализа в рамках теории коммуникации были продолжены идеи семиотики (Ч. Моррис) и герменевтики (Г.-Х. Гадамер). Проблема человеческой коммуникации получила распространение в таких философских направлениях как экзистенциализм

(А. Камю, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс), аналитическая и лингвистическая философия (Л. Витгенштейн), диалогическая философия (М. Бахтин, М. Бубер), а также в идеях, основанных на том, что коммуникация является не средством, а смыслом общественной жизни (Н. Луман, Ю. Хабермас). Интересные разработки в области коммуникации и речевого высказывания были сделаны отечественными и зарубежными психологами: Л. Выготским, А.Н. Леонтьевым, Б. Ломовым, С. Рубинштейном, Г. Циммером, Дж. Энгелькампом и др. Коммуникативное направление получило развитие также во многих других теориях и концепциях.

В ходе исследования были рассмотрены различные подходы к изучению коммуникации с точки зрения современных ученых М. Василика, А. Ермоленко, И. Кужелевой-Саган, А. Назарчука, А. Соколова, Ф. Шаркова и др., занимающихся проблемами коммуникации и коммуникационных технологий. Наиболее значимыми для построения, как теории коммуникации, так и социокультурной коммуникации, были разработки, идеи и концепции, исследующие технократические подходы, интеракционные подходы, подходы социального конструирования коммуникации, лингвистические подходы, а также концепции экзистенциализма, герменевтики, этнометодологические концепции коммуникации, информационные технологии коммуникации.

Проведенный историко-типологический анализ коммуникации в философской мысли отличается плюрализмом и поливариантностью. В интерпретации коммуникации доминантным является её рассмотрение в контексте основных философских направлений, включающих философскую антропологию, социальную философию, философию науки, экзистенциальную философию, философию языка, культурологию.

Было выявлено, что для нашего исследования центральной проблемой является *процессуальная атрибуция коммуникации*, её деятельная природа.

На основе проведенного исследования мы уточнили философско-антропологическую природу коммуникации. Коммуникация – это многомерное явление, поэтому мы будем исходить из такой концепции: 1) коммуникация есть

движение смыслов в социальном времени и пространстве; 2) коммуникация – это не просто процесс обмена информацией, но генерирование смысла, создание социальных смыслов – постоянно изменяющихся, «текущих» образований (социокультурный, герменевтический подходы); 3) коммуникация – это процесс создания смыслов с помощью символов, среди которых наиболее важная роль принадлежит языку (семиотический, символический подходы); 4) коммуникация включает в себя взаимодействие, общественные отношения и общение (обусловлено функциональностью, объективированной структурой коммуникации); 5) коммуникация в отражении речевых практик в межличностном дискурсе при построении межкультурного диалога; 6) коммуникация выступает как субстанция (генератор) современной социальной коммуникативной реальности и то, что создаёт (генерирует) социальную коммуникативную реальность; 7) коммуникация – это основа новой формы коммуникативной реальности – медиареальности.

Сделан вывод о том, что историко-философские концептуализации феномена коммуникации подчеркивают, что теория коммуникации нашла свое отражение в современной системе научного знания как теория комплексная, интегрирующая знания о коммуникационных процессах в природе и обществе, в основе которой находится антропологический модус философствования.

РАЗДЕЛ 2

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

2.1. Коммуникация: структура, содержание, функции, теоретические модели

Содержание понятия «коммуникация» можно раскрыть посредством социально-философских категорий: *взаимодействие, общественные отношения, общение* и т.д.

Исходя из широкого смысла, общество – это совокупность (т.е. отражение – Крапивенский С.Э.) [127] общественных отношений, а *общественные отношения* представляют собой любые отношения между людьми (межличностные, интимные и др.), которые складываются в процессе их жизнедеятельности и реализуются в исторически определенных общественных формах.

С точки зрения философской антропологии, где рассматривается «человек, однако, не только природное предметное существо, но и общественное существо ... Общество, с одной стороны, создается человеком, с другой – формирует человека, социализирует его» [166, с.218]. В этой связи следует сказать о том, что общественные отношения диалектически взаимодействуют с личными отношениями людей или с их отношениями как конкретных индивидов, которые связаны непосредственными контактами. При таких контактах значимыми факторами являются нравственные, психологические, культурные особенности людей (антипатии и симпатии), личностные характеристики и мн. др. Именно для определения и установления существенных сторон личных отношений необходимо такое *взаимодействие* общественных отношений. Формами взаимодействия могут быть: сотрудничество, согласование или координация, поддержка, подчинение, кооперация, конкуренция, а также интеграция, которая выступает в роли системообразующего фактора и объединяющей силы.

Следует отметить, что *взаимодействия* индивидов, возникающие в процессе совместной деятельности людей, носят характер взаимосвязи. П. Сорокин отмечал,

что «характер центров взаимодействий и характер самого процесса взаимодействия не есть нечто отдельное друг от друга, а неразрывно связанное одно с другим. Можно сказать, что характер процесса взаимодействия объясняется характером и свойствами центров. Можно сказать и обратно, что характер центров есть функция свойств процессов взаимодействия, что центры – это только узлы, в которых скрещиваются течения взаимодействующих процессов» [221, с. 35].

Взаимодействия могут быть социальные, экономические, политические, духовные и т.д., которые непосредственно связаны со сферами распространения. «Отталкиваясь от вида носителя или от того, что передается в процессе его осуществления, можно назвать материальные или вещественные, энергетические и информационные взаимодействия» [240, с. 16-17].

Важным механизмом функционирования общественных отношений является процесс *общения*, где также происходят взаимодействия между индивидами, группами, классами и т.п. С точки зрения философско-антропологического анализа важно то, что благодаря общению общественные отношения приобретают статус системообразующего фактора общества и личности как систем. В процессе формирования личности и общества происходит самоорганизация и управление своим бытием каждого из участников. В таком процессе каждый необходим другому, поскольку является не только объектом, но и целью своего становления.

Общение представляет собой сложное социальное явление. Используя структурно-функциональный подход, авторы книги «Философия общения» *видами общения* считают: сотрудничество, соперничество, конфликт; непосредственное и опосредованное; анонимное и персонифицированное; формально-ролевое (служебное, официальное, статусное) и неформальное (личностное, родственное, интимное и др.) (В.С. Пазенок) [240, с. 17]. Существуют и другие виды общения, имеющие связь со сферами жизнедеятельности человека (наука, литература, философия, искусство, религия, политика, право, экономика, торговля, образование, туризм, спорт, секс, почта и т.п.).

Арсенал системы общения базируется, прежде всего, на: *субъекте общения* (отдельный человек; группы людей; социальные институты и т.д.); *средствах*

общения (слова, жесты, мимика; материальные и духовные ценности и т.д.); *цели общения* (взаимопонимание, согласование; реализация социальных смыслов, мотивов, стимулов); *системе действий общения* (объяснение, сообщение, убеждение, координация; извлечение информации и т.д.); *результате общения* (договоренность, осложнение ситуации, разрыв); *объекте общения* (общество, общности, организации людей, непосредственно сама личность и т.п.) [240, с. 17].

Следует отметить, что характерной особенностью общения является то, что его субъект и объект периодически меняются местами, что позволяет говорить не о субъект-объектном его характере, а субъект-субъектном [240, с. 20]. Эти положения в исследовании речевого общения очень важны для понимания коммуникации.

Философско-антропологическое понимание философии общения, прежде всего, базируется на ее содержательной стороне, что связано с ее предметом исследования, где главным является *человек*. Как отмечают ученые, «само общение является одним из условий формирования человека, а также результатом его развития, где он одновременно выступает в качестве субъекта и объекта общения» [240, с. 23]. В этом отношении правомерно заострить внимание еще раз на том, что общение имеет возможность воздействовать на различные сферы деятельности человека, а также на его поведение, управление, активность, организацию, познание и многое другое.

В становлении и развитии *человека как личности и общества* общение основывается на таких *функциях*, которые актуализируются в содержании актов общения (т.е. в процессе общения): *коммуникативной* (социальное взаимодействие); *трансляционной*; *информационно-коммуникативной* (аккумуляция и передача социального опыта и форм культуры); *экзистенциально-организующей* (самореализация личности, ее жизнедеятельность); *культурно-воспитательной*; *социализирующей* (формирование человека и обогащение его духовного опыта) [224, с. 18]. А также выделяют еще и такие функции как: *синдикативная* (согласование интересов общностей); *консенсусная* (преодоление социальных конфликтов и противоречий); *регулятивно-*

коммуникативная (формирование представлений о нормах и правилах поведения); *аффективно-коммуникативная* (регулирование и снятие эмоциональных напряжений в человеческих отношениях). В процессе управления и совместного труда для обмена информацией выделяется *инструментальная функция*. В общении наблюдается стимуляция активности партнера (*побудительная функция*); восприятие и понимание смысла сообщения, а также понимание/непонимание партнерами друг друга (*функция понимания*); возбуждение в партнере необходимых эмоциональных переживаний (*амотивная функция*); изменение состояния и поведения партнера (*функция влияния*) [198, с. 244-245].

Цели и содержание межличностного общения оказывают влияние на эффективность совместной деятельности и на отношения между ее участниками, на их отношение к самой деятельности и к своему участию в ее осуществлении. Существует также и обратная связь: от отношения людей к совместной деятельности и к ее участникам, понимания общественной значимости этой деятельности и ее ценностного восприятия в значительной степени зависят содержание и характер межличностного общения в коллективе. Часто можно услышать, что достоин уважения тот, кто уважает других людей, кто отдает – тот получает, кто прощает – тому прощается. «Если хочешь жить для себя, – писал Сенека, – живи для других» [240, с. 30-32]. А значит, отдавая, мы приобретаем, что-то для себя. Но также следует отметить и то, что благодаря общению люди получают от него эстетическое удовольствие (риторика – учение красиво говорить; человеческая речь – гармоничное сочетание звуков, создающее «музыку» человеческих отношений; жесты, мимика – соматизмы, являющиеся неотъемлемой частью общения, украшают нашу речь). Особенно значимыми в общении являются смыслы, которые сталкиваются, взаимодействуют, порождая новые, объединяются, дополняя друг друга, взаимопроникают друг в друга. Поэтому, можно с уверенностью сказать, что общение как один из смыслов человеческого существования, так и одно из выражений природы самого человека и в тоже время интересный феномен.

Коммуникативная сторона общения непосредственно связана с обменом

информацией между общающимися субъектами, *интерактивная* – с организацией взаимодействия оппонентов, а *перцептивная* дает представление о процессе восприятия и познания друг друга в качестве партнеров по общению для дальнейшего их взаимопонимания.

Отметим, что коммуникативная сторона общения близка к понятию коммуникации в узком смысле слова, тогда как в широком смысле – коммуникация представляет собой обмен информацией между индивидами через посредство общей системы символов. Говоря о коммуникации с позиции технического восприятия мира, ее определяют как однонаправленный процесс кодирования и передачи информации от одного источника к другому (получателю сообщения). Если же рассматривать коммуникацию с позиции деятельностного подхода, тогда следует говорить о коммуникации как совместной деятельности её участников, в результате такой деятельности и вырабатывается общий взгляд на вещи и действия с ними. Коммуникация развивается в пространстве и времени, как процесс, в описании которого могут быть выделены отдельно различные компоненты для объяснения определенных парадигм социума. «Понятие *коммуникации*, – пишет А.В. Назарчук, – предлагает путь осмысления общества, лежащий в области макродинамики социальных процессов. Этот подход радикализировал Н. Луман, сводящий всё понятие общества к понятию коммуникации. Информация трактуется здесь как важнейший из конкурентных ресурсов, а обладание ею – как основополагающая цель социальных усилий» [169, с. 11].

Таким образом, в процессе антропогенеза коммуникационная деятельность стала необходимым условием для образования человеческого сознания и языка, поэтому, можно сказать, что коммуникация – это способ формирования человеческой личности, так как только в процессе взаимодействия с другими людьми происходит социализация индивида и развитие его способностей. Коммуникационная потребность является органической (абсолютной) духовной потребностью человека, поскольку изоляция от общества может привести к неизлечимым психическим травмам. Коммуникация выступает в роли фактора, определяющего условия существования любых человеческих общностей (от малых

социальных групп до наций и государств). Коммуникационная деятельность является необходимым источником и средством поддержания и использования социальной памяти, которая аккумулирует в себе культурный и исторический опыт социальных субъектов.

Как уже отмечалось ранее, коммуникация представляет собой смысловой и идеально содержательный аспект социального взаимодействия [176]. Сохранение индивидуальности каждого из коммуникантов в достижении социальной общности – это то, что является основным её (коммуникации) предназначением.

В теоретическом фокусе коммуникации находится её *структура*, включающая: 1) наличие двух и более участников-коммуникантов, наделенных сознанием и владеющих нормами семиотической системы (язык); 2) ситуацию для осмысления или понимания; 3) тексты, в которых выражается смысл ситуации в языке (или с помощью элементов данной семиотической системы); 4) мотивы и цели (тексты для побуждения субъектов обращаться друг к другу); 5) процесс материальной передачи текстов. Итак, тексты, действия по их созданию и, наоборот, действия по реконструкции их смысла, и вместе с тем, связанные с этим мышление и понимание – все это и составляет *содержание* коммуникации.

Для того чтобы подчеркнуть большое значение и конструктивную роль коммуникации в развитии человеческой деятельности, в функционировании социальных систем, известный американский социолог *Т. Парсонс* утверждал, что «сложность систем человеческой деятельности невозможна без относительно стабильных символических систем», а последние создаются и функционируют только благодаря *процессам коммуникации*. По причине того, что ситуация двух участвующих во взаимодействии лиц никогда не бывает идентичной, поэтому «коммуникация была бы невозможной» без способности к абстрагированию значений от отдельных частных ситуаций и введения этих абстрактных символов, значений, норм в символическую систему культуры [183, с. 468].

Таким образом, *коммуникативный процесс* – это взаимодействие, осуществляемое между различными субъектами коммуникации в ходе обмена информацией. При взаимодействии коммуникантов происходит динамичная смена

этапов формирования, передачи, приема, расшифровки и использования информации в обоих направлениях. Понятие «*коммуникативный процесс*» чаще всего используется для обозначения *функции взаимодействия* в процессе коммуникации, отражая интерактивный подход к исследованию коммуникации. Для обозначения же *процесса передачи самой информации* (в меньшей мере рассматривается проблема взаимодействия) с целью обобщения коммуникативного знания в рамках теории коммуникации используется понятие «*коммуникационный процесс*».

Итак, для первого понятия (*коммуникативный процесс*) характерен учёт динамики процесса коммуникации, а также обнаружение причинно-следственных связей между составляющими коммуникативного процесса: созданием информации, ее распространением, мультипликацией, приемом, распознаванием и применением информации согласно замыслу коммуникантов, участвующих в процессе взаимодействия в той или иной области (рекламе, бизнес-PR, СМИ, и т.п.). А для второго понятия (*коммуникационный процесс*) важна передача смысловой и оценочной информации, для чего и происходит отбор соответствующих вербальных и невербальных средств, а также применяются необходимые каналы для распространения информации о предмете разговора.

Коммуникативный процесс может иметь различные формы в зависимости от сферы деятельности, числа участников, целей участвующих сторон, используемых каналов, средств, стратегий и многого другого.

У исследователей коммуникативного процесса в последнее время широкое распространение получил *метод моделирования*. С помощью данного метода возможно объяснить содержание коммуникативных процессов, выполняя при этом функцию познания объективной коммуникативной реальности, несмотря на то, что его вектор направлен на управленческие задачи. Коммуникативное моделирование – основная форма познания коммуникации.

Упрощенное, схематизированное отражение реального коммуникативного процесса, являющееся необходимым инструментом управления в прогнозировании и проектировании коммуникативного пространства, представляет собой *модель*

коммуникации. Таким образом, коммуникативный процесс можно представить в виде структуры, которая отражена в модели коммуникации.

В настоящее время существует большое количество разнообразных моделей (предметные, знаковые, структурные, поведенческие и др.), каждая из которых по-своему оригинально отражает структуру, элементы и динамику процесса коммуникации, сосредотачивая свой взгляд на определенное (субъективное) отношение к миру того, кто эту модель конструирует, и на задачу её создания. Согласно мнению многих ученых, первую модель коммуникации описал еще Аристотель, которая имела линейную структуру «оратор – речь – аудитория» и давала представление об основных элементах акта коммуникации.

Для того чтобы рассмотреть наиболее значимые модели с точки зрения коммуникативного процесса, как считает один из современных исследователей Л.Р. Тухватулина, сначала необходимо провести систематизацию этих коммуникативных моделей, разделив их на так называемые «линии», собранные по принципу той базовой модели, которая лежит в основе каждой из них [235, с. 49-53]. Преимущество такого деления заключается в том, что оно помогает проследить преемственность и совершенствование моделей посредством их преобразования различными авторами, рассмотреть область приложения данных моделей, показав тем самым междисциплинарный характер коммуникации, а также обозначить наиболее распространенные и фундаментальные её модели.

На основании изложенного и многих научных концепций, модели коммуникации систематизировать можно следующим образом: «линия Лассуэлла» – модель коммуникативного акта Г. Лассуэлла, а в дальнейшем получившая развитие в работах Р. Брэдока и Г. Гербнера; «линия Шеннона-Уивера» – модели Шеннона-Уивера, М. ДеФлера, Осгуда-Шрамма, П. Лазарсфельда и коллег; двухканальная модель речевой коммуникации В.П. Морозова; «линия Ньюкомба» – модель Т. Ньюкомба, модель Уэсли-Маклина; «линия» семиотических моделей коммуникации («линия Якобсона») – модель коммуникации (речевого события) Ю.М. Лотмана, У. Эко, Р.О. Якобсона, и др. [235, с. 49-53].

Итак, «линия Лассуэлла» представляет модель самого Г. Лассуэлла (1948) и

считается первой и известнейшей моделью коммуникативного процесса. Модель Лассуэлла («формула Лассуэлла») состоит из пяти элементов: коммуникатор, сообщение, средство (канал сообщения), реципиент, эффект, дающих ответы на последовательно поставленные вопросы: *кто?* сообщает *что?* по *какому каналу?* *кому?* с *каким эффектом?* (анализ управления процессами коммуникации; анализ передаваемых сообщений, анализ средств и каналов, с помощью чего передаются сообщения; анализ аудитории; анализ результатов коммуникативного воздействия). В научном мире модель Г. Лассуэлла стала наиболее известной и несмотря на свой упрощенный вариант является классической. Позднее эта модель была более усложнена в работах Р. Брэддока и Г. Гербнера.

«*Линия моделей Шеннона-Уивера*» (1949), созданная К. Шенноном и У. Уивером, получила распространение с появления модели коммуникативного процесса, она подобна телефонной связи и носит «технический» характер. Данная теория сыграла огромную роль не только в развитии коммуникативного моделирования, но и в теории коммуникации в целом. Модель состоит из таких функциональных элементов: источник информации (кто передает сообщение), сообщение (передаваемая информация), передатчик (кодирующее устройство), телефонный провод (канал), телефонный приемник (второй аппарат) – декодер, который осуществляет обратное преобразование электрических импульсов в звуковые волны и приемник (получатель – человек, которому адресовано сообщение). Продолжением данной модели явилась модель замкнутого (циркулярного) коммуникативного процесса Осгуда-Шрамма. Эту циркулярную модель коммуникации описали Ч. Осгуд и У. Шрамм, которые рассматривали коммуникацию уже с позиций двустороннего процесса: отправитель и получатель информации, взаимодействуя друг с другом и поочередно меняясь ролями при обмене сообщениями (сигналами), превращают процесс коммуникации в диалог, где акцент ставится на само сообщение. Представленная модель коммуникации играет важную роль при обучении иностранных студентов в сфере межкультурной коммуникации.

С нашей точки зрения необходимо также обратить внимание на

двухканальную модель речевой коммуникации, созданную психологом В.П. Морозовым, который в своем исследовании опирался на модель К. Шеннона, но брал во внимание рассмотрение коммуникативного процесса не с «технической» стороны, а с точки зрения психологии. По мнению В.П. Морозова, коммуникация представляет собой двухканальный процесс, в состав которого входят вербальный, собственно речевой лингвистический и невербальный каналы. Ученый на уровне психологии хотел показать отличия невербальной функции речи от вербальной, т.е. речевой. В данной модели было представлено разделение вербального и невербального каналов во всех частях системы коммуникации (начальный – источник речи, говорящий; средний – акустический сигнал; конечный – приемник, слушатель).

«Линия Ньюкомба» (1953) принадлежит Т. Ньюкомбу и представлена в виде АВХ-модели (А – участник коммуникации, В – также участник коммуникации, Х – внешний объект или событие, из-за чего и возникает коммуникация между А и В). Отношения могут складываться таким образом: А – Х, А – В, В – Х, В – А. Происходит стремление к симметрии, что является общей тенденцией коммуникации. В случае, когда А и В настроены положительно, их отношение к Х будет совпадать: при одинаковой оценке объектов (событий) – одинаковая оценка друг друга (участников коммуникации) [195, с. 231]. Таким образом, в данной модели субъекты коммуникации имеют как равноправное значение в процессе коммуникации, так и могут иметь общие интересы, что и является связующим звеном воспроизведения межличностных актов коммуникации.

«Линия Якобсона», представленная моделью коммуникации (речевого события) Р. Якобсона, о которой уже упоминалось ранее, открывает семиотическую линию моделей коммуникации. В данной модели в качестве элементов выступают: адресант, сообщение, контекст, контакт, код, адресат. Связующим звеном между адресантом и адресатом является сообщение, имеющее свой код. «Линия Якобсона» была продолжена моделью коммуникации Ю.М. Лотмана в работах по семиотике и типологии культуры, где в центре коммуникативного процесса стоит человек, а также представлены различные

способы организации так называемых «человеческих» коммуникаций. Ученый считал, что коммуникация возникает «в механике культуры минимум по двум, устроенным различным образом каналам» [144, с. 163]: «Я-Он» (как в модели Р.О. Якобсона) и «Я-Я» (автокоммуникация). В автокоммуникации Ю.М. Лотман выделяет два типа: 1) мнемонического типа (памятные записи) – «сообщение себе с целью сохранения имеющейся информации», 2) инвенционного типа (рассматривание картин, размышления под шум дождя) – «сообщение себе с целью получения прироста информации» [144, с. 667]. В первом случае нам представлена информация, которая направлена от одного человека к другому с константным кодом на протяжении всего акта коммуникации, а во втором происходит трансформация информации, где значимыми выступают уже новые коды, тогда как принимающая и передающая сторона совпадают в одном лице. В соответствии с этим роль этих кодов выполняется разными формальными структурами, производящими переорганизацию смыслов, и чем она лучше, тем хуже их собственная организация. Для того чтобы отразить социальную действительность, при этом формируя её, «работающий текстовый генератор» представляет собой «текст в контексте, текст во взаимодействии с другими текстами и с семиотической средой», это «информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [143, с. 132, 147]. По мнению ученого, коммуникация может преобразовываться в процессе развития и социализации индивида [143, с. 132-147], что имеет место при рассмотрении коммуникации с позиций философско-антропологического подхода. Еще одним *продолжателем «линии Якобсона»* является *Умберто Эко*. В его рассмотрении модели коммуникации также представлено её два вида, в состав которых входят одинаковые элементы (источник, отправитель, сигнал, канал, приемник, сообщение, адресат, шум, код): 1) коммуникация между двумя механизмами (используется усложненный код с избыточностью для повторения и дополнения сообщения); 2) коммуникация между людьми (в процессе коммуникации добавляются вторичные коды – лексикоды, имеющие различные коннотативные значения, которые осложняют сам процесс, а также получение и толкование сообщения делают доступным только лишь для

какой-то части аудитории, а не для всех принимающих). Отличие одной модели от другой связано с тем, что изменены субъекты коммуникации, поэтому отправитель – передающее устройство – сообщение приобретают новое значение: отправитель аккумулирует в себе, как источник информации (мозг), так и передающее устройство (артикуляционный аппарат), а сообщение благодаря адресату имеет смысл, основой которого выступает код. Поэтому именно вторая модель коммуникации У. Эко интересна для рассмотрения речевых практик в межкультурном взаимодействии.

Ученые чаще всего проводят структуризацию моделей коммуникации с учетом различных признаков: социологических, психологических, семиотических, и, опираясь на их основания, выделяют в них свои особенные функции, содержание, форму, цели и задачи. Так, современный ученый Г.Г. Почепцов выделяет марксистские; литературные, герменевтические, культурологические, философские, антропологические, вещественные, деконструктивистские и другие коммуникации.

В модели Давида Берло [277] источник и получатель сообщения находятся в социально-культурной среде, которая воздействует на содержание сообщения с помощью обратной связи. Исследователь выделяет пять каналов коммуникации: зрительный, слуховой, осязательный, вкусовой, обонятельный. Согласно Д. Берло, успех коммуникации определяется совпадением установок и знаний у источника и адресата, поэтому эта модель интересна для анализа содержания и сообщения.

Отметим, несмотря на то, что коммуникативное моделирование достаточно многомерно и описать все существующие модели коммуникации не является нашей задачей, в основе его находится каждая из представленных «линий» коммуникации, раскрывающих наиболее важные и распространенные коммуникативные модели. Подобная систематизация коммуникативных знаний помогает также определить существующую тесную взаимосвязь между коммуникацией и информацией, поскольку главной функцией коммуникативных моделей является показ передачи сообщения.

В конце XX века – начале XXI века исследователи (В.В. Богуславская,

И.В. Мелик-Гайказян, В.И. Тузлукова, Ф.И. Шарков и др.), занимающиеся моделированием коммуникативной системы, используют в своей работе *синергетический подход*. Так, В.И. Тузлукова и В.В. Богуславская предложили модель внутреннего пространства коммуникации (дает объяснение, как коммуникации, так и коммуникативным моделям с помощью различных средств и технологий в современных социокультурных и языковых реалиях). Ученый *И.В. Мелик-Гайказян* занимается изучением *моделей коммуникативного акта*, определением структуры коммуникативного пространства и механизмов коммуникации (процессы передачи информации), с целью демонстрации тесной взаимосвязи понятий коммуникации и информации, используя в своей работе *информационно-синергетический подход* (объясняет процессуальную природу информации и информационных механизмов самоорганизации сложных систем). Следует также отметить, что И.В. Мелик-Гайказян была разработана исследовательская программа социокультурных трансформаций. В процессе кодирования информации теория информации как бы переходит в теорию коммуникации, поэтому с помощью моделей каналов трансляции показано воздействие на человека знакового пространства культуры [162].

Таким образом, созданный информационно-синергетический подход И.В. Мелик-Гайказян поможет систематизировать уже имеющиеся подходы к исследованию коммуникаций, а также использовать все модели коммуникаций в отдельности в рамках общей схемы информационного процесса.

Сегодня простейшая модель коммуникации такова: источник – кодирование – сообщение – декодирование – получатель. При таком рассмотрении коммуникации обратная связь отсутствует. Однако только с помощью обратной связи возможна передача сообщения о принятом сигнале. После чего у коммуникатора может произойти рефлексивная ответная реакция на сообщение реципиента, тогда действие (передача сообщения) уже становится взаимодействием, в результате чего *линейная коммуникация уже рассматривается как взаимодействие*.

Итак, коммуникативный процесс представляет собой непрерывное взаимодействие участников коммуникации (субъект-субъектные отношения),

которое осуществляется по разным каналам и при помощи разных коммуникативных средств. В качестве единиц коммуникации выступают коммуникативные акты. Поэтому можно сказать, что коммуникативный процесс осуществляется следующим образом: коммуникатор (адресант) при передаче сообщения оказывает определенное воздействие на реципиента (адресат).

Ход процесса обмена информацией всегда связан с определенной коммуникативной сферой (коммуникативная деятельность человека). «Коммуникативная сфера интегрирует целый ряд социально значимых характеристик коммуникации, таких как смысловая информация, социальный статус коммуникантов. Их коммуникативные роли и степень мотивированности в обмене информации ... определяет себе роль доминанты в коммуникативной системе. ... Коммуникативная сфера определяется уровнем социально-экономического и культурного развития общества. Основным критерием классификации коммуникативных сфер является информационное поле дискурса, а вспомогательным – способ и средства выражения информации. Различают обиходно-бытовую, деловую, научную, профессиональную и художественно-творческую коммуникативные сферы. Эти сферы отличаются функционально-стилистическими особенностями языковых элементов, используемых в конкретной коммуникативной системе» [264, с. 95].

Рассматривая различные аспекты коммуникативного процесса как одного из сложных социальных феноменов, следует обратить внимание на то, что в ходе этого процесса зачастую возникают препятствия, которые мешают его успешной реализации. В результате их появлений коммуникация не достигает своих целей и не выполняет своих функций. «Більш того, ця ситуація заважає належному задоволенню однієї з природних потреб людини – її потреби у спілкуванні» [160, с. 144]. Эти препятствия получили название «коммуникативных барьеров», что означает: это всё то, что мешает эффективной коммуникации и блокирует её. Коммуникативные барьеры возникают по разным причинам, обусловленным внешними условиями коммуникации (окружающая обстановка, температурные условия, природные условия и т.д.); из-за недостаточно эффективной работы

технических средств (средства коммуникации и их специфические функции), используемых в коммуникативном процессе, а также по причинам, связанным с личностью самого коммуникатора (человеческий фактор, в основе которого находятся психофизиологические или социокультурные причины), без которого невозможен любой коммуникативный акт.

Как уже отмечалось, коммуникация играет важную роль в каждой сфере человеческой деятельности, а также в развитии самих индивидов и общества в целом, что является необходимостью её в дальнейших исследованиях и способов её эффективности. В этой связи нельзя обойтись без знания природы коммуникативных барьеров, причин их возникновения, их зависимости от объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на характер межличностной коммуникации. Именно в такой постановке вопроса возможно формирование умений для преодоления коммуникативных барьеров.

Конечно же, по своей природе коммуникативные барьеры носят психологический характер, однако это является только конечным результатом многих причин: социальных, культурных, физических, физиологических и мн. др. Классифицируют психологические барьеры коммуникации таким образом: коммуникативные, личностные, социально-психологические. Тогда как коммуникативные барьеры подразделяют на логические, стилистические, семантические и фонетические. «Особистісні бар'єри зумовлені психологічними характеристиками партнерів: темпераментом, характером, манерою спілкування, негативними емоціями тощо. Соціально-психологічні бар'єри пов'язані з соціальним статусом особистості та особливостями соціокультурного середовища» [160, с. 157].

В моделировании коммуникативного процесса имеют место самые различные систематизации коммуникативных барьеров по причине того, что учесть всевозможные причины, снижающие результативность коммуникации, попросту невозможно. Распространенной классификацией коммуникативных барьеров является классификация, предложенная В. Шепель. Учёным выделены шесть коммуникативных барьеров: 1) негативное влияние физической среды при

восприятию сообщения; 2) озабоченность коммуниканта другими проблемами, его инерция; 3) неприемлемое отношение к другому мнению, стереотипизованность сознания, амбициозность; 4) языковой барьер из-за различия словарного запаса и лексики между коммуникантами; 5) профессиональное неприятие из-за некомпетентности коммуникатора в профессиональной сфере коммуниканта; б) неприятие имиджа коммуникатора [267, с. 118-119]. Данная классификация коммуникативных барьеров, на наш взгляд, имеет огромное значение в межличностной коммуникации, особенно с представителями различных культур и этносов.

Итак, коммуникация может быть неполной по причине существования ситуации, не способствующей общению, из-за барьеров коммуникации, из-за ограниченного общения, из-за существующих стереотипов, из-за невозможности построения диалога и много другого.

Философское осмысление понятия «коммуникация» связано с процессом взаимодействия между людьми и их сообществами для достижения социальной общности. Поэтому сегодня можно сказать, что коммуникация – это процесс, «в котором символически оформляется и переоформляется наша идентичность, наши социальные связи и отношения, наш общий мир значимых объектов и событий, наши чувства и мысли, наши способы выражения этих социально выстраиваемых реальностей» [279]. Коммуникация, ставшая аккумулярующим звеном между обществом и каналом передачи информации, превратилась в сложную социальную проблему.

Среди многочисленных теоретических воззрений, рассматривающих и объясняющих сущность социальной коммуникации, особое значение приобретают те, которые рассматривают, прежде всего, коммуникацию и информацию.

В настоящее время социальная коммуникация (*коммуникативное взаимодействие между людьми*) осуществляется в процессе сообщения и понимания информации между людьми, реализация которого происходит в различных формах на разных социальных уровнях. Такой информационный обмен чаще всего осуществляется под влиянием стиля мышления людей на основе

алгоритмизации языка в процессе глобальной компьютеризации всего человечества в единую информационную систему [81, с. 164]. Он связан, прежде всего, с коммуникативным взаимодействием человеческого сообщества, его глобализацией коммуникаций, что пронизывает все сферы деятельности человека, выделяя при этом в каждой сфере соответствующие зоны дискурса и обеспечивая преемственность ее исторических разновидностей во времени и пространстве.

Конечно же, для социальной коммуникации важен и учет социальных условий, в которых протекает данный процесс, а также основные направления его самореализации, материальные и «культурные» технологии информационного взаимодействия.

В целом структура социальной коммуникации обусловлена целями коммуникатора (коммуникаторов). В ее состав входят субъекты коммуникации (коммуникатор, коммуниканты), коммуникационная деятельность (каналы связи), коммуникативные сообщения и коммуникативная деятельность (речевые контакты). Коммуникативные технологии, которые реализуются с помощью коммуникационных систем, создают оптимальную с точки зрения коммуникантов систему социальных связей.

Рассматривая далее социокommunikацию, остановимся на её типологии. Коммуникация может быть: *межличностная* (мотивационная), *внутригрупповая* (ограниченная), *массовая* (исходя из репрезентативности аудитории); *устная* / *письменная* (форма); *вербальная* / *невербальная* (канал передачи и восприятия информации); *официальная* (формальная) и *неформальная* (источник сообщения) [81].

Социальная коммуникация основывается на трех основных *базовых функциях* общей коммуникации – *информационной, прагматической и экспрессивной* [125]. Хотя необходимо отметить, что в рамках этих базовых функций выделяются частные специализированные функции, которые актуализируются при помощи разнообразных коммуникативных средств в конкретных речевых актах и речевых практиках, которые всегда социально ориентированы. Такими специализированными функциями социальной коммуникации, по мнению

В.П. Конечкой, являются: *контактоустанавливающая* (реализуется в устной и письменной формах коммуникации при помощи стереотипных вербальных высказываний и невербальных средств, поскольку только от них зависит контакт с аудиторией); *функция самопрезентации* (реализуется в ситуациях, когда говорящий намеренно или ненамеренно, сознательно или бессознательно создает свой образ, который может соответствовать или не соответствовать его социальному статусу и коммуникативной роли); *апеллятивная /или функция обращения/* (ограничена четкой социальной ориентацией, поскольку мы обращаемся по-разному к людям с разным социальным статусом, дифференцированно используем как формы имени, так и обращения) является универсальной, поскольку обращение имеет свои особенности выражения в разных культурно-генетических формах; *побудительная* (состоит из множества специализированных функций, обусловленных коммуникативной установкой (побудить коллегу выполнить какое-либо действие или совершить поступок) находит свое отражение в обиходно-бытовой сфере коммуникации при помощи эксплицитных средств выражения, которые выбираются в зависимости от статусно-ролевых отношений коммуникантов); *волеизъявительная* (связана с побудительной функцией, хотя носит всегда эксплицитный характер, поскольку предполагает непосредственное воздействие со стороны индивида, имеющего более высокий статус или роль (ректор, судья, командир, президент и т.п.) реализуется в таких речевых актах, как распоряжения, приказы и т.п.; имеет ограниченный выбор стереотипных высказываний); *регулирующая* (имеет большое значение в социальной ориентации коммуникантов из-за использования таких форм коммуникации как беседа, обсуждение проектов, заключение контрактов, дискуссия и т.д.; имеет двунаправленный вектор – на партнера и на себя (жесты, паузы и т.п.); отличается динамизмом, что объясняется изменением ситуации, введением новой информации и т.п.); *ритуальная* (имеет особый вид коммуникативного взаимодействия и воздействия в ритуалах, которые связаны с официальными церемониями, религиозными обрядами, поверьями и суевериями (в связи с этим её иногда именуют магической); универсальна, имеет ярко выраженную национальную специфику в способах выражения, которые

обусловлены историко-культурологическими факторами развития общества, нации, этноса) и *перформативная* (от лат. *performo* – «действую»); имеет связь с ритуальной функцией, поскольку они имеют стереотипные ситуации и установки коммуникации – это сообщения, дающие информацию о совершаемых действиях и тем, что высказывание и совершаемое действие эквивалентны («Благодарю Вас!», «Я клянусь!», «Извините» и др. – вербальные действия благодарности, обещания, клятвы, извинения) имеет свойства социального символизма) [125].

Рассмотренные выше функции относятся к доминантам социокоммуникации (В.П. Конецкая). Они выражены коммуникативными средствами, обусловлены правилами, нормами, речевыми стереотипами, образуют *речевой этикет* (В.Г. Костомаров), что является неотъемлемой частью культуры – «коллективным интеллектом общества» (Ю.М. Лотман), что отражен в речевых практиках [81, с. 161-165].

Таким образом, многомерность социальной коммуникации представлена как в подходах к ее определению, а также в тех функциях, которые она выполняет в условиях современного информационного общества.

2.2. Социокультурная коммуникация в неклассической парадигме: сущность и специфика

На разных уровнях социального бытия (возникновения, существования и развития) характерной особенностью человеческого общества является осуществление коммуникативного взаимодействия между индивидами. Чаще всего это происходит всегда разнообразными способами: передача информации, взаимообмен эмоциями, представление личного и социального опыта, обучение и социализация и т.д. По мнению М. Маклюэна, форма коммуникации определяет тип культуры и личности. Поэтому социальное взаимодействие не может быть вне культуры, поскольку в ней закреплены способы и приемы человеческой деятельности, модели человеческого отношения к миру. Но и культура тоже не может существовать сама по себе вне взаимодействия, поскольку это две стороны одного и того же процесса.

Социальная коммуникация – неотъемлемая часть культуры, эволюция человеческой культуры и в тоже время социально-коммуникационная эволюция, которая осуществляется в мировом сообществе, делая его более унифицированным благодаря экономическим, технологическим, информационным и другим направлениям интеграции. С каждым годом это становится заметнее, проявляясь в европейских интеграционных процессах, где глобализация культуры приобретает всеобщий характер. В связи с этим исследования по социокультурной коммуникации приобретают всё большее значение. Попытаемся прояснить, какова же сущность и специфика *социокультурной коммуникации*.

Проанализировав наиболее репрезентативные для нашего исследования теории и подходы к философско-антропологическому пониманию коммуникации в социокультурном пространстве, попробуем провести связующую нить от общепринятых в научном мире положений о коммуникации к ее интерпретации в наиболее широком аспекте – *социокультурной коммуникации*.

Понятие «социокультурная коммуникация», как и понятия «коммуникация» и «социальная коммуникация», не имеет единого признания в связи с тем, что существуют его множественные интерпретации, которые основаны на различных методологических парадигмах [87, с. 121-143]. Однако, чаще всего интерпретации понятия «социокультурная коммуникация» определяют её суть в совокупности средств передачи социальной информации, которые образуют базу для становления и развития «информационного общества» (технократически рационалистический подход), или как способ достижения понимания одного человека другим, т.е., как механизм «вживания», «вчувствования» (феноменологическая интерпретация) [45].

Альфред Крёбер, автор книги «Конфигурации развития культуры», фрагменты которой были впервые опубликованы на русском языке в 1997 году (перевод В.Г. Николаева), дает такое определение данному понятию: «*социокультурная коммуникация* – совокупность процессов социального взаимодействия, в ходе которого происходит обмен информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем и средств их использования» [128]. Это определение является созвучным тому, которое представлено в книге

А.Я. Флиера «Культурология для культурологов»: «*социокультурная коммуникация* – процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности (индивидами, группами, организациями и т.п.) с целью передачи и обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем (языков), приёмов и средств их использования» (И.М. Быховская, А.Я. Флиер) [244, с. 193-197]. На наш взгляд, данное определение более точно определяет специфику социокультурной коммуникации, поскольку отражает межкультурное взаимодействие между субъектами социокультурной деятельности с целью передачи и обмена информацией посредством принятых в данной культуре знаковых систем.

В научной литературе отмечено, что социокультурная коммуникация – это явление системного порядка, включающее: *субъектов* культуры (отдельные индивиды, группы людей, организации и т.д.); *средства* социокультурной коммуникации (вербальные и невербальные коммуникативные средства коммуникации; носители информации; материальные и духовные ценности и т.д.); *цель* социокультурной коммуникации (установление взаимопонимания, согласование и объединение усилий, воплощение и реализация социокультурных смыслов, мотивов, стимулов, упорядочение действительности); *систему действий* социокультурной коммуникации (извлечение информации, объяснение, сообщение, убеждение, внушение, координация; поиск, обработка, кодирование и т.д.); *результат* социокультурной коммуникации (установление договорённости, частичное достижение соглашения, осложнение ситуации, разрыв); *объектов* социокультурной коммуникации (отдельные индивиды, группы, институты, общество, общности, организации людей и т.д.).

По мнению ученых И.М. Быховской и А.Я. Флиера, специфической чертой социокультурной коммуникации является четкая иерархичность в её *структуре*, в которой за каждым элементом (средство коммуницирования) строго закреплена определенная функция, выполняющая общую задачу по передаче культурной информации в специфической форме. Базовыми элементами в структуре социокультурной коммуникации выступают: *семантемы* (черты культурных форм

определенного объекта, явления, процесса); *сообщение и текст* (единицы социокультурной коммуникации: культурные формы определенного объекта, явления, процесса); *специализированная культурно-семантическая подсистема* (отрасль знания / деятельности в её информационном аспекте); *локальная культурно-семантическая система* (этническая культура, национальный язык); *глобальная семантическая система* (межнациональные специализированные языки) [244, с. 193-197].

Содержание социокультурной коммуникации определяют её виды: 1) *инновационная* (дает субъектам культуры новые знания, обучает социальному опыту сообщества или человечества в целом); 2) *ориентационная* (оказывает помощь субъектам культуры ориентироваться в природном и социальном окружающем их пространстве; оказывает помощь субъектам культуры в инкультурации их в системе жизненных ценностей, характерных для данного периода времени и задает критерии оценочных суждений); 3) *стимуляционная* (воздействует на субъекты культуры, формируя у них стремления к получению новых знаний с помощью активизации их внутреннего потенциала и ресурсов); 4) *корреляционная* (выступает в качестве помощника, уточняющего отдельные составляющие культурной деятельности; обновляет уже имеющиеся знания путем детализации и конкретизации более частных аспектов знаний, ориентаций и стимулов).

Важно отметить, что сама по себе социокультурная коммуникация выступает средством осуществления социокультурного взаимодействия субъектов культуры и их коллективов. В этом и состоит её основная социальная функция. В связи с этим правомерно назвать *основные характерологические особенности* социокультурной коммуникации: 1) коммуникативная заинтересованность, выражающаяся в потребности в общении и реализации целей, замыслов коммуниканта; 2) мотивация и стимулирование коммуникационного социокультурного взаимодействия; 3) резонансное воздействие социокультурной информации, проявляющееся в правильной социокультурной и пространственной организации социокультурного воздействия; 4) коммуникативная адаптация субъектов социокультурного

взаимодействия, которая заключается в правильном восприятии и понимании апперцепционной базы субъектов социокультурного взаимодействия; 5) стратегия социокультурного взаимодействия, основанная на принципах и нормах коммуникативной культуры, что позволит достичь максимальной эффективности коммуникативного воздействия [244, с. 193-197].

Мы уже отмечали ранее, что рассмотрение коммуникационных процессов в период становления и развития общества осуществлялось с разных подходов. Но, поскольку *классически-рационалистический* подход базируется на рассмотрении взаимодействия личности и общества, то в такой ситуации происходит приписывание обществу (социальной группе) типового сознания и поведения, где в качестве так называемых «носителей» уже выступают отдельные личности, а это уже дает основание рассматривать социокультурную коммуникацию с точки зрения философско-антропологического подхода, который ориентирован на рассмотрение субъектов коммуникации, поскольку в дальнейшем мы будем говорить о межкультурном взаимодействии. Об этом Б.В. Марков пишет так: «Поиски сущностного понятия для человека наталкиваются на разнородность человеческого, как она проявляется в разное время и в разных культурах» [154, с. 12].

С позиций *неклассической парадигмы* в новой, измененной картине мира окружающая действительность имеет более глубокое осмысление, где в фокусе внимания находится внутренняя целенаправленность, интенциональность знакового общения, в которой язык выступает в качестве средства обозначения предметов, выражения чувств, неким «каркасом» мира, «символической иммунной системой, защищающей своё от воздействия чужого» [155, с. 95].

Функционирование языковых знаков осуществимо только в системе на основе правил, которые направлены на регулирование построения знаковых рядов. Понятиями знака, значения и изучением отношений между ними (именования, денотации, означивания, коннотации, десигнации, импликации, выражения, употребления, интерпретации, понимания, осмысления) занимается наука о знаках – *семиотика*, включающая, в свою очередь, *семантику* (отношения между знаком и

значением), *прагматику* (отношение выражения между знаком и субъектом) и *синтактику* (отношения импликации между знаками). Проблемы семантики можно представить в виде «семантического треугольника»: знак – значение – предмет. Их отношения и дают возможность в раскрытии понятия истины. Как справедливо отмечает Б.В. Марков, язык «сам является некоторого рода событием, местом, где может раскрыться истина бытия. По мнению П. Флоренского, знаки не отражают и не обозначают внешние объекты, а обладают собственной энергией, которая, благодаря эманации, приходит от высших сил бытия» [154, с. 246].

Отметим, что в философии «поворот» к языку в XX веке связан с трудностями, вызванными классической философией, в понимании истины как соответствия: как же определить соответствие знания объекту, которое дано в форме опыта сознания. Именно перевод в языковую плоскость оказывает нам помощь в этом, что осуществимо только при условии принятия независимого «означаемого». Однако, одного не может существовать без другого, поскольку основание и критерий истины находятся в означаемом, но его нет в означающем.

По причине того, что трудно сказать, что является истинным, а что ложным, современная философия языка вводит понятие «альтернативной концептуальной схемы», в которой выражения могут быть истинными, хотя не переводимыми в выражения другой концептуальной схемы (Д. Дэвидсон) [98]. Как невозможно себе представить истинность или ложность того или иного философского образа природы, так и невозможно определить, чьи утверждения являются истинными и ложными [156, с. 238].

Все чаще в XX веке семантика стремилась к преодолению трудностей в понимании истины как соответствия. Хотя до сих пор ею принимается тезис о том, что язык выступает инструментом мышления. А поскольку язык оказывает сильное влияние, не только на мышление, но и на поведение человека, поэтому познание и коммуникация рассматриваются в рамках теории *речевой деятельности*, где познавательный процесс равнозначен речемыслительному. Акты общения приравниваются к *речевым актам*, а в состав самой речи входят «атомарные» речемыслительные акты (сообщения). Сам *речевой акт*, прежде всего, есть

целенаправленное речевое поведение в соответствии с принятыми правилами. Речевой акт обнаруживает (характеризует) *намеренность* как конкретную коммуникативную установку сообщения; *целеустремленность* как настойчивое желание осуществить воздействие на собеседника с помощью экспрессивных средств передачи и оценки информации; *конвенциональность* как согласование с речевыми нормами, принятыми в данном обществе [265, с. 112]. Отметим, что речемыслеительные акты, в свою очередь, являются культурными текстами, которые несут информацию о собственных атрибутивных признаках и функциональной нагрузке. В результате чего, вся культура в целом, каждый её артефакт (как отдельный элемент) и процесс коммуникативного взаимодействия выступают в качестве *средств* социокультурной коммуникации.

Сегодня в современном мире наиболее значимыми являются межличностное общение и межкультурные коммуникации. «Эти процессы, – как отмечает Б.В. Марков, – не ограничиваются передачей информации, а нацелены, прежде всего, на понимание другого. Оно предполагает способность, как к интерпретации, так и признания особенностей знаков, используемых другими людьми, представителями другой культуры. При этом медиумами общения являются не только слова, но также звуки, образы, жесты» [156, с. 231]. Исходя из сказанного, следует еще раз обратить внимание на то, что коммуникация может быть по каналу передачи и восприятия информации как вербальной (слова, высказывания, предложения), так и невербальной (мимика, жесты, поза, выражение лица, взгляд и даже молчание в качестве своеобразной коммуникативной реакции, дающей нам больше «объяснений», чем слова). Это означает по Цицерону: «Cum tacent, clamant» = «самый большой крик содержится в молчании».

Таким образом, можно сказать, что сознание человека включает два взаимообусловленных и взаимопересекающихся уровня организации языкового континуума – вербальный и невербальный. Именно понятие бессознательного (невербального) помогает лучше осмыслить природу сознания человека, оказывает помощь в проникновении в вербальный мир мышления, чтобы увидеть в нем модель целостной картины человеческого сознания.

В процессе межличностной речевой коммуникации происходит социальное взаимодействие, диалог, поскольку человек высказывает суждения и воспринимает слова, которые были озвучены другими людьми. Именно в диалоге как коммуникативном процессе происходит взаимодействие людей посредством выражения смысловых позиций.

Социокультурная коммуникация как социальное взаимодействие не может существовать сама по себе: без общества и вне культуры этого общества, поскольку сама социальная реальность определяется фактом коммуникации, где коммуникативные процессы, осуществляемые в контексте определенной культуры, выступают в качестве внутреннего механизма её реализации. Коммуникация – социально обусловленный процесс, ибо он осуществляется в конкретно-исторических формах, а общение представителей различных социальных групп всегда имеет свои специфические черты [87, с. 121-143]. В то же время из факта общения, связи, коммуникации формируется социальность.

Таким образом, именно социокультурная коммуникация оказывает помощь в формировании социальных связей, в управлении совместной жизнедеятельностью людей, в накоплении и передаче социального опыта, в понимании между людьми. Но вместе с тем, социокультурная коммуникация выступает в качестве самоорганизационной системы, что нашла свое отражение в синергетических подходах к изучению речевых практик.

2.3. Синергетические подходы к философско-антропологическому анализу речевых практик: проблемы социокультурной коммуникации и лингвосинергетики

В настоящее время концепция самоорганизации получает все большее распространение, как в естественнонаучном, так и в социально-гуманитарном знании, поскольку, изучая процессы эволюции различных систем, необходимо анализировать и механизмы их самоорганизации, вследствие чего «концепция самоорганизации становится парадигмой исследования обширного класса систем и совершающихся в них процессов и явлений» [65, с. 491]. Самоорганизация

представляет собой, прежде всего, необратимый процесс, или, иначе говоря, элементарный процесс эволюции, который состоит из неограниченной последовательности процессов самоорганизации, что приводит в результате кооперативного действия подсистем к образованию более сложных структур всей системы. Следует также отметить, что теория самоорганизации направлена на выработку системно-структурных характеристик постнеклассического того или иного образования на основе единства научно-теоретического, антропологического и социокультурного контекстов, что подчеркивает ее междисциплинарный характер. Тогда как анализ научного знания становится одновременно формой и способом познания человека, что открывает возможность для построения философской антропологии на основе духовной сущности и чувственного опыта (феноменологии) знания. В постнеклассической науке в качестве доминант выступают коммуникативные, синергические потенции взаимодействующих *аутопоэтических систем* и «*аутопоэтической реальности*», о которых писали У.Р. Матурана и Ф.Х. Варела в своей книге «Древо познания» [157]. Синергетический подход позволяет рассматривать человека в его динамике и самопреобразовании, что позволяет сохранять в нем постоянную способность свободного выбора и обновления перспектив развития. Человек и природа составляют «коммуникативную пару» (Е.И. Ярославцева). Эта система взаимодействия обогащает не только человека, но и природный континуум, поскольку межконтинуальная коммуникация имеет, как онтологический [253, с. 275-276], так и антропологический статус.

Можно сказать, что синергетика, согласно мнению многих ученых, выступает в качестве создателя новой парадигмы (И.В. Андрианов), поскольку, исследуя различные процессы самоорганизации, она обращается к человеку и его межличностным контактам с другими, что проявляются в интерактивных процессах сотрудничества, которые объединены общим темпом развития [123]. Так, современное комплексное антропологическое знание, рассматривая модель глобальной коммуникативной пары «Человек-Мир» (Е.И. Ярославцева), формирует «в междисциплинарном пространстве когерентный образ человека, вскрывающего

потенции мира» [273, с. 58], что реализуется посредством коммуникативного взаимодействия, через согласованность и определенную возможность функционирования внутри коммуникативной пары. Как справедливо отмечает Е.И. Ярославцева, «возникает особая область отношений, насыщенная личностными реальностями коммуникативная сеть встреч человека с внешним миром – его интерактивный топос» [273, с. 58], что в нашем случае нашло свое отражение в социокультурной коммуникации посредством речевых практик представителей различных культур и этносов, т.е. в межличностном дискурсе коммуникантов-инофонов.

Но не стоит забывать и о том, что, постнеклассический подход изменил мировоззрение человека, что связано с новым типом рациональности [229]. Рассматривая динамичность мира сквозь призму создаваемой новой антропологии и новой онтологии, человек начинает представлять себя в виде динамичного существа в соответствии со всеми критериями оценки внешнего мира. Он уже смотрит на себя с позиции осознаваемой реальности. А значит, с позиции готовности к развитию как сложной самоорганизующейся системы, что определяется не только общественными стратегиями, но и личностными возможностями человека, его стремлением к самопреобразованию. Такими личностями и выступают в данном случае коммуниканты-инофоны, обучающиеся в вузах Украины (Киев, Харьков, Днепропетровск, Одесса, Запорожье, Львов и т.д.). «Ведь для человека как социального существа и творчески развивающейся личности важно не только физическое, лингвокультурное и социальное пространство. Огромную роль играют и созданные им в процессе общения с другими уникальные семантико-прагматические поля (*речевые практики – Домнич С.П.*), в которых нашло отражение его креативное начало» [38, с. 217].

Следует также сказать о том, что согласованность внешнего и внутреннего мира зависит от самого человека, поскольку каждый человек может проводить эти согласования только лично, ибо только он (человек), как природное существо, имеет эту возможность. «Синергетический подход, синергичность как качество коммуникаций, становится новым параметром порядка, на который поднимается

человек в своем аутопоэтическом развитии и самовосприятии» [273, с. 60].

Современные ученые уделяют большое внимание аспектам теории и практики межкультурной коммуникации, принципам системного подхода к культуре и воздействию современной синергетической парадигмы научного знания на культуру и язык (Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И., Фурманова В.П. и др.). Особо следует отметить монографические работы по философской синергетике, созданные, как российскими, так и украинскими авторами, а также их совместные проекты. Среди множества работ выделим те, которые непосредственно связаны с нашей тематикой. Так, на наш взгляд, необходимо выделить работы И.С. Добронравовой [75], где основным средством методологического анализа и философского осмысления явился интертеоретический анализ развивающегося знания в виде комплексного рассмотрения системы теорий, включая научную картину мира и систему методологических принципов в философском и социокультурном контексте. Следует также обратить внимание на работу В.Г. Буданова «Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании» [29], в которой сделан исторический и философско-методологический анализ возникновения и развития современной синергетической методологии, проведено исследование ее роли в формировании постнеклассической картины мира, а также подробно рассмотрены принципы синергетики (генезис, становление, перспективы развития). Согласно В.Г. Буданову, в настоящее время следует достаточно времени уделять проблемам синергетического моделирования в гуманитарной сфере, его этапам и связи с прикладной философией, поскольку это поможет «понимать синергетические принципы построения моделей реальности», а для этого необходимо рассмотреть приложения синергетической методологии в образовании и педагогике, в естественнонаучном образовании гуманитариев [29].

Новые антропологические и философские подходы к культуре, философии и философии истории представлены в монографиях российских и украинских авторов. Так, в монографии «Синергетическая философия истории» [216] рассмотрены следствия при применении нового подхода «синергетического

историзма» в таких сферах философского знания как философия человека, философия религии и философия искусства. А в коллективной монографии российских и украинских авторов «Постнеклассические практики: опыт концептуализации» (В.Г. Буданов, И.С. Добронравова, В.И. Моисеев и др.) [193] представлен междисциплинарный характер проблематики, определена новизна и открытость постнеклассической методологии, в которой сочетаются опосредующая дополнительность фундаментального и прикладного аспектов в познании. Именно это и позволило сфокусировать научно-исследовательский интерес на рассмотрении многообразных форм ее практичности.

В сложной системе под названием *общество*, состоящей из множества элементов (индивидов), что обмениваются с внешней средой энергией, веществом, информацией, язык выступает в качестве одного из основных параметров порядка. Согласно мнению Г. Хакена, «язык порабощает человека, а индивидуум несет в себе язык, можно даже сказать, что сотрудничество людей делает дальнейшее существование языка возможным. Это – типичное поведение субъектов и параметров порядка в синергетике» [255, с. 18]. Так благодаря языку возникает круговая общественная связь (Г. Хакен), базирующаяся не только на лингвистических правилах, но и на общих эволюционных законах, которым подчиняется в своем развитии любая система, что еще раз подтверждает тезис о том, что язык – это саморазвивающаяся система.

Как уже отмечалось нами ранее, со второй половины XX века (с 70-х гг. XX в.) в философии наблюдаются существенные сдвиги мировоззренческого и методологического характера. Они отражаются в переоценке классической антропологии, гносеологии, в изменениях, произошедших в ментальной и духовной атмосфере общества. Все это обусловило новый, постнеклассический этап развития философско-антропологического знания, который направлен на рассмотрение самоорганизующихся сложных систем.

«Для объяснения процессов самоорганизации рассматриваются открытые системы, которые способны обмениваться с окружающей средой веществом, энергией или информацией» [65, с. 492], а в нашем случае такой

самоорганизующейся системой выступает социокультурная коммуникация. В качестве субъектов коммуникативного процесса выступают коммуниканты-инофоны, задающие тон антропоцентричности языка, а в качестве связующих элементов (механизмов) системы выступают речевые практики, что создают нелинейную и неравновесную термодинамику языковых процессов, отображающихся как в *синергетике языка*, так и в *синергетике общения* (в том числе и *обучения*, как взаимодействия обучающихся и обучаемых).

Именно механизмы самоорганизации и послужили отправной точкой в создании основных понятий и принципов междисциплинарного научного направления, получившего название «*синергетика*» (от греч. *synergeia* – совместное, кооперативное действие). «Междисциплинарный подход конструктивен в той мере, в какой он включает в себя принцип границы, различения и коммуникативного связывания различного. То есть в той мере, в какой он реализует совместно принципы деятельности и коммуникации. Совместно – значит синергетически» [13].

Название новому научному направлению дал немецкий ученый *Герман Хакен*. В книге «*Синергетика*», переведенной сегодня на многие языки, Г. Хакен писал так: «Я назвал новую дисциплину *синергетикой* не только потому, что в ней исследуется совместное действие многих элементов систем, но и потому, что для нахождения общих принципов, управляющих самоорганизацией, необходимо кооперирование многих различных дисциплин» [254]. Согласно Г. Хакену, при самоорганизации из хаоса спонтанно возникает порядок. В связи с этим можно сказать, что задачей синергетики является исследование механизмов появления новых состояний, структур и форм в процессе самоорганизации. «В развивающихся открытых системах, включая общающегося субъекта и общество в целом, всегда существует зависимость и настоящего, и будущего от прошлого. Поэтому сформировавшийся у коммуникантов аксиологический потенциал играет важную роль в межличностном общении. Кроме того, усвоенные культурные сценарии поведения выступают в качестве источника порядка (И. Пригожин)» [38, с. 69-70]. Эта наследственность системы (Г.Н. Дульнев) [97] имеет

непосредственную связь с памятью, поскольку существует как системный принцип организации природы, так и системный принцип исследования, без чего первый принцип исследования (языка) не может быть познан.

Следует также отметить, что в качестве опоры синергетика использует принцип положительной обратной связи, когда изменения, которые возникают в системе, не корректируются, а, накапливаясь, тем самым, разрушают старую систему, что приводит к возникновению новой системы. Вследствие чего её называют самоорганизующейся структурой, в результате чего *хаос* представляет собой созидательное начало, а *энтропия* (от греч. *en* – в, внутрь + *tropē* – поворот, превращение) выступает в качестве источника порядка.

Итак, синергетика включает в себя многие идеи системности, целостности мира и научного знания о нем; нелинейности, многовариантности, необратимости развития; самоорганизации как общего качества систем (физических, живых, социальных); взаимосвязи хаоса и порядка, необходимости и случайности; познания – диалога человека с природой. Как справедливо утверждает В. Буданов, «синергетический синтез возможен только на базе взаимодействия математики, предметного знания (в нашем случае, межкультурной коммуникации при изучении *РКИ/УКИ* (*русского/украинского языков как иностранных*) – Домнич С.П.) и философии», поскольку, исходя из принципов аутентичной синергетики, следует отметить, что «аутентичная синергетика рождается и развивается на пересечении, конструктивном синтезе трех начал, а именно: нелинейного моделирования, практической философии и предметного знания; пересечения особо эффективно проявляющегося в междисциплинарных взаимодействиях» [29]. Важно отметить, что «синергетика направлена на диалог, как способ своего концептуального бытия и становления, а потому она изначально философична» [12, с. 175]. Метафорическая же синергетика проясняет взаимодействие между различными дисциплинами и онтологиями в пространстве синергетической картины мира (В.И. Аршинов, Я.И. Свирский) или же объясняет концепции «образа мира» (А.Н. Леонтьев). На метафорической синергетике базируется развитие синергетики в гуманитарных науках, включающей когнитивные, педагогические,

психологические и коммуникативные приемы и технологии. Таким, по справедливому утверждению В.С. Стёпина, является «путь, на котором формируются сегодня новые ценности, мировоззренческие образы, составляющие предпосылки синтеза современной техногенной культуры и традиционалистской» [229].

Опираясь на сказанное, отметим, что междисциплинарные методы синергетики находят свое отражение в методологии лингвосинергетики и межличностного дискурса коммуникантов-инофонов, которая представлена как «ассоциативная, с метафорическими переносами, зачастую символьным мотивом, несущим колоссальный эвристический заряд» [28, с. 5].

В связи с этим, следуя синергетическим подходам в своем антропологическом аспекте, правомерно сосредоточить свое внимание на организации коммуникативных процессов (*речевые практики коммуникантов-инофонов в контексте социокультурной коммуникации и лингвосинергетики – Домнич С.П.*) и синергетических образовательных практиках (И.Р. Пригожин) [196, с. 11], которые разворачиваются в процессе обучения РКИ/УКИ (*русского/украинского языков как иностранных*) в украинских учебных заведениях и имеют представление о самоорганизации [95, с. 57-74].

В настоящее время социокультурная коммуникация в синергетической парадигме находится в состоянии открытости и готовности к диалогу «на правах непосредственного участника или непритязательного посредника, видящего свою задачу во всемирном обеспечении взаимопонимания между участниками диалога» [63, с. 6]. Как единицей описания в синергетике является сеть, которая состоит из клеток, нейронов, компьютеров (С.К. Гураль), так и в социокультурной коммуникации единицей описания есть сеть, в состав которой входят речевые практики коммуникантов-инофонов, представленные в самых разнообразных видах (вербальных, невербальных, информационных, мультимедийных и т.д.), поскольку моделирование межличностного дискурса – это своеобразный «диалог на высшем уровне ... диалог личностей» (М.М. Бахтин).

На наш взгляд, синергетическая модель социокультурной коммуникации

строится на основе трех принципов межличностного дискурса коммуникантов-инофонов, которые были представлены Т.Е. Владимировой [38, с. 72] в такой последовательности: 1) *антропологический принцип* изучения межличностного общения, который предполагает рассмотрение его через призму целостного единства материальной, рациональной и духовной сторон человеческой природы (на материале межличностного общения представителей разных лингвокультурных общностей: вьетнамцев, китайцев, арабов); 2) *холистический подход* ((*холизм* – англ. *holism*; гр. *holos* – целое) далее будет обозначен в нашей работе при описании моделей речевых практик социокультурной коммуникации – *Домнич С.П.*) к пониманию межличностного дискурса коммуникантов-инофонов как синергетической, саморазвивающейся и смыслогенерирующей открытой системы (т.е. *социокультурной коммуникации* – *Домнич С.П.*), в которой соединены такие целостные феномены, как личность, язык и этика речевого поведения (*речевые практики в форме обращений, приветствий, речевого этикета вьетнамцев, китайцев, арабов* – *Домнич С.П.*); 3) *тернарный принцип* (от лат. *ternarius* – «тройной») выражения цельности. Отметим, что истоками данных трех принципов послужили три космологических модели развития Вселенной, что наиболее распространена в естествознании, откуда и берет свое начало синергетика. Так, Первая модель, которую предложил А. Эйнштейн, указывает на то, что Вселенная стационарна, то есть не имеет пределов в пространстве и времени. Вторая модель, контрарная (*противоположная*) по отношению к первой, дает описание Вселенной в виде расширяющегося пространства. Третья, своеобразная интеграция первой и второй космологических моделей, детерминирует Вселенную в категориях сжатия и расширения.

Вышеуказанные космологические модели еще раз подтверждают *тернарный принцип*, который вытекает из природы философствующего мышления [112, с. 212-215]. Подтверждением этому может служить тот факт, что именно на тернарный принцип, базирующийся на развивающейся целостности, и обратил свое внимание родоначальник европейского дуализма Декарт. Ученый в своем труде «Начала философии» в виде символа живого триединства выбрал дерево, благодаря

которому он смог объяснить свое понимание смысла учености, когда сравнил корни с познаниями в области метафизики, ствол – в области физики, а ветви – со знаниями всех прочих наук. Это *дерево познания* – древнейший символ развивающейся целостности, которое можно сравнить посредством аллегии, представленной российским лингвистом Т.Е. Владимировой, с деревом мировым, деревом жизни, деревом плодородия, деревом восхождения, генеалогическим деревом и др. [38, с. 75].

Что же касается нашего исследования, то в качестве дерева познания будет выступать социокультурная коммуникация, представляющая триединство *язык – речь – дискурс*, что отражает как национально обусловленные особенности речевого поведения, так и диалогические отношения коммуникантов-инофонов. Социокультурная коммуникация – это самоорганизующаяся коммуникативная система, которая, развиваясь сама, развивает и общество в целом. Это некий живой организм, включающий не только семиотические параметры, открывающие понимание природы языка, но и онтологические, коммуникативные, социокультурные, для объяснения которого мы снова возвращаемся к понятию «модель».

Так, описывая общую теорию языковых моделей и систематизируя различные понимания термина «модель», крупнейший русский философ и ученый А.Ф. Лосев разграничивал понятия математической модели и языковой модели. Ибо, если первая выступает в виде одноплановой, незначимой и некоммуникативной, то вторая может быть представлена «бесконечно разнообразными носителями бесконечно разнообразных коммуникативных актов человеческого мышления и сознания», поскольку мыслительные образы являются тоже моделями. Ученый считал, что «если мы говорим о теоретико-множественной модели языка, то эта модель всегда будет для нас моделью человеческого общения, моделью коммуникативной» [142, с. 32-33]. Принимая во внимание тезис А.Ф. Лосева «о языке как о системе, как о цельности, как о единораздельной системе и цельности» [142, с. 25], можно сказать, что социокультурная коммуникация, представляющая в основе своей «единораздельную цельность»

(А.Ф. Лосев) (или *целостность – Домнич С.П.*), выступает в роли модели межличностного дискурса коммуникантов-инофонов.

Исходя из сказанного, остановимся на различении *целого* и *элемента* в системе. Следует обратить внимание на то, что элемент (*речевые практики в форме обращений, приветствий, речевого этикета вьетнамцев, китайцев, арабов – Домнич С.П.*) может выступать, с одной стороны, как часть целого (социокультурная коммуникация), а с другой – как некая цельность (т.к. *совокупность речевых практик образует дискурс – Домнич С.П.*). А, следуя тому, что моделирование имеет отношение к упорядочиванию определенных частей, то возникает «понятие множества» [38, с. 72]. О нем А.Ф. Лосев писал как о «едино-раздельной целости, в которой точно фиксируется как она сама, в своей самостоятельности и неделимости, так и все её элементы, наглядно демонстрирующие эту целость в её конкретном явлении» [142, с. 21]. Так, возникает «кортеж» (А.Ф. Лосев), определяемый нами в виде социокультурной коммуникации, как «главный» и единый. Обозначенный «кортеж» и представляет собой целостность, состоящую из элементов в виде «почетного эскорта» (*Домнич С.П.*) речевых практик. А это дает основание говорить о том, что «системно-целостный принцип, выражающейся в представлении языковых фактов в их отчетливой и раздельной цельности и в подведении всех элементов и частей под «точно усматриваемую цельность», становится ведущим в процессе конструирования модели» [38, с. 73].

Акцентируя внимание на речевых практиках, подробный анализ которых представлен в третьем разделе нашей работы, следует отметить, что коммуниканты-инофоны, общаясь «лицом к лицу», опираются не только на приобретенный опыт общения в новой стране, а, прежде всего, на уже ранее сформированное «этническое поле поведения и активности». В результате чего, можно сказать, что социокультурная коммуникация, представленная нами в виде межличностного дискурса коммуникантов-инофонов, является одной из возможных реализаций эмоционального, интеллектуального и духовного потенциалов, что были приобретены в процессе тех лингвокультурных традиций,

где были сформированы коммуниканты. В связи с этим важно отметить, что синергетическое моделирование социокультурной коммуникации – это такой исторический этап развития философской антропологии, философской гносеологии, философии культуры и языка, который предстает в целостном взаимодействии её элементов – речевых практик. Именно речевые практики открывают нам «мир слов», «мир личности» и «жизненный мир» коммуникантов-инофонов, а значит, они являются *социальными практиками человека* («символическими практиками как значимыми социальными мирами» – Резник Ю.).

Так, Ю. Резник, детально рассматривая социальные практики человека в статье «Человек и его социальные практики», пишет, что «главная проблема, которая стоит перед исследователем социальных практик, заключается в следующем: как человек, живя в обществе и изменяя его, остается «самим собой», а не растворяется в нем, продолжая сохранять свою социокультурную целостность (идентичность)?» [202, с. 84-103]. Ученый останавливается на определении *социальной практики*, указывая на то, что это один из видов «практики» человека, «в ходе которой конкретно-исторический субъект, используя общественные институты, организации и учреждения, воздействуя на систему общественных отношений, изменяет общество и развивается сам» [223]. Однако, данное определение, согласно Ю. Резнику, подчеркивает только социально-исторический тип субъекта, не уделяя должного внимания индивиду, который творит свою собственную жизнь относительно независимо от исторических реалий и институтов, с чем мы тоже полностью согласны. Поэтому, в качестве антонимичного первому определению, ученый приводит тезис, высказанный известным французским современным социологом и философом П. Бурдьё, относительно практики: «Практика – это все то, что социальный агент делает сам и с чем он встречается в социальном мире ... Следовательно, можно сказать, что практика является изменением социального мира, производимым агентом» [269, с. 548-562]. Следует отметить, что представленное выше определение практики П. Бурдьё в полной мере отражает и понятие *речевой практики*. Это связано с тем, что, коммуниканты-инофоны, встречаясь с новым языком, с новой культурой,

расширяют тем самым свой собственный кругозор и свой социальный мир, и вовлекаются в новую языковую среду, благодаря воспроизводству своих собственных речевых практик на изучаемом языке, ибо «соприкосновение с другим оживляет содержание» [272, с. 75].

Отметим, огромное значение в данном понимании практики приобретает понятие *габитуса* (от лат. *habitus* – внешность, наружность; внешний облик человека, животного, растения, кристалла), введенное П. Бурдьё [30; 225]. Оно распространяется как для подчеркивания устойчивости существующих социальных систем, так и для возможности существования в них принципа импровизации (в нашем случае это проявляется в создании речевых практик коммуникантами-инофонами на изучаемом языке).

Можно сказать, что габитус выступает в виде системы диспозиций (от лат. *disposition* – распределение) [цит. по [202, с. 85]], что порождает и структурирует практику человека и его представления. Он позволяет человеку спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать адекватно на события и ситуации. Все это связано, прежде всего, с воспитанием и образованием индивида в процессе его социализации, с усвоением им принципов поведения в определенных жизненных ситуациях. Индивид, участвуя в различных социальных группах, под влиянием взглядов этих групп вырабатывает свой способ поведения и мышления, поскольку «быть человеком – значит обладать рефлексивным сознанием. Узнавая, как мы познаем, мы творим себя» [63, с. 25]. Так формируется габитус, представляющий интернализированный индивидом социальный опыт. Но вместе с тем, благодаря габитусу человек формирует общество. Интернализация такого жизненного опыта, зачастую оставаясь неосознаваемой, приводит к формированию и склонности человека реагировать, говорить, ощущать, думать определенным способом. Попадая в определенную ситуацию, человек воссоздает опыт и действует активно, исходя из своего габитуса.

Ю. Резник делает такой вывод относительно понятия *габитус*: «Габитус – это способность свободно производить практики, но в то же самое время она образует жесткий каркас, ограничивающий эту производительную способность

определенными правилами и процедурами ... Структуры (*правила и нормы – Домнич С.П.*) являются как объективированным продуктом социальных практик, так и медиумом, организующим повседневную жизнь людей» [202, с. 84-103].

Социальная система представляет собой воспроизводящую социальную практику, которая включает в себя отрегулированные отношения взаимозависимости между индивидами и группами, а значит, организованное социальное взаимодействие, поскольку существует определенная взаимосвязь как между обществом и принятыми в нем ценностными представлениями, так и между ценностями и придерживающимся их субъектом.

Отметим, что коммуниканты-инофоны, приезжая в новую страну, сначала всегда опираются на индивидуальный, приобретенный ранее, имеющийся у них прошлый опыт общения, который был сформирован внутри объективно заданного социокультурного коммуникативного пространства, где отражен исторический опыт их сообществ и поколений, а затем в процессе социализации к новым условиям пребывания в чужой стране у коммуникантов-инофонов происходит изменение призм мировидения, что и является отправной точкой в создании новых речевых ситуаций и соответствующих им речевых практик, ибо «новые явления общественной и культурной жизни формируют новый социальный опыт, отражающий приоритетные на данный момент ценностные ориентации людей, объединенных на новой культурной, этнической, национальной, цивилизационной основе» [131, с. 177-178]. Именно с этим и связано понимание социальных практик через категорию габитуса, который, согласно П. Бурдьё, представляет собой «систему устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие практики и представления. ... Габитус как искусство изобретения есть то, что позволяет производить бесконечно большое число практик» [31, с. 102-108].

Формирование социальных практик, в том числе и речевых, происходит в ходе совместной деятельности людей, что изменяет их качества социальной жизни, исходя из их установок и интенций. «Почти всякое человеческое действие есть не

только техническая операция по отношению к вещи, но и поступок по отношению к другому человеку, выражающий свое отношение к нему. Поэтому другой человек со своими действиями входит в онтологию человеческого бытия, составляет необходимый компонент человеческого бытия» [206, с. 362], так как синергетическая ситуация – это эволюционная игра, в которой ничего не предопределено, кроме правил самой игры [63, с. 8]. В одну из таких «игр» и попадают коммуниканты-инофоны, приезжая на обучение в Украину, а организатором такой игры в настоящее время являются синергетические образовательные практики, которые разворачиваются в украинских учебных заведениях, поскольку «образование, прежде всего, втягивает человека в некую систему языковых игр и вырабатывает то, что называется у Витгенштейна техникой, а в современной социологии – габитусом» (Г.Б. Гутнер) [215, с. 66].

Отметим, что в г. Киеве при поддержке гранта в рамках украинско-российского проекта «Постнеклассическая методология: становление, развитие, принципы, перспективы» (Постановление Президиума НАН Украины № 67 от 06.04.2005 г. Проект № 14) был проведен круглый стол в редакции журнала «Філософія освіти» [215, с. 54-92]. В рамках круглого стола обсуждались проблемы самоорганизации человека, а также различные модели образования: классическая «древовидная» (Ф. Гваттари, Ж. Делёз) и «ризоматическая», имеющая направление синергетической модели образования. Опираясь на мнения, как украинских (Л.Д. Бевзенко, Л.С. Горбунова, И.С. Добронравова, И.В. Ершова-Бабенко, В.В. Кизима, Н.В. Кочубей, В.С. Лутай), так и российских (О.Н. Астафьева, В.Г. Буданов, Г.Б. Гутнер, Л.П. Киященко, В.И. Моисеев, Я.И. Свирский) ученых, принимавших участие в заседании круглого стола, следует сказать о том, что в направлении формирования «ризоматической» модели *(поскольку ризоматическая модель культуры выражает бесконечное множество форм ее бытия и имеет креативный потенциал самоорганизации. Она рассматривается как модель мира и человека, что находится в постоянной динамике)* был предложен проект трех модусов образовательной синергетики: «синергетики для образования», «синергетики в образовании» и «синергетики

образования», которые, с точки зрения философов, «погружают» синергетический метод в антропологическую проблематику, испытав его, таким образом, на «человечность» (Л.С. Горбунова). По справедливому утверждению Л.С. Горбуновой, «... у «антропного» принципа синергетики имеется большой воспитательный и образовательный потенциал» [215, с. 56]. Именно этот потенциал и направлен, по мысли Президента Украинского Синергетического общества И.С. Добронравовой, с одной стороны, на «понимание образования как образования человека, т.е. как его становление. Поскольку становление нового целого – это и есть самоорганизация, являющаяся предметом синергетики, мы можем попытаться использовать синергетическую методологию как основу образовательных стратегий» [215, с. 56], и с другой стороны – «создание условий для самоорганизации ученика как субъекта образования, которое теперь понимается как самообразование», «выработка на основе синергетических знаний конкретных приемов, превращающих организованный извне учебный процесс в процесс самоорганизации» [215, с. 56-57]. Актуальность проблем образования в настоящее время «возрастает во сто крат в связи со сложным социокультурным контекстом, поисками инновационных решений и новых образовательных моделей», поскольку «образование в современном мире – это один из главных ресурсов устойчивого развития, а для каждого человека – это еще и источник социальной и профессиональной состоятельности, условие для творческой самореализации» (О.Н. Астафьева) [215, с. 57].

Используя синергетический подход к образованию коммуникантов-инофонов, следует сказать о том, что роль преподавателя сводится не столько к распространению знаний и оценке правильности суждений, сколько к организации речевой практики, а также к наблюдению за ходом рассуждений и переключении процесса обучения с одного уровня на другой, поэтому «понимание становится более глубоким, разносторонним, стимулы к обучению в большей степени создает энергетика группы ... Пытаться раскрепостить творческие способности человека (*коммуникантов-инофонов – Домнич С.П.*), синергетический подход к образованию стремится не искоренить хаос, а отыскать то его соотношение между порядком и

беспорядком, которое было бы плодотворным» [63, с. 11].

Следует отметить, что речевая практика на уроках по РКИ/УКИ (русскому/украинскому языкам как иностранным) включает в себя не только *субъекты речевой деятельности* (преподаватель; коммуниканты-инофоны), но и *речевой материал*, и *речевые ситуации*.

Говоря о *субъектах речевой деятельности*, а именно, о преподавателе и студентах группы, важно заметить, что синергетический подход проявляется как для каждого из субъектов, имея свои особенные отличительные черты, так и одновременно для субъектов речевой деятельности в целом, поскольку «синергия – соработничество, согласная сообразованность всех человеческих энергий с энергией Инобытия, иного бытийного горизонта, в который совершается трансцендирование человека» [260, с. 14-15].

Так, для преподавателя группы необходимо формулировать свое сообщение и организовывать языковой материал, развивая в себе умения вербального и невербального общения со студентами; «быть естественным, доброжелательным, выразительным как в собственной речи, так и в жестах и мимике; уметь слушать, держать в поле зрения всю группу, чутко реагировать на выступления студентов; быть эрудированным для того, чтобы поддерживать беседу, которая может возникнуть стихийно» [263, с. 45-46].

Поскольку язык – это самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, то, чтобы обучение языку было более успешным, следует «опираться на знание закономерностей развития языка, уметь моделировать коммуникативные процессы в ходе освоения иностранных языков» [63, с. 17-18]. Преподавателю также целесообразно сделать *речевой материал* ценным в коммуникативном отношении, т.е. это должен быть материал, который коммуникант-инофон сможет использовать в реальной коммуникации. А для этого следует обращать особое внимание на индивидуальность учащегося («открытие «Я» – И.С. Кон), а также на конкретные сферы общения (учебно-профессиональная, деловая, повседневная); виды речевой деятельности, которыми занимаются иностранные учащиеся (чтение/слушание; говорение/письмо); возрастные характеристики обучаемых и их интересы. На

занятиях по языку для иностранных студентов преподаватель должен уметь создать такие условия, когда студенты привлекаются к процессу практического использования языка, т.е. к процессу общения на языке (Е.И. Пассов) [185]. Создание и разработка условно-речевых ситуаций преподавателем, включая визуальные опоры, специально подобранные или созданные с помощью Интернет-технологий картинки и репродукции, видеофильмы, фотографии, схемы, таблицы и мн. др., обеспечит репродуктивность при осуществлении речевого обмена коммуникантами-инофонами, позволит снять у них психологический барьер, отражающийся в виде боязни речи на изучаемом ими языке, обеспечит перенос навыков в разные сферы общения, поскольку «именно в обучении через Интернет проступают черты синергетической модели образования» (Я.И. Свирский) [215, с. 64]. Эта модель может применяться и в дистанционном обучении коммуникантов-инофонов, которое во многом стало возможным только благодаря новым технологиям образования (сеть Интернет; мультимедиа; интерактивные доски и мн. др.) и созданию на основе этих технологий инновационных подходов, где информация представляется в виде графического образа, открывая новый мир структур.

Так возникает *фрактал* (от лат. *fractio* – разламывание) в виде новой познавательной модели, базирующейся на современной синергетической методике. В качестве опоры данная модель использует естественные для человека способы восприятия мира, что основаны на способностях вслушивания и всматривания. Именно благодаря всматриванию происходит фрактальное углубление в предмет через расслоение, создание нового пространства, топоса, нахождение нового соотношения. Здесь проявляются интерактивные способности человека, позволяющие разработать новые динамичные познавательные технологии, обеспечивающие человеку максимальную практическую эффективность [272, с. 32].

По мнению В.Г. Буданова, «Синергетика образования» – это синергетика, которую можно будет применить, как к самому процессу образования, так и к становлению личности и знания, а задача преподавателя в этом отношении –

«создавать свою, только ему присущую методику и стиль, оставаясь на позициях науки о человеке» [215, с. 68].

Важно сказать и о том, что преподаватель, работающий в иноязычной аудитории, должен владеть средствами, как монолога, так и диалога, используя те или иные средства в зависимости от того, что нужно передать в той или иной ситуации. Именно понимание этой двусторонности его позиции поможет, с одной стороны, увидеть, кто является одновременно его учениками и друзьями, и с другой стороны, кому он должен передавать свои знания, с кем он должен делиться своими убеждениями [106].

Что же касается относительно студентов, то следует сказать о том, что они могут брать активное участие в речевой практике, имея следующие характеристики: владеть языком в рамках изученного лексико-грамматического материала, уметь прогнозировать высказывания студентов группы; составлять свое высказывание адекватно ожидаемой теме, вести дискуссию, аргументировать свои вопросы и ответы в логической последовательности, как на учебном занятии, так и при выполнении лабораторных и домашних заданий (работа в чате, общение по скайпу, по электронной почте и т.д.).

Следует также отметить, что в ходе процесса обучения РКИ/УКИ и преподавателю, и студентам нужно постоянно развивать в себе речевую активность, т.е. готовность к речевым действиям. А это возможно только при условии, если отношения в аудитории выстраиваются не на уровне отчужденного знания, а на уровне габитусов (т.к. изменение габитусов не только результат усвоения информации, но и пребывание в определенной социальной структуре – Л.Д. Бевзенко), поскольку участников процесса может объединить активная коммуникативная социальная среда, имеющая игровое начало, что обусловит социальный фон, социальную составляющую процесса образования (Л.Д. Бевзенко) [215, с. 73]. Тогда процесс общения будет иметь положительный результат, ибо «суть образования, как составляющей социокультурной динамики – в воздействии на габитус всех участников этого процесса – как преподавателей, так и студентов» [215, с. 72].

Поскольку иностранные студенты постоянно находятся в языковом окружении (город, транспорт, общежитие, университет, факультет, группа, Интернет-кафе, рынок, супермаркеты, Интернет (эл. почта, скайп, общение в чате и мн. др.), то возникает социальный контакт, который чаще всего сопровождается реальной речевой ситуацией, а она, в свою очередь, представляет собой обязательный компонент речевой практики. *Речевая ситуация* – это «такая динамическая система взаимоотношений общающихся, которая основываясь на отражении объектов и событий внешнего мира, порождает потребность к целенаправленной деятельности при решении речемыслительной задачи и питает эту деятельность» [263, с. 46]. Так возникает синергетика личности, коммуникации, средовых феноменов, что формируют социально адаптивную, целостную личность учащегося, т.е. коммуниканта-инофона (В.Г. Буданов).

С точки зрения синергетической парадигмы «в своем антропологическом аспекте ... для человека ... достичь контакта и встречи своих энергий с энергиями иного образа бытия – что ... значит *сделать себя открытым* для энергий Инобытия, или же *разомкнуть себя* навстречу им, навстречу иному бытийному горизонту в его энергиях. ... в своём антропологическом содержании парадигма синергии представляет собой *онтологическое размыкание человека ...*», а также «синергия – решающая предпосылка, быть может, даже «достаточное условие» достижения телоса практики. Телос же концентрирует в себе смысловое содержание всего пути практики, всех выстраиваемых ею энергийных конфигураций ...», поэтому «в синергии, в разомкнутости для энергий Инобытия человек конституируется, формируются его личность и идентичность. Иными словами – ... *размыкание есть парадигма конституции человека*» [260, с. 3-32].

По мнению Ф. Капры [110], быть человеком – значит существовать в языке, о чем также говорили У. Матурана и Ф. Варела, развивая эволюционно-синергетический подход к языку, базирующийся на биологических корнях языка и мышления.

Следует сказать о том, что человеческий мир базируется на внутреннем самосознании, абстрактных мыслях, понятиях, символах, ментальных

воспроизведениях. В ходе коммуникации внутренний мир понятий и идей, эмоции и телесные движения коммуникантов-инофонов находятся в тесной взаимосвязи, что создает сложный калейдоскоп поведенческой координации, ибо «познание мира опять замыкается на адекватный уровень самопознания. ... Мир включал, включает и будет ... включать в себя человека» [272, с. 72]. При этом последовательность речевых практик находится в синхронном воспроизведении как с мельчайшими телесными движениями говорящего, так и с соответствующими движениями слушателя. Так создается синхронизированная последовательность ритмических движений, а эти взаимообусловленные действия, в свою очередь, направлены на поддержание лингвистической координации, которая длится на протяжении всего процесса общения, что осуществляется в рамках межличностного дискурса коммуникантов-инофонов. «Это феномен лазерного (когерентного) [13, с. 161] – голограммного восприятия, где любая точка – есть инвариантное повторение целого. Она, подобно *фракталу*, в своем функциональном существовании развёртывается точно также как и любое большее или меньшее проявление целостности. Обновление здесь происходит не через дополнение частей, а через полное воспроизводство и синхронизацию системы» [272, с. 72].

Язык выступает, как в роли координатора нашего поведения, так и имеет статус творца этого мира. В этом отношении особое место занимает коммуникативная среда, поскольку тот мир, который видит каждый из нас, не есть определенный мир, но некий мир, который мы созидаем вместе с другими людьми (У. Матурана и Ф. Варела). Согласно Э. Гуссерлю, так возникает подлинное *сообщество монад*, которые могут общаться друг с другом при помощи слов и различных других средств, могут сообщать друг другу, что происходит в их трансцендентальных мирах. Результатом их взаимной коммуникации возникает *интерсубъективный мир*. Это мир объектов, общих для всех входящих в сообщество монад, мир тех объектов, о которых они могут что-то сказать друг другу. Под сообществом монад по Э. Гуссерлю понимается наше человеческое сообщество, а под интерсубъективным миром – окружающий нас мир, включая

сюда и природу, и социум [68]. В языке, как в саморазвивающейся системе, происходит постоянное её обогащение речевыми практиками, которые возникают благодаря взаимоотношениям, коммуникации, обращению к естественной окружающей среде, что придает ей смыслообразующий характер.

Развитие коммуникативной модели языка, как отмечают многие ученые, создается благодаря системному подходу, поскольку неповторимость и уникальность человеческого бытия, как справедливо отмечает Ф. Капра в своей книге «Паутина жизни» [110], проявляется в том, что наши лингвистические различия не изолированы, но существуют в сети структурных сопряжений, которую мы непрерывно сплетаем через оязычивание. В настоящее время, когда общество стало открытым, и возникла система Интернет, постоянно происходит сопряжение языков, их взаимопроникновение и обогащение, появляется новая система мышления.

Этот синергетический подход к языку открывает перспективы для исследования речевых практик, поскольку выступает в виде процесса, имеющего нелинейный характер.

Следуя «мировоззрению» синергетики, отметим, что коммуникативная среда выступает в роли не внешнего фактора, а участника коммуникативного процесса, поскольку смыслообразование организуется диалектикой речевых практик и контекста, новации и традиции, семантическими единицами, принадлежностью говорящего к той или иной группе, что отражается в общении и имеет определенную стилистическую маркированность. Иными словами можно сказать, что социокультурная коммуникация – это сложная система коммуникаций, где происходит саморазвитие языка, что сопровождается как диссипацией (*рассеивание*) речевых практик (т.е. элементов системы), так и рождением новых. Следует также отметить, что речевые практики, как и сама социокультурная коммуникация в целом, представляют собой «структуры, состоящие из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» [294], что еще раз дает основание говорить о её многомерности, представленной в виде речевой цепи, что уходит корнями в глубокое прошлое и имеет связь с настоящим и будущим, отображая,

тем самым, непрерывную «ленту жизни», что существует в «доме бытия», поскольку «коммуникативность синергетики обусловлена обращенностью синергетики к познанию динамической целостности» [63, с. 52].

Синергетическое видение мира в контексте речевых практик представляет собой самоактивность бытия, включая единство всех происходящих процессов: социальных, мыслительных, этических. А они, в свою очередь, сосредоточены в ядре социокультурной коммуникации, что обеспечивает возможность осуществлять межличностный дискурс коммуникантов-инофонов сквозь призму синергетического видения.

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, правомерным является рассмотрение межкультурной коммуникации как социокультурного феномена в контексте философско-антропологического измерения.

2.4. Межкультурная коммуникация как социокультурный феномен: философско-антропологическое измерение

Межкультурная коммуникация в социокультурном пространстве цивилизации, т.е. в глобализирующемся поликультурном и полиэтничном мире, проявляется в унификации стиля жизни представителей разных социокультурных сообществ, исчезновении локального своеобразия и поляризации неравенства населения, что порождает сложный комплекс различных типов взаимодействий. В связи с этим осмысление проблем межкультурной коммуникации представителей разных культур и социумов является актуальным и злободневным.

Для того чтобы в процессе межкультурной коммуникации происходило осознание коммуникантами-инофонами социальных норм иной («чужой») культуры и не было коммуникативного разрыва на уровне языковой, практической и культурной форм, необходимо создавать условия для их успешной социализации и аккультурации, которые бы способствовали развитию современной, толерантной к сотрудничеству и созиданию мультикультурной личности, а этому нужно учиться. Именно это и должно сегодня стать основой в обучении представителей разных культур, прибывающих на учебу в Украину, поскольку «иноязычная

культура является частью общей культуры, которой учащийся может овладеть в процессе коммуникативного иноязычного образования в познавательном (культурологическом), развивающем (психологическом), воспитательном (педагогическом) и учебном (социальном) аспектах» [114, с. 143-145].

В качестве разновидности социокультурной коммуникации выступает *межкультурная коммуникация (МКК)*, которая вызывает множество споров и дискуссий в научном мире. Данное понятие появилось на свет в результате компромисса. В качестве синонимов к нему являются такие понятия как «кросс-культурная, межэтническая коммуникация», а также понятие «межкультурной интеракции».

Межкультурная коммуникация – это коммуникация, осуществляемая между представителями различных культур или сообществ с целью обмена информацией. Как справедливо утверждает Ф.И. Шарков, «её можно рассматривать как специфический процесс взаимодействия разных вариантов культуры через вербальное и невербальное общение своих и чужих носителей культуры и языка» [265, с. 560]. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, межкультурная коммуникация представляет собой, прежде всего, общение людей, представляющих разные культуры [232, с. 14]. В книге Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура» термин «межкультурная коммуникация» обозначает адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [34, с. 26]. Согласно М.А. Василику, понятие «межкультурная коммуникация» производное от понятий «культура» и «коммуникация» [180, с. 578]. Б.Р. Могилевич определяет межкультурную коммуникацию как «процесс социокультурного взаимодействия представителей разных культур, осуществляемый посредством установления различного рода социальных связей при сопряжении социальных действий коммуникантов» [164, с. 7-11]. Межкультурная коммуникация, по мнению ученых: Т.Г. Грушевицкой, В.Д. Попкова, А.П. Садохина, «имеет место не между культурами, а между индивидами, которые в той или иной степени являются носителями различных культурных ценностей. Иными словами, межкультурная коммуникация

проявляется в форме межличностной коммуникации. Межличностная коммуникация понимается как процесс одновременного взаимодействия коммуникантов и их воздействия друг на друга» [60, с. 48].

Таким образом, из вышеприведенных определений видно, что межкультурная коммуникация имеет так называемый общечеловеческий характер, что важно с позиций философско-антропологического подхода, поскольку индивидуальные аксиологические представления, которые определяют речевое взаимодействие, обусловлены «силовым полем культуры» (В.С. Библер), где происходило становление и формирование субъекта как личности, поскольку «человек и культура возникают как взаимосвязанные части единой системы» [188, с. 54]. Подтверждением этому является также тезис современного антрополога Б.В. Маркова о том, что «философское исследование человека ... должно углубиться в основные формы человеческого бытия, которые заданы языком, социумом, культурой. Человек является и творцом и творением культуры. Онтология культуры выступает своеобразным базисом философской антропологии и поэтому, прежде всего, подлежит изучению» [154, с. 10].

Очевидно, что понятие «культура» является центральным в межкультурной коммуникации.

Поскольку мы определяем межкультурную коммуникацию в рамках социокультурной коммуникации, то в такой ситуации правомерно, на наш взгляд, сказать о том, что, сущность социального чаще всего носит *субъектный характер культуры*, «что более или менее явно присутствует во многих текстах» [188, с. 54]. С точки зрения же культурологического подхода следует обратить внимание как на концепцию семиосферы М.Ю. Лотмана, так и на ряд его статей, где культура выступает «как коллективный интеллект и проблема искусственного разума», «культура как субъект и сама-себе объект» и т.д. В связи с этим «можно сказать, что субъектность культуры раскрывается через широкий дискурсивный круг – от цивилизационных исследований до современной социологии и политологии, в том числе и самой что ни на есть прикладной» [188, с. 54].

Таким образом, мы разделяем точку зрения А.А. Пелипенко в том, что «субъектность культуры проявляется через объективность и императивность социальных отношений», поскольку субъектные свойства культуры, проявляющиеся в самоорганизации, саморефлексии и целеполагании, формируют человека как социальное существо. Поэтому «человек из элемента системы сам превращается в систему, обладающую небывалой до того мерой автономности», о чем свидетельствует «характер межсубъектных взаимоотношений между человеком и культурой» [188, с. 69], который приобретает характер *диалога*. Происходит, как ассимиляция человеческой ментальности, так и ассимиляция человеком самой культуры, представленной через призму её социально-исторического опыта.

Итак, культура – это сложный феномен, включающий как материальные и социальные явления, так и различные формы индивидуального поведения и организованной деятельности.

В рамках культурной антропологии изучается развитие культуры во всех её проявлениях: образ жизни, восприятие мира, менталитет, национальный характер, повседневное поведение и т.д. [85, с. 259-267]. Базируясь на этом, культурная антропология изучает также человеческую способность развивать культуру через *общение*, через *коммуникацию*, исследует все разнообразие человеческих культур, их взаимодействие, контакты, поскольку «осуществление межкультурной коммуникации, несомненно, приносит обогащение национальных культур» [171, с. 5-18].

Таким образом, взаимодействие культур имеет важное жизненное значение для существования и развития культуры любого народа. «Процесс, в котором разнообразные векторы социокультурного взаимодействия (интеграция – дифференциация; универсализация – партикуляризация; конфликты – сотрудничество) не исключают, а взаимно обуславливают друг друга, можно назвать диалектическим процессом межкультурной коммуникации» [265, с. 212].

Отметим, что межкультурная коммуникация, прежде всего, соприкасается с национально специфическими нормами и правилами *речевого поведения* субъектов

культуры, со сценариями их «строительства отношений» и иерархичностью ролей, которые отражены культурной традицией, вследствие чего воспринимаются как естественные и ожидаемые. Поэтому осмысление межкультурной коммуникации с помощью субъектов культуры предполагает, как обращение к истокам языка и культуры общения со «своими» и «чужими», так и к поиску универсалий, которые могли бы служить начальной опорой в их взаимодействии.

Изучение межкультурной коммуникации может осуществляться с разных подходов: *инструменталистского*, базирующегося на достижении конкретного практического результата (в целях адаптации мигрантов к новой культурной среде; для создания методики обучения межкультурному общению в конкретном контексте: например, РКИ или УКИ (русский/украинский как иностранные)), и *содержательно-смыслового*, касающегося перспектив развития человеческой личности как посредника между культурами (для рассмотрения изменений, которые происходят в культуре и личности в процессе встречи с «иным»). В основе такого видения проблемы лежит идея необходимости сохранения самобытности и одновременно *взаимодействия культур*. Необходимо также сделать акцент на том, что используя данные подходы, рассмотрение межкультурной коммуникации предусматривает непрерывное совершенствование качества общения, формирует позитивное отношение к различиям для достижения увеличения взаимопонимания между культурами в разных сферах и на разных уровнях.

В начале XXI века происходит процесс интеграции знаний в области изучения межкультурной коммуникации, «выявляются межкультурные различия, уточняется специфика культур как предпосылка взаимопонимания и взаимодействия, определяется механизм межкультурного общения и факторы, способствующие успешной адаптации субъектов межкультурной коммуникации» [171, с. 5-18].

Мы, в свою очередь, также акцентируем внимание на том, что для успешного процесса взаимодействия с представителями других культур – участниками любого вида межкультурных контактов необходимо определить основные причины неудач, возникающих при непосредственном контакте с представителями других культур.

Очевидно, что отличия в языках, национальной кухне, одежде, нормах общественного поведения, отношении к выполняемой работе являются только лишь частью проблем межкультурного взаимодействия, а основные проблемы, конечно же, состоят в том, что «мы воспринимаем другие культуры через призму своей культуры, поэтому наши наблюдения и заключения ограничены её рамками. С большим трудом мы понимаем значения слов, поступков, действий, которые не характерны для нас самих. Наш этноцентризм не только мешает межкультурной коммуникации, но его еще и трудно распознать, так как это бессознательный процесс. ... эффективная межкультурная коммуникация не может возникнуть сама по себе, ей необходимо целенаправленно учиться» [60, с. 6], поскольку только на основе уважения и терпимости к нормам, ценностям и типам поведения других культур можно понять культуру каждого народа изнутри, осознать смысл её функционирования, исходя из представлений об идеальном и желаемом, которое находится в ней.

В первом разделе нашей работы, рассматривая развитие коммуникации в XX веке, мы говорили о том, что становление межкультурной коммуникации связано с именем американского антрополога и лингвиста *Эдварда Холла*, которого по праву многие считают основоположником межкультурной коммуникации. В книге Д. Трагера и Э. Холла «*Culture as Communication*» / «Культура как коммуникация» (1954) [299] был впервые предложен для использования в научном мире термин «межкультурная коммуникация» для отражения особой области человеческих взаимоотношений. Позднее в работе «*The Silent Language*» / «Немой язык» (1959) [289] Э. Холл, рассматривая взаимосвязь культуры и коммуникации, пришёл к выводу о том, что необходимо обучать культуре, поскольку, если она (культура) может изучаться, то она может и, соответственно, преподаваться. Это послужило основой для становления и развития межкультурной коммуникации уже не только научной, но и учебной дисциплины: с 1960 года – преподается в США, в 1970 году – обоснованы теоретические и практические аспекты межкультурного общения для классического университетского курса в странах Европы, с 80-х годов XX века – преподавание межкультурной коммуникации в западноевропейских

университетах Мюнхена, Йены по своим учебным программам, основу которых составили материалы по фольклористике, этнологии и лингвистике [85]. Проблемы межкультурной коммуникации занимались Р. Бенедикт [276], Д. Горер, Дж. Кондон и Й. Фати [278], М. Мид, Р. Портер [295], Л. Самовар и др.

В настоящее время в рамках изучения межкультурной коммуникации получил распространение термин «Глобальная деревня» («всемирная глобальная деревня»: сегодня – это Интернет и Всемирная паутина), который ввел М. Маклюэн, а о его работах мы уже упоминали ранее при рассмотрении коммуникации и её философско-антропологических интерпретаций в XX веке. Учёный использовал данный термин в своих книгах «Галактика Гутенберга» (1962) [151] и «Понимание медиа: внешние расширения человека» (1964) [150] для описания сложившейся новой коммуникационной, а позднее и культурной ситуации. В своих работах учёный акцентировал внимание на том, что земной шар «сжался» до размеров деревни в результате электронных средств связи, поэтому стала возможна мгновенная передача информации с любого континента в любую точку мира. Как известно, в Интернете физическое расстояние между собеседниками не играет важной роли для общения, не смотря на стирание пространства и времени, здесь происходит сближение культур, мироощущений, традиций и ценностей. «Міжкультурна взаємодія як мережа надає можливості залучення безлічі «абонентів», через що забезпечується її нескінченна варіативність функціональних і структурних компонентів» [20, с. 102].

Таким образом, коммуникация осуществляется в процессе слияния изолированных друг от друга индивидов, рас, наций с помощью электронных средств связи мгновенно, как будто находясь в «одной деревне». «Новое информационное пространство принесло с собой поток глубочайших трансформаций жизненного мира культуры. Мир на сегодняшний день – это динамично развивающееся информационно-коммуникативное пространство» [117, с. 87]. Происходит основательное вторжение в жизнь друг друга, рассказывая и обсуждая увиденное и услышанное. Такая форма коммуникации дает толчок к формированию новой социологической структуры в пространстве существующего

контекста культуры. Как отмечает Ф.И. Шарков, динамическое развитие культуры как образа жизни и системы поведения, отношений, норм, ценностей любой социальной группы «приводит к формированию широкой сети коммуникаций между различными субъектами, включенными в данный процесс», в то время как «динамическое понимание культуры не предполагает наличие строго стабильной совокупности элементов культурной системы. Оно учитывает изменение и модификацию культуры в зависимости от социально-исторического развития» [265, с. 206], что, в свою очередь, обусловило создание специальных обучающих компьютерных сред, направленных на развитие обучаемых инофонов, их активности, самостоятельности и творчества [88, с. 137-140].

Следует также отметить, что сегодня интерес ученых к проблеме межкультурной коммуникации и проблемам межкультурного общения возрос и в связи с созданием Европейского Союза, поскольку открылись «границы для свободного перемещения людей, капиталов и товаров. Европейские столицы и крупные города стали интенсивно менять свой облик благодаря появлению в них представителей разных культур и их активному включению в жизнедеятельность этих городов. Практика поставила проблему взаимного общения носителей разных культур» [60, с. 7].

Для нашего исследования значимым является изучение межкультурной коммуникации в отечественной науке, поскольку это отражает аспекты межкультурного общения и взаимодействия представителей разных культур в Украине. Поэтому необходимо сказать, что в системе образования Украины изучением межкультурной коммуникации стали заниматься преподаватели кафедр иностранных языков и подготовительных факультетов вузов, многие из которых были образованы в середине-конце XX века (КНУ имени Тараса Шевченко: подготовительный факультет для иностранных граждан – 1960 год; ХНУ имени В.Н. Каразина: подготовительный факультет для иностранных граждан – 1961 год; НТУ «ХПИ»: подготовительный факультет для иностранных граждан – 1973 год и др.) [85, с. 259-267]. Такое положение дел обусловило лингвистическую направленность в осмыслении, как самой культуры, так и межкультурной

коммуникации. Взгляд на природу культуры сквозь призму лингвистики направлен на рассмотрение её, так же как и языка, в качестве знаковой системы.

Однако вскоре было доказано методологическое несовершенство чисто лингвистического анализа, поскольку для успешных контактов с представителями других культур необходимы практические навыки и умения в межкультурном общении, которые возможно приобрести только с помощью междисциплинарного подхода, базирующегося на методах этнологии, герменевтики, когнитивной психологии и других смежных наук. Для этого преподавание иностранных языков в вузах дополнилось предметом «Страноведение» (а на факультете иностранных языков ХНУ имени В.Н. Каразина еще и предметами «Лингвострановедение» и «Стилистика русского языка» [82]), задачей которого является знакомство студентов с историей, обычаями, традициями, социальной организацией страны изучаемого языка (в нашем случае – Украины): «за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием представление о мире» (С.Г. Тер-Минасова), а в Программе по русскому языку, как для студентов подготовительного факультета, так и в Программе по русскому языку для иностранных студентов-нефилологов [234] и в Программе по русскому языку для студентов филологических специальностей [197] обязательными для изучения являются темы социально-культурной сферы (Фольклор: народные сказки (русские/украинские), пословицы, поговорки, загадки / Фольклор страны студента (сказки, пословицы, поговорки, загадки); Харьков – город, где я живу и учусь / Мой родной город; Университеты Украины / Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина; Украинский календарь / Национальные праздники страны студента; Традиции и обычаи украинского народа / Традиции и обычаи страны студента; Украинская наука. Выдающиеся ученые Украины / Ученые ХНУ им. В.Н. Каразина; Украина сегодня; Русский язык в моей жизни / Украинский язык в моей жизни; Культура и ментальность украинского народа / Культура страны студента; Человек и искусство: Театр. Кино. Музыка. Живопись: Мастер живописи (И.Е. Репин) / «... О, эта музыка, она не дает мне покоя ...» (П.И. Чайковский) [39]; Т.Г. Шевченко – великий украинский поэт; Крым – страна

чудес; Глобальные проблемы современности и др.) [85, с. 259-267]. Отметим, что чаще всего практические занятия по данной тематике вызывают оживленные дискуссии, повышают мотивацию и заинтересованность иностранных учащихся в предмете, служат помощником в устранении психологического барьера при взаимодействии, как студентов группы, представителей разных культур, так и во взаимодействии иностранных учащихся и преподавателя [85, с. 259-267].

Как отмечают ученые, и как видно из названия тем социально-культурной сферы, являющихся обязательными для иностранцев, обучающихся в ХНУ имени В.Н. Каразина, из всех наук о культуре достаточный объем теоретических и методологических знаний и практического опыта в области исследований МКК находится в резерве фольклористики и этнологии. В связи с этим сложились *два направления исследований МКК: первое* – основано на фольклористике, имеет описательный характер: определяет, описывает, интерпретирует повседневное поведение людей с целью объяснения глубинных причин и детерминирующих факторов их культуры; *второе* – носит культурно-антропологический характер: исследует различные виды культурной деятельности социальных групп и общностей, их нормы, правила и ценности; изучает социальную дифференциацию общества (семья; школа; вуз: факультеты и учебные группы, землячества, объединения и учебные центры, на территории той страны, где происходит обучение /ХНУ имени В.Н. Каразина: Институт Конфуция, арабский и африканский центры/; церковь; производство /союзы и объединения, совместные предприятия/ и т.д. [85, с. 259-267]), определяя в каждой группе нормы и правила поведения, что позволяет успешно разрешать ситуации межкультурного непонимания в процессе работы в многонациональных коллективах, группах и т.д. [60, с. 8].

В разработках по МКК Э. Холл имел в виду межкультурное обучение, которое должно быть основано на практическом использовании фактов межкультурного общения людей, что возникают при непосредственных контактах с носителями других культур. А учебный процесс рассматривался им как процесс анализа конкретных примеров межкультурного общения, результатом чего

является расширение межкультурной компетенции иностранных учащихся и преодоление трудностей в повседневном общении с людьми другой культуры. Так, западные ученые М. Беннет, В. Гудинкуст и Р. Хаммер, Г. Колье, Дж. Мартин и М. Пейдж, М. Хупс, занимаясь преподаванием МКК и основываясь на собственном опыте, смогли описать модели организации межкультурного обучения.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в процессе обучения межкультурному общению необходимые знания и навыки приобретаются в основном посредством прямых культурных контактов, которые чаще всего требуют некоторого абстрагирования от привычной системы толкования различных культурных феноменов и притягивают к себе очень важные когнитивные и аффективные изменения.

Необходимо отметить также тот факт, что в процессе МКК у субъектов нередко возникают противоречия со своей собственной культурной идентичностью, что проявляется в их состоянии (чувство страха), возникающем при потере ориентации в привычном социокультурном пространстве, утрате идентичности и лишении поддержки своей группы. Поэтому в процессе межкультурного обучения нужно учитывать появление этих противоречий, ориентируясь на принцип открытости в организации учебного процесса. В его ходе спорные ситуации могли бы быть решены посредством процесса переговоров и поиска, включающего познавательный и эмоциональный уровни сознания. А обучающие программы должны носить *культурно-антропологический характер*, направленный на развитие культурной восприимчивости, толерантности, способности к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных культурах, на формирование практических навыков и умений в общении с представителями других культур. Именно это и легло в основу создания базовых Программ, как по русскому / украинскому языку для иностранных учащихся, так и Программ по социально-экономическим наукам («Страноведение», «География», «История Украины» и т.д.) в ХНУ имени В.Н. Каразина [85, с. 259-267], ибо «способность одного народа

осваивать достижения другого – один из главных показателей жизнеспособности его культуры, очевиднейший индикатор прогресса культуры» [256, с. 30-49].

Поскольку межкультурная коммуникация носит интегративный характер, следует выделить *три методологических подхода* к изучению межкультурного общения (*функциональный, объяснительный, критический*), в основе которых находятся различные представления о природе человека, человеческом поведении и природе человеческих знаний, что важно с позиций философско-антропологического измерения [60, с. 8]. Так, *функциональный подход* показывает специфику влияния культуры на коммуникацию посредством сравнения культурных различий взаимодействующих сторон, что дает основание предсказать успех/провал их коммуникации. Результатом этого подхода явилась *теория коммуникационного приспособления*, согласно которой в процессе межкультурной коммуникации происходит изменение субъектами коммуникации своего коммуникативного поведения: приспособление к моделям партнеров по общению. Исходя из практического опыта общения с представителями других культур, следует сказать о том, что мы чаще всего подстраиваемся к ним: говорим медленнее, яснее, отчетливее, стараемся не использовать жаргонную лексику, сленг, облегчая, тем самым, процесс общения собеседнику-инофону. С помощью функционального подхода можно изучать стили общения (*речевые практики*) в разных культурах, сравнивая их и находя в них различия и сходства, что и будет предпринято нами во второй части исследования.

Объяснительный подход (или интерпретирующий) направлен на объяснение и описание поведения человека в окружающем мире. «Сторонники объяснительного подхода рассматривают культуру как среду обитания человека, созданную и изменяемую через общение. В этом подходе используются методы антропологии и лингвистики: ролевые игры, включенное наблюдение и др.» [60, с. 31]. Согласно данному подходу было доказано, что коммуникационные правила той или иной общности людей основываются на культурных ценностях и представлениях этой конкретной группы.

Критический подход содержит многие положения объяснительного подхода, а также изучает в процессе межкультурной коммуникации условия общения (ситуации, окружающую обстановку и т.п.), не исследуя личностные межкультурные взаимодействия, а давая оценку им, как бы со стороны, используя исторический контекст коммуникации. Данный подход базируется на объяснении человеческого поведения, а уже через него – на то, как изменяются условия жизни людей. Этот подход ориентирован на анализ текстов (телевизионных передач, видеоматериалов, публикаций в печати), которые, по мнению ученых, играют важную роль в формировании современной культуры.

Таким образом, исходя из выше изложенного и основываясь на собственном опыте реальных культурных контактов, следует сказать о том, что межкультурная коммуникация носит интегративный характер. Представленные подходы к ее изучению (функциональный, объяснительный, критический) не только взаимосвязаны между собой, но они и взаимодополняют друг друга, раскрывая сущностную природу человека и объясняя человеческое поведение и природу человеческих знаний. Используя критический взгляд и базируясь на историческом контексте коммуникации, ими дается объективная оценка межкультурному общению, которое как «целостное поле» (В.М. Межуев) связывает в целостный организм «ценностно-аксиологические и бытийные (онтологические) аспекты человеческой социально-исторической деятельности» [159, с. 300-331].

Ученые Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин отмечают, что «процесс изучения межкультурной коммуникации по многим параметрам отличается от других видов обучения», поскольку этот «процесс основывается на анализе и интерпретации реальных культурных контактов» [60, с. 32], с чем мы полностью согласны.

Расширяя социокультурный опыт, межкультурная коммуникация оказывает влияние на взаимодействующих субъектов-инофонов, тем самым, изменяя их и развивая у них новые личностные качества. По мере того, как развивается общество, можно с уверенностью сказать, что также динамично развивается и межкультурная коммуникация, «что выражается в возрастающем социокультурном

значении для всего человечества общих достижений цивилизаций» [265, с. 212], поскольку «отношения в системе «человек-культура», – как справедливо утверждает А.А. Пелипенко, – «выводятся за пределы природных аналогов. Живая клетка функционально «вписана» в деятельность того или иного органа, и только через него вступает в опосредованные отношения с организмом как целым. Отдельный человек таким же образом вписан в «орган» – подсистему культуры (точнее, всегда в несколько подсистем) и к культуре как целому может обращаться только через механизмы, опосредованные своим «органом» – подсистемой, которая дает ему соответствующие модели представления (*традиции, обычаи и т.д.* – Домнич С.П.) и знаковые средства (которые необходимы для создания *речевых практик* – Домнич С.П.). Но, будучи системой в системе, человеческое сознание обретает способность к самостоятельному целеполаганию и к потенциальной множественности самореализации и потому способно весьма далеко отрываться от изначально предуготовленных культурой функций. Это и порождает *имманентную диалектику субъектности* в системе «человек-культура» – диалектику, обеспечивающую внутреннюю не зависящую от внешних, внекультурных факторов, динамику саморазвития» [188, с. 56], а в нашем случае, эта динамика саморазвития личности и проявляется в овладении представителями других культур тем языком, который доминирует в данной культурной сфере. Именно процесс самореализации личностных качеств коммуникантов-инофонов дает тот положительный импульс для достижения значительных результатов не только в межкультурном общении, но и в их достижении значительных результатов в социокультурном взаимодействии.

В процессе межкультурных контактов субъекты коммуникативного процесса, так или иначе, вынуждены приходить к общему знаменателю в трактовке языковых значений, поскольку только тогда возможно понимание друг друга. А для этого в этой культурной сфере необходима взаимно обусловленная коммуникативная компетентность, «которая формируется через инкультурацию и социализацию индивида. Она позволяет свободно понимать, использовать и вариативно интерпретировать всю сумму обыденных и специализированных знаний,

составляющих норму общесоциальной эрудированности человека в полиэтничной среде» [138, с. 114]. Несмотря на то, что существуют различия в индивидуальном опыте (знания о внешней природной и общественной среде) коммуникантов-инофонов, различия в собственно символической системе языка, в которой проходит коммуникация, в результате все-таки возникает возможность понимания между представителями разных культур, поскольку в этом им оказывает помощь, как личный опыт коммуникантов-инофонов и общие базовые знания о мире, ибо «верность общепринятым ценностям означает ... что исполнители действия имеют общие «чувства» в поддержку ценностных образцов» [184], так и приобретенные знания, которые получают коммуниканты-инофоны вследствие социализации в различных (национальных, этнических, социальных, религиозных, профессиональных) группах (в ХНУ имени В.Н. Каразина – на факультетах и в учебных группах университета; диаспорах (азербайджанская, туркменская и др.) и землячествах, объединениях и учебных центрах – Институте Конфуция, арабском и африканском центрах) [85, с. 259-267].

Таким образом, с точки зрения философско-антропологического измерения межкультурная коммуникация выступает в роли социокультурного феномена, поскольку в её структуре и функциях, которые она выполняет, наблюдаются взаимосвязи человека между культурой и цивилизацией, культурой и коммуникацией, коммуникацией и общением. Благодаря межкультурной коммуникации происходит также взаимодействие и между подсистемами культуры внутри общества, индивидами, как внутри одной культуры, так и на межкультурном уровне, а также между различными и разновременными культурами.

Выводы ко второму разделу:

На разных уровнях социального бытия (возникновения, существования и развития) характерной особенностью человеческого общества является осуществление коммуникативного взаимодействия между индивидами. Чаще всего это происходит всегда разнообразными способами: передача информации,

взаимообмен эмоциями, представление личного и социального опыта, обучение и социализация и т.д.

Коммуникация является одним из способов формирования человеческой личности, так как только в процессе взаимодействия с другими людьми происходит социализация индивида и развитие его способностей. Коммуникационная потребность является органической (абсолютной) духовной потребностью человека, поскольку изоляция от общества может привести к неизлечимым психическим травмам. Коммуникация выступает в роли фактора, определяющего условия существования любых человеческих общностей (от малых социальных групп до наций и государств). Коммуникационная деятельность является необходимым источником и средством поддержания и использования социальной памяти, которая аккумулирует в себе культурный и исторический опыт социальных субъектов.

Коммуникация представляет собой смысловой и идеально содержательный аспект социального взаимодействия. Сохранение индивидуальности каждого из коммуникантов в достижении социальной общности – это то, что является основным её (коммуникации) предназначением. Теоретическим фокусом коммуникации является её *структура*, включающая: 1) наличие двух и более участников-коммуникантов, наделенных сознанием и владеющих нормами некоторой семиотической системы (язык); 2) ситуацию, которую они стремятся осмыслить или понять; 3) тексты, которые выражают смысл ситуации в языке или элементах данной семиотической системы; 4) мотивы и цели, делающие тексты направленными: побуждение субъектов обращаться друг к другу; 5) процесс материальной передачи текстов. Итак, тексты, действия по их созданию и, наоборот, действия по реконструкции их смысла, и вместе с тем, связанные с этим мышление и понимание – все это и составляет *содержание* коммуникации.

Было выявлено, что с помощью *метода моделирования* возможно объяснить содержание коммуникативных процессов, выполняя при этом функцию познания объективной коммуникативной реальности, несмотря на то, что его вектор направлен на управленческие задачи. Коммуникативное моделирование – основная

форма познания коммуникации.

Выяснено, что упрощенное, схематизированное отражение реального коммуникативного процесса, являющееся необходимым инструментом управления в прогнозировании и проектировании коммуникативного пространства, представляет собой *модель коммуникации*.

В настоящее время существует большое количество разнообразных моделей (предметные, знаковые, структурные, поведенческие и др.), каждая из которых по-своему оригинально отражает структуру, элементы и динамику процесса коммуникации, сосредотачивая свой взгляд на определенное (субъективное) отношение к миру того, кто эту модель конструирует, и на задачу её создания. Поэтому следует сказать о многомерности коммуникативных моделей.

Систематизация коммуникативных знаний помогает определить существующую тесную взаимосвязь между коммуникацией и информацией, поскольку главной функцией коммуникативных моделей является показ передачи сообщения.

На основе теорий коммуникации мы уточнили необходимые для понимания коммуникации понятия – общение, коммуникативный процесс, коммуникативные акты, участники коммуникации. В исследовании нами было выделено несколько базовых моделей коммуникативного процесса, представленных «линиями моделей» Г. Лассуэлла, В.П. Морозова, Т. Ньюкомба, К. Шеннона - У. Уивера, У. Эко, Р.О. Якобсона. Коммуникативный процесс представляет собой непрерывное взаимодействие участников коммуникации (субъект-субъектные отношения), которое осуществляется по разным каналам и при помощи разных коммуникативных средств. В качестве единиц коммуникации выступают коммуникативные акты. Поэтому можно сказать, что коммуникативный процесс осуществляется следующим образом: коммуникатор (адресант) при передаче сообщения оказывает определенное воздействие на реципиента (адресат).

Философское осмысление понятия «коммуникация» связано с сущностью философской антропологии и социальной философии, поскольку они исследуют процесс взаимодействия между людьми и их сообществами для достижения

социальной общности. В нашей диссертации доказывается, что коммуникация связана с фундаментальными особенностями человека, его идентичностью, его социальным и культурным статусом, поскольку коммуникация – это процесс, где переоформляется наша идентичность, наши социальные связи и отношения, наш общий мир значимых объектов и событий. В связи с этим можно констатировать, что коммуникация, ставшая аккумулярующим звеном между обществом и каналом передачи информации, превратилась в сложный философско-антропологический и социальный феномен.

Важным критерием для социальной коммуникации является и учет социальных условий, в которых протекает данный процесс, а также основные направления его самореализации, материальные и «культурные» технологии информационного взаимодействия.

Было выяснено, что в конце XX века – начале XXI века моделирование коммуникативной системы опирается на *синергетический подход* (В.В. Богуславская, В.И. Тузлукова, Ф.И. Шарков и др.). Была создана модель внутреннего пространства коммуникации, используя которую, можно ответить на вопросы, как касающиеся коммуникации, так и коммуникативных моделей с помощью различных средств и технологий в современных социокультурных и языковых реалиях. Выявлено, что с целью демонстрации тесной взаимосвязи понятий коммуникации и информации используется *информационно-синергетический подход* (И.В. Мелик-Гайказян), который основан на доказательстве процессуальной природы информации, а также на выявлении информационных механизмов самоорганизации сложных систем.

На основе рассмотрения разных концепций социокommunikации была выявлена типология социокультурной коммуникации, где типами коммуникации выступают: межличностная, внутригрупповая, массовая; устная / письменная; вербальная / невербальная; официальная / неформальная [81].

Было подтверждено, что социальная коммуникация основывается на трех основных базовых функциях общей коммуникации – *информационной, прагматической и экспрессивной*. В результате исследования в рамках этих

базовых функций были выделены частные специализированные функции, которые актуализируются при помощи разнообразных коммуникативных средств в определенных речевых актах и речевых практиках, которые всегда социально ориентированы. Основные антропологические специализированные функции социальной коммуникации можно обобщить в следующие группы: *контактоустанавливающая, функция самопрезентации, апеллятивная, побудительная, волеизъявительная, регулирующая, ритуальная и перформативная*. Эти функции выступают доминантами социокоммуникации (В.П. Конецкая). Они выражаются коммуникативными средствами, обуславливаются правилами, нормами, речевыми стереотипами, поэтому и образуют *речевой этикет*, что является неотъемлемой частью культуры – «коллективным интеллектом общества» (Ю.М. Лотман).

Сделан вывод, что многомерность социальной коммуникации представлена, как в подходах к ее определению, а также в тех функциях, которые она выполняет в условиях современного информационного общества.

Сегодня в современном мире наиболее значимыми являются межличностное общение и межкультурные коммуникации, которые не ограничиваются передачей информации, а нацелены, прежде всего, на понимание другого. Это и предполагает способность, как к интерпретации, так и признания особенностей знаков, используемых другими людьми, представителями другой культуры, где в качестве медиумов общения выступают не только слова, но также звуки, образы, жесты. Все это создает целостную природу коммуникации.

Социокультурная коммуникация, как социальное взаимодействие не может существовать сама по себе: без общества и вне культуры этого общества, поскольку сама социальная реальность определяется фактом коммуникации, где коммуникативные процессы, осуществляемые в контексте определенной культуры, выступают в качестве внутреннего механизма её реализации. Коммуникация – социально обусловленный процесс, ибо он осуществляется в конкретно-исторических формах, а общение представителей различных социальных групп

всегда имеет свои специфические черты. В то же время из факта общения, связи, коммуникации формируется социальность.

В ходе исследования был сделан вывод, что именно социокультурная коммуникация оказывает помощь в формировании социальных связей, в управлении совместной жизнедеятельностью людей, в накоплении и передаче социального опыта, в понимании между людьми. Но вместе с тем, социокультурная коммуникация выступает в качестве самоорганизационной парадигмы исследования, что нашла свое отражение в синергетических подходах к изучению речевых практик.

В качестве субъектов коммуникативного процесса выступают коммуниканты-инофоны, задающие тон антропоцентричности языка, а в качестве связующих элементов (механизмов) системы выступают речевые практики, что создают нелинейную и неравновесную термодинамику языковых процессов, отображающихся как в синергетике языка, так и в синергетике общения (в том числе и обучения, как взаимодействия обучающихся и обучаемых).

Синергетическая модель социокультурной коммуникации строится на основе трех принципов межличностного дискурса коммуникантов-инофонов: 1) *антропологический принцип* изучения межличностного общения, который предполагает рассмотрение его через призму целостного единства материальной, рациональной и духовной сторон человеческой природы (на материале межличностного общения представителей разных лингвокультурных общностей, а в нашем случае, вьетнамцев, китайцев, арабов); 2) *холистический подход* к пониманию межличностного дискурса коммуникантов-инофонов как синергетической, саморазвивающейся и смыслогенерирующей открытой системы (т.е. *социокультурной коммуникации*), в которой соединены такие целостные феномены, как личность, язык и этика речевого поведения (*речевые практики в форме обращений, приветствий, речевого этикета вьетнамцев, китайцев, арабов*); 3) *тернарный принцип* выражения цельности. Отметим, что истоками данных трех принципов послужили три космологических модели развития Вселенной, что наиболее распространена в естествознании, откуда и берет свое

начало синергетика.

Было выявлено, что социокультурная коммуникация – это самоорганизующаяся коммуникативная система, которая, развиваясь сама, развивает и общество в целом. Это некий живой организм, включающий не только семиотические параметры, открывающие понимание природы языка, но и антропологические, онтологические, коммуникативные, социокультурные.

Синергетическое моделирование социокультурной коммуникации – это некий исторический этап развития философской антропологии, философской гносеологии, философии культуры и языка, который предстает перед нами в целостном взаимодействии её элементов – речевых практик, открывающих нам «мир слов», «мир личности» и «жизненный мир» коммуникантов-инофонов, а значит, социальных практик человека («символических практик как значимых социальных миров»).

Было доказано, как может различаться *целое* и *элемент* в системе. Так с одной стороны, элемент (*речевые практики в форме обращений, приветствий, речевого этикета вьетнамцев, китайцев, арабов*) может выступать как часть целого (*социокультурная коммуникация*), тогда как с другой – представляет некую цельность (т.к. *совокупность речевых практик образует дискурс*). А, следуя тому, что моделирование имеет отношение к упорядочиванию определенных частей, то возникает «понятие множества», о котором А.Ф. Лосев писал как о единой-раздельной целостности, в которой точно фиксируется как она сама, в своей самостоятельности и неделимости, так и все её элементы, наглядно демонстрирующие эту целостность в её конкретном явлении. Такой «кортеж» (А.Ф. Лосев), представленный нами в виде социокультурной коммуникации, как «главный» и единый, выступает в виде целостности, куда входят все составляющие его элементы: «почетный эскорт» (*Домнич С.П.*) в виде речевых практик, что дает основание говорить о том, что системно-целостный принцип становится ведущим в процессе конструирования модели.

Огромное значение в данном понимании практики приобретает понятие *габитуса* (П. Бурдьё) для подчеркивания, как устойчивости существующих

социальных систем, так и возможности существования в них принципа импровизации (в нашем случае это проявляется в создании речевых практик коммуникантами-инофонами на изучаемом языке).

Можно сказать, что габитус выступает в виде системы диспозиций, что порождает и структурирует практику человека и его представления. Он позволяет человеку спонтанно ориентироваться в социальном пространстве и реагировать адекватно на события и ситуации. Все это связано, прежде всего, с воспитанием и образованием индивида в процессе его социализации, с усвоением им принципов поведения в определенных жизненных ситуациях.

Используя синергетический подход к образованию коммуникантов-инофонов, сделан вывод о том, что роль преподавателя сводится не столько к распространению знаний и оценке правильности суждений, сколько к организации речевой практики, а также к наблюдению за ходом рассуждений и переключении процесса обучения с одного уровня на другой.

Поскольку язык – это самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, то, чтобы обучение языку было более успешным, следует в качестве опоры использовать знание закономерностей развития языка, уметь моделировать коммуникативные процессы в ходе освоения иностранных языков.

Выявлено, что в виде новой познавательной модели, основанной на современной синергетической методике и лингвосинергетике коммуникантов-инофонов, возникает *фрактал* как некое расслоение, поскольку в качестве опоры данная модель использует естественные для человека способы восприятия мира, базирующиеся на способностях коммуникантов-инофонов вслушиваться и всматриваться. Именно благодаря всматриванию происходит фрактальное углубление в предмет через расслоение, создание нового пространства, топоса, нахождение нового соотношения. Было выяснено, что здесь проявляются интерактивные способности человека, позволяющие разрабатывать новые динамичные познавательные технологии, что обеспечивают коммуникантам-инофонам максимальную эффективность.

Синергетический подход к языку открывает перспективы для исследования

речевых практик, поскольку выступает в виде процесса, имеющего нелинейный характер, который проявляется в спонтанности речепорождения, позволяет проследить влияние коммуникативной среды на содержание речевых произведений.

Определено, что речевые практики, как и сама социокультурная коммуникация в целом, представляют собой структуры, которые состоят из частей, что в каком-то смысле подобны целому. А это еще раз дает основание говорить о её многомерности, представленной в виде речевой цепи, что уходит корнями в глубокое прошлое и имеет связь с настоящим и будущим, отображая, тем самым, непрерывную «ленту жизни», что существует в «доме бытия».

В ходе нашего исследования сделан вывод о том, что синергетическое видение мира в контексте речевых практик представляет собой самоактивность бытия, включая единство всех происходящих процессов: социальных, мыслительных, этических. А они, в свою очередь, сосредоточены в ядре социокультурной коммуникации, что обеспечивает возможность осуществлять межличностный дискурс коммуникантов-инофонов сквозь призму синергетического видения.

Было выяснено, что важную роль как в развитии самой социокультурной коммуникации, так и общества в целом, играет *межкультурная коммуникация*.

Межкультурная коммуникация – это коммуникация, осуществляемая между представителями различных культур или сообществ с целью обмена информацией.

Поскольку межкультурная коммуникация носит интегративный характер, было выделено три методологических подхода к изучению межкультурного общения (функциональный, объяснительный, критический), в основе которых находятся различные представления о природе человека, человеческом поведении и природе человеческих знаний, что важно с позиций философско-антропологического измерения. Представленные подходы к изучению межкультурной коммуникации взаимосвязаны между собой, поскольку они взаимодополняют друг друга, раскрывая сущностную природу человека, помогают объяснить человеческое поведение, основанное на правилах той или иной

культуры, и посредством критики, базируясь на историческом контексте коммуникации, дают объективную оценку межкультурному общению.

Было выявлено, что межкультурная коммуникация имеет так называемый общечеловеческий характер, что важно с позиций философско-антропологического подхода, поскольку индивидуальные аксиологические представления, которые определяют речевое взаимодействие, обусловлены «силовым полем культуры» (В.С. Библер), где происходило становление и формирование субъекта как личности, поскольку человек и культура – это взаимосвязанные части единой системы. Философское исследование человека имеет тесную взаимосвязь с основными формами человеческого бытия: языком, социумом, культурой.

С точки зрения философско-антропологического измерения межкультурная коммуникация выступает в роли социокультурного феномена, поскольку в её структуре и функциях, которые она выполняет, наблюдаются взаимосвязи человека между цивилизацией и культурой, коммуникацией и культурой, общением и коммуникацией. Было установлено, что благодаря межкультурной коммуникации происходит также взаимодействие и между подсистемами культуры внутри общества, индивидами, как внутри одной культуры, так и на межкультурном уровне, а также между различными разновременными культурами.

РАЗДЕЛ 3

ФИЛОСОФСКИЙ СТАТУС РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

3.1. Дискурсивная природа речевых практик: методологические особенности дискурсивного анализа языка

В настоящее время понятие дискурс, принадлежащее к кругу так называемых человеческих дисциплин и целого комплекса наук, в том числе и философии, включает широкий спектр дефиниций, вследствие чего и имеет множество научных интерпретаций, которые затрагивают такие смежные понятия как *речь – речевая деятельность – диалог – текст*, формируя в конкретный исторический момент основание научной картины мира. Подтверждением этому могут служить слова О.Л. Михалёвой: «Дискурс рассматривается как отложившийся и закрепившийся в языке способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках» [163, с. 360-377], в том числе и речевых.

В современных исследованиях, проводимых различными отраслями научного знания, само понятие «речевые практики» стало использоваться только в конце XX века (90-е гг.). В наиболее общем виде «*речевые практики*» трактуются как «*речевая коммуникация*», «*речевое общение*», «*речевая деятельность*», «*речевое взаимодействие*», «*речевое событие*», «*дискурс*» и т.п.

На наш взгляд, для того, чтобы дать определение понятию «речевые практики», сначала правомерно будет сказать о том, что обозначает слово «практика» с философской точки зрения. Итак, *практика* (от греч. *praktikos* – деятельный, активный [217, с. 405]) – многообразие способов реализации человеческого бытия в различных формах закрепления, воспроизводства и развития человеческого опыта, процесс перехода накапливаемого и накопленного опыта людей в условиях их жизни, в средства их деятельности, в схемы их самоутверждения. Согласно В.Е. Кемерову, «практика связывает потенциальный и актуальный аспекты совместной и индивидуальной жизни людей, она выявляет проблему социального бытия как многомерного движения и взаимодействия

различных форм человеческого опыта» [219, с. 545]. Итак, представленная философская дефиниция к понятию *практика* предполагает рассмотрение данного вопроса, исходя из реализации бытия человека. «В обыденном сознании практика понимается как действующий опыт человека, как воспроизводство или закрепление навыков продуктивной работы, как приложение, воплощение или испытание человеческих умений и знаний (В. Даль)» [219, с. 545]. С другой точки зрения, понятие *практика* предстает перед нами как специфический «механизм» эволюции человека, который вырабатывает меняющиеся средства взаимодействия людей с природой и друг с другом. Исходя из этого, *практика* выступает в виде особого рода социальной связи, которая обеспечивает как накопление опыта, так и его трансляцию от поколения к поколению, от эпохи к эпохе.

Таким образом, истолкование *практики* сводится к характеристике специфики социального процесса, который зафиксирован в своих вещественных проявлениях и эффектах.

Что же касается понятия «*речевые практики*», то мы будем исходить из того, что под ним понимается сложная система субъект-субъектного взаимодействия, направленного на установление определенных коммуникативных отношений и взаимоотношений, включая достижение духовной общности; которое «заключает всю сознаваемую глубину взаимной сопричастности людей, претворяемой через обогащение субъектом своей жизнью жизни всех других субъектов» [38, с. 9], что, на наш взгляд, является актуальным с позиции межличностного и межкультурного взаимодействия представителей разных этносов и культур [89, с. 122-126].

Совокупность речевых практик (или совокупность высказываний), присущих определенным социальным группам и принадлежащих различным сферам жизнедеятельности человека и строящимся на базе определенной информации и жизненного опыта, образует *дискурс*, основным свойством которого является «свойство текста как цепи фраз» (П. Рикер). Семантику понятия *дискурс* можно представить следующим образом: «*discours*» (фр.), «*discourse*» (англ.) – это беседа, разговор; «*discursus*» (лат.) – бегание взад-вперед; движение, круговорот. Таким образом, можно констатировать, что данное понятие выступает в виде самого

процесса языковой деятельности, имеющего отражение в способе говорения, т.е. в нашей речи. Как видно из латинского контекста, в качестве основной сферы употребления слова «*discursus*» обозначено беспорядочное и быстрое движение в разных направлениях: «*dis*» + «*curro*» – «бежать»: 1) беготня в разные стороны; бегание туда – сюда; 2) внезапное нападение, набег; 3) движение вокруг, круговорот; 4) движение без перерывов; частое мелькание; 5) беготня без толка, суета; 6) разрастание, разветвление; 7) барахтанье. Но в тоже время следует обратить внимание на то, что только наиболее удаленное значение «дискурса» как-то совпадает с нынешним употреблением нами «беседовать, вести разговор». Значение «обособленности, потери связи, разъединения» придает слову приставка «*dis*», которая усиливает глаголу движения направление разноплановости и лишает его «энтелехии» (куда?). Позднее неупорядочные движения тела ассоциировались с мышлением человека («*Mens discurrit utroque*») и Бога («*Ipsa dies velox discurrere gaudet in altis Montibus*»). Мы разделяем точку зрения О.Л. Михалёвой в том, что в русском языке практически невозможно раскрыть значение понятия *дискурс* через анализ его логико-понятийной структуры, а также четко обосновать его расширенное применение, поскольку «в современной науке под дискурсом понимается практически все, что угодно исследователю» (О.Л. Михалёва) [163, с. 360-377].

Но, несмотря на это и на то, что в первом разделе нашей работы мы уже упоминали о понятии «*дискурс*» при рассмотрении становления коммуникации в контексте исторического генезиса, мы все-таки считаем, что при описании *речевых практик* следует еще раз сказать о природе *дискурса*, подчеркнув, тем самым, его многомерность и неоднозначность.

Основоположником трансформационного и дистрибутивного анализа принято считать американского ученого-лингвиста З. Харриса, ибо именно он опубликовал статью «*Discourse analysis*» (1952) [293], в которой рассмотрел метод дистрибуции по отношению к сверхфразовым единствам.

Философское понимание дискурса основывается на типе дискурсивной практики, поскольку «смысл и истина являются характеристиками утверждений, а

не предложений и, таким образом, на смену синтаксическим и семантическим теориям языка приходит прагматика, основой которой могут считаться прагматизм Ч. Пирса и Ч. Морриса, теория речевых актов Дж. Серля и Дж. Остина, генеративная лингвистика Н. Хомского, универсальная прагматика Ю. Хабермаса» [179].

В Новейшем философском словаре дана такая трактовка данного понятия: «*дискурс* – от франц. *discours* – речь: в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения» (А.Р. Усманова) [176].

В Новой философской энциклопедии авторами словарной статьи «Дискурс» Г.Б. Гутнером и А.П. Огурцовым *дискурс* представляет собой «многозначное понятие: 1) в истории классической философии использовалось для характеристики последовательного перехода от одного дискретного шага к другому и развертывания мышления, выраженного в понятиях и суждениях, в противовес интуитивному схватыванию целого ряда до его частей; 2) в современной французской философии постмодернизма – характеристика особой ментальности и идеологии, которые выражены в тексте, обладающем связностью и целостностью и погруженном в жизнь, в социокультурный, социально-психологический и др. контексты» [175, с. 670-671].

По мнению С.В. Бориснёва, «*дискурс* (лат. «*discursus*» – рассуждение, фр. «*discours*» – речь) – разновидность коммуникации, ориентированной на свободное обсуждение и принятие мнений и предложений, необходимых для организации совместных действий людей; фактически «творимый» в речи связный текст, рассматриваемый в событийном плане, и в котором актуализируются не только мгновенно языковые факторы – правила сочетаемости слов и последовательности высказываний, их интонационное оформление, формы переспроса, перебивания партнера, виды реакции на вопрос и т.п., но и неязыковые

факторы. В дискурсе актуализируются невербальные средства, правила речевого этикета. Сложная единица коммуникации» [23].

Поскольку человек воспринимает то или иное событие (ситуацию) с позиции уже имеющихся в его сознании когнитивных структур, то им оперируются не факты, а представления об окружающем мире. И именно эти ментальные процессы вместе с пересекающимися психологическими, социальными, культурными и другими аспектами жизни и создают тот чрезвычайно комплексный процесс, который состоит из многочисленных взаимозависящих компонентов, и представляет *дискурс* (Муара Чимомбо и Роберт Л. Розберри), который выражается именно в речевых практиках субъектов социокультурной коммуникации, которые могут иметь вербальные и невербальные составляющие.

Как справедливо утверждают многие учёные, чёткого и общепризнанного определения понятия *дискурс*, которое бы связывало все случаи его употребления, нет, поскольку оно имеет достаточно широкий спектр распространения, как в лингвистике, так и в философии, социологии, культурологии, политологии, логике и т.д., что объясняет его междисциплинарный характер исследования.

Так, О.Л. Михалёва [163, с. 360-377] считает, что современное использование термина *дискурс* базируется на *двух* основных его употреблениях: 1) дискурс – это речевая практика, т.е. «интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [111, с. 5]; 2) дискурс – сложное коммуникативное явление, которое включает как акт создания определённого текста, так и отражает зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств (знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего) [70; 246].

Тогда как А. Кибрик и П. Паршин [120] выделяют *три* основных класса употребления термина дискурс, которые соотносятся с различными национальными традициями и вкладами конкретных авторов. *Первый класс*

базируется на собственно лингвистических употреблениях этого термина, за которыми просматриваются попытки уточнения и развития традиционных понятий речи, текста и диалога (Н.Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, Э. Бюиссанс, Ф. де Соссюр, З. Харрис); *второй класс* основывается на социологических употреблениях, в которых предполагается, что способ говорения во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса, а также соответствующие ей социальные институты в виде «дискурсивных практик» (или «дискурсных формаций»), т.е. конкретных разновидностей дискурса («феминистический дискурс» (или «феминистский дискурс»), «дискурс власти», «дискурс насилия», «политический дискурс», «рыночный дискурс», «научный дискурс», «философский дискурс», «межличностный дискурс» и т.п.), «... которые определяют, что можно и должно быть сказано ... с определенной позиции в данной ситуации» [191, с. 107]. Данный класс употреблений термина дискурс связывают с работами французских структуралистов и постструктуралистов, таких как А. Греймас, Ж. Деррида, М. Фуко, позднее М. Пёше. *Третий класс* употреблений термина дискурс представляет собой особый идеальный мир коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации» – это «дискурс рациональности» («дискурс метода» – от Р. Декарта), который связан с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса.

А. Кибрик и П. Паршин отмечают, что три данные макропонимания (и их разновидности) взаимодействовали и взаимодействуют друг с другом, поэтому «дискурс – это речь, процесс языковой деятельности; способ говорения» [120].

М.Ю. Олешков [179] выделяет *четыре* значения понятия *дискурс*. В *первом значении* дискурс рассматривается как текст (высказывание), который погружен в социокультурную ситуацию. Данный подход осуществлялся с позиций формально или структурно ориентированной лингвистики. «Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи» (В.А. Звегинцев). *Второй поход* базируется на первом,

поскольку опирается на концепции коммуникативной природы текста, которые были предложены Т.А. ван Дейком, утверждающим, что «дискурс, в широком смысле слова, является сложным единством языковой формы, значения и действия, которое могло бы быть наилучшим образом охарактеризовано с помощью понятия коммуникативного события или коммуникативного акта ... Говорящий и слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации, несомненно, относятся к данному событию» [70]. Именно эта интерпретация дает основание говорить о событийно-ситуационном аспекте понимания дискурса, т.е. о коммуникативной ситуации, в которой текст интегрирует с субъектом речи (адресантом), адресатом, временем и местом высказывания. А в качестве основных его характеристик выступают контекстуальность, личностность, процессуальность, ситуативность, замкнутость.

Третье значение связано с положениями французской семиотической школы, которое отождествляет дискурс с речью, преимущественно устной. А.-Ж. Греймас и Ж. Курте [59, с. 136-142] дают структурно-семиотическое понимание дискурса, который реализуется в «дискурсивных практиках», как в виде текста, так и в виде фраз, которые могут быть сегментами дискурса-высказывания. В свою очередь, А.Ж. Греймас и Ж. Курте выделили два необходимых взаимодополняющих условия для производства высказывания и обозначили их термином «компетенция»: *семиотико-нарративная компетенция* (форма человеческого сознания и «базовая грамматика высказывания-дискурса») и *дискурсивная компетенция* (регулирует и моделирует дискурсивные формы высказываний-результатов). В результате чего «перевод в дискурс, или дискурсивизация, заключается в использовании семиотико-нарративных структур и их трансформации в структуры дискурсивные ... Дискурс есть результат этого оперирования с глубинными формами, которое дает прирост семантически значимых членений» (т.е. речевых практик – *Домнич С.П.*), ибо «устраняется традиционное противопоставление между дискурсом как сверхфразовым монологом и коммуникацией как диалогом и фразовым обменом; коммуникация предстает как один из моментов порождения дискурса» [119, с. 196-198]. Это дает

основание говорить о том, что социокультурная коммуникация является одним из моментов порождения речевых практик, как в межличностном, так и межкультурном взаимодействии.

П. Серйо [212, с. 26] представил *восемь* способов понимания дискурса: 1) связный текст; 2) единица, которая по размеру превосходит фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования «грамматики текста», изучающая последовательность отдельных высказываний; 3) устно-разговорная форма текста; 4) диалог; 5) группа высказываний, которые связаны между собой по смыслу; 6) речевое произведение как данность – письменная или устная; 7) при специализации третьего значения (т.е. в устно-разговорной форме) дискурс обозначает беседу, которая рассматривается как основной тип высказывания; 8) термин «дискурс» часто используется также для обозначения системы ограничений, накладываемых на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции.

Таким образом, с точки зрения современной коммуникативной лингвистики дискурс, прежде всего, процесс и результат речепроизводства, как явление процессуальное, в котором речь – средство коммуникации, текст – целостная семиотическая форма организации коммуникации, а коммуникация – процесс информационного обмена, т.е. *дискурс* – коммуникативное событие, ситуация, включающая текст и иные составляющие [179].

Четвертое значение основывается на философском понимании дискурса, который представляет собой коммуникативно-прагматический образец речевого поведения, протекающего в определенной сфере: социальные нормы, отношения, роли, конвенции, показатели интерактивности и т.д. В таком понимании дискурса основным свойством выступает регулярность соприсутствия говорящего и слушающего (интеракции лицом к лицу), что находит свое отображение в диалоге: «В разговоре слушающий должен стать говорящим, а говорящий слушающим. Мы должны меняться ролями. Мы должны меняться своими ролями говорящего и слушающего до того, как мы станем говорить действительно и истинно» [203, с. 54-118].

Следует отметить, что базой для лингвистического поворота в философии стали идеи В. фон Гумбольдта о языке, а также теория речевых актов, теория аргументации и символический интеракционизм, которые и обусловили появление концепции универсальной грамматики Ю. Хабермаса. «Универсальная прагматика тематизирует элементарные единицы речи (высказывания) таким же образом, как лингвистика тематизирует элементарные единицы языка (предложения). Цель реконструктивного лингвистического анализа заключается в эксплицитном описании правил, которыми компетентный говорящий должен овладеть, чтобы сформировать грамматические предложения и высказывать их в приемлемой форме ... Общая теория речевых актов, т.о., будет описывать эту систему правил ...» (Ю. Хабермас).

М.Л. Макаров в монографической работе «Основы теории дискурса» [148, с. 202], анализируя различные трактовки понятия «дискурс», выделяет следующие координаты, с помощью которых определяется дискурс: формальная, функциональная, ситуативная интерпретации. Так, *формальная* интерпретация представляет дискурс как образование выше уровня предложения; *функциональная* интерпретация в широком понимании видит дискурс как использование (употребление) языка, то есть речи во всех ее разновидностях. *Компромиссным вариантом* (в узком понимании) является понимание дискурса как целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка. А с точки зрения *ситуативной* интерпретации под дискурсом понимается учет социально, психологически и культурно значимых условий и обстоятельств общения, то есть поле прагмалингвистического исследования. В связи с этим закономерным является обращение к дискурсу со стороны многих ученых, разрабатывающих теорию речевых актов, логическую прагматику общения, разговорный анализ, анализ диалога, лингвистический анализ текста, критический анализ дискурса, проблемы социолингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистики, психолингвистики, межкультурной коммуникации, которые непосредственно связаны с философской антропологией.

В книге «Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ»,

где представлены научные статьи, разработанные представителями зарубежной и отечественной науки, касающиеся различных теорий дискурса, О. Русакова делает такое заключение относительно понимания дискурса: «Мы определяем *дискурс* как сложноструктурированную коммуникативно-знаковую систему, обладающую *шестью* основными планами: *интенциональным* (властные интенции, стратегии, замыслы), *актуальным* (воплощение властных интенций в реальной деятельности, имеющей знаково-символический характер), *виртуальным* (распознавание и понимание смыслов, ценностей, идентичностей), *контекстуальным* (расширение смыслового поля на основе социокультурных, исторических и иных контекстов), *психологическим* (эмоциональный, энергетический заряд, содержащийся в дискурсе и придающей ему суггестивную силу) и «*осадочным*» (запечатление всех перечисленных выше планов в общественном сознании и опыте, в той конструируемой и материализуемой обществом среде, формы которой являются отражением культуры)» [207].

Поскольку *дискурс* составляют единицы речевой деятельности – *речевые практики* (слово, высказывание, текст и т.п.), то следует назвать, какими характеристиками они обладают: 1) синтаксическими (план выражения – структура); 2) семантическими (план содержания – значение); 3) прагматическими (план сообщения – перлокуция).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с помощью анализа дискурса, а значит, и его составляющих – *речевых практик*, как лингвистика, так и философия имеют своей целью изучение смыслов, которые существуют для человека в актах его взаимодействия с другими людьми. Правомерно сказать о том, что, с одной стороны, дискурс может выступать в качестве *совокупности* речевых практик, а с другой стороны, дискурс – это сама речевая практика («чистая практика» – М. Фуко), выступающая в виде сегмента целого «дискурса» (слово, высказывание, текст и т.д.), что несёт в себе содержание и действие, возникая из ментальных процессов, которые пересекаются с психологическими, социальными, культурными и другими аспектами жизни [89, с. 122-126].

Рассматривая речевые практики через призму дискурса, можно заметить, что

язык здесь выступает в качестве «изменчивого органа мысли» (А.А. Потебня), отражающего как реальность, характерную для данного пространства и времени, так и дискурсы, которые фиксируют общую систему значений, а также и то новое, находящее выражение в творческой функции языка. В этом отношении справедливо утверждает М.М. Бахтин, – «речь – это язык *in actu*. Недопустимо противопоставление в какой бы то ни было форме языка и речи. Речь также социальна, как и язык. Формы высказываний также социальны, определяются общением, как и язык» [15, с. 212]. А это позволяет утверждать, что структура речевых практик отображает как лингвистические, так и ментальные структуры национальных языков и национальных картин мира, поэтому исследование *речевых практик*, отражающих степень воздействия социокультурных факторов на процесс коммуникации, является построением *модели межкультурного взаимодействия*.

В настоящее время *дискурсивная практика*, представленная в виде множества дискурсов (речевых практик), исследуя которые возможно раскрыть их развивающуюся сущность, поскольку, являясь фрагментом истории, каждый из них подвержен постоянному переосмыслению [247], служит ярким отражением постоянно происходящего процесса обновления языка и речи. В связи с этим необходимо отметить и тот факт, что язык, речь и дискурс уже не могут быть замкнутыми в себе системами, они представляют собой целостное триединство (Т.Е. Владимирова), поскольку каждая составляющая этого единства, являясь «самой в себе», и имея не только единую природу, но в тоже время и отличительные черты, имеет неразрывную связь, что соединяет всех трех в контексте речевых практик социокультурной коммуникации.

Социокультурная коммуникация выступает источником жизнеспособности, условием самодостаточности социального организма, что отражается в его *речевых практиках*. Коммуникативные аспекты речевых практик актуализируются при рассмотрении новых способов коммуникации, информационного обмена, обмена между различными культурами, новых технологий коммуникации.

Возвращаясь к моделированию, рассмотрим модели языковых практик, которые нашли свое отражение в контексте философско-антропологического

анализа посредством актуализации языка в речи, т.е. в социокультурной коммуникации.

3.2. Модели языковых практик в контексте философско-антропологического анализа

Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, правомерно условно в качестве гипотезы выделить *модели языковых практик*, поскольку, согласно Джею Форрестеру, человек всегда действует на основе моделей, что есть у него в распоряжении: «Каждый человек, который предлагает политику, закон или последовательность действий, делает это на основе модели, к которой он в данный момент питает наибольшее доверие» [245, с. 72]. Сегодня, в начале XXI века, моделями могут выступать также и мыслительные образы, которые применяются в качестве основы для действий (С.К. Гураль).

В контексте философско-антропологического анализа рассмотрим *7 моделей языковых практик* социокультурной коммуникации: 1) формально-логическую / философия языка или лингвистическая философия (Аристотель, Дж. Остин, Дж. Сёрль и др.), 2) семантическую (М. Бахтин, Ф. де Соссюр и др.), 3) герменевтическую (Г. Гадамер и др.), 4) экстралингвистическую / концепция языковых игр (Л. Витгенштейн и др.), 5) структуралистскую (К. Леви-Стросс, М. Фуко и др.), 6) интеракционистскую (К.-О. Апель, Дж. Гампертц, И. Гоффман, Ю. Хабермас и др.), 7) постнеклассическую (М. Кастельс, М. Маклюэн и др.).

В качестве суждений для описания этих *семи моделей языка* необходимо исходить из таких понятий как «высказывание», «субъект», «понимание».

Мы придерживаемся точки зрения М.Ф. Гербовицкой [53] в том, что используя понятие «субъект», необходимо различать «единичность» и «субъектность» в структуре «Личности» или в структуре «Я», поскольку «единичность явлена как поток бессубъектного сознания, сознания дорефлексивного, безличного» [71, с. 48-80]. Эта единичность выступает в роли целостного с предметом собственной веры. «Единичность пребывает в состоянии самодостаточности, самоидентичности и структурно не способна выйти за

пределы себя. Для того, чтобы вывести единичное из этого состояния самотождественности, необходимо присутствие Другого» [53]. Именно Другой задает проблематику единичного, оказывая помощь по отношению к предмету собственной веры, результате чего и возникает Субъект. Субъект находит свое отражение в результате раздвоенности «Я» внутри себя. Появляется как бы «символический Другой», который направляет своеобразный внутренний контекст личности, создавая при этом образ «Я», что раскрывается в неповторимых субъектных образованиях или смысло-образах, т.е. речевых практиках, как на уровне межличностного, так и на уровне межкультурного общения, выступающих непременным условием понимания субъектом себя и окружающего его мира, поскольку «человек с его внутренним миром и впредь будет занимать – можно не сомневаться – огромную область пространства языка» [158, с. 110], а язык, в свою очередь, это не то, что хранится в словарях и грамматиках, а это то, что живет в людях [153, с. 95].

Базируясь на сказанном, очевидно, что актуализация внутренних структур «Я», его «переструктурирование» или переустройство является стимулом для создания речевых практик, которые отражаются в речевом этикете представителей различных культур и этносов [86, с. 329-335].

Однако, не стоит забывать и о роли Другого в контексте «диалога», поскольку для того, чтобы достичь глубины взаимоотношений необходимо обозначить в межличностном дискурсе *духовное начало*, которое можно назвать духовным общением, ибо в «диалоге личностей» (М.М. Бахтин) можно заметить проявление тех ценностных представлений и норм, которые появляются как «всякий раз качественно новая информация – плод слияния информационных потоков, идущих от уникальных духовных миров партнеров» [105, с. 271], поэтому следует изучать не только язык, а человека в языке (Э. Бенвенист), что еще раз задает тон антропоцентричности в языке.

Формально-логическая модель языковых практик [93, с. 187-189] нашла свое отражение в формальной логике Аристотеля, которая направлена на рассмотрение изолированных предложений-высказываний, строящихся с учетом правил

формальной логики. Аристотель писал так: «Какие у нас сложились привычки, такого изложения мы и требуем. И одни хотят, чтобы всё излагалось точно, а другим точность не по душе или потому, что они не в силах связать одного с другим, или потому, что, по их мнению, это – крохоборство» [51, с. 107]. Здесь предложение «абстрагируется от всего, о чем в нем явно не говорится» [48, с. 43-60], поэтому его можно назвать «предложением в себе» (М.Ф. Гербовицкая), где из-за формализованности в нем как бы исключен субъект высказывания. В связи с этим язык из средства самовыражения и самореализации становится похожим на некую «нормирующую и уравнивающую силу» [48, с. 43-60], поскольку широкое культурное пространство служит естественной средой для жизни слов, которые, в свою очередь, по мнению Дж. Остина, чаще всего обретают значения в процессе совершения социальных действий, где важен определенный «контекст, в котором произносятся эти слова» [292, с. 76], проясняющий суть языкового намерения и указывающий на «один из путей, которым язык развивается в гармонии с социумом, который на нем говорит» [181, с. 274].

Речевые акты направлены на совместную деятельность людей, а значит, они имеют своей целью «направление» диалога (П. Грайс): «... от всякого, кто стремиться к достижению конечных целей речевого общения / коммуникации ожидается, что он заинтересован в этом общении» [58, с. 226]. А это, в свою очередь, и стало отправной точкой в осмыслении речевого взаимодействия представителей разных культурных общностей (теория речевых актов – Дж. Сёрль, Дж. Остин) [292, с. 76], ибо межкультурный обмен смыслом есть форма делового, эффективного сотрудничества, поскольку «замысел, внутренне присущий ему, как акту данного типа» [213, с. 252]. В связи с этим справедливо утверждение Н.Д. Арутюновой о том, что «межличностные отношения структурированы по модели речевого взаимодействия» [11, с. 4], ибо здесь задается не только смысловое единство, которое выступает самой возможностью общения, но и формируется процесс социального познания, чувства, эмоционально-волевые качества, мотивационно-потребностная сфера людей [205, с. 113-116].

Согласно теории речевых актов Дж. Остина, следует отметить, что

механизмы языкового взаимодействия начинают функционировать в обществе в то время, когда « ... склонность доверять собеседнику, принимать во внимание свидетельства очевидцев является (основным) условием общения» [181, с. 103], поскольку именно ценностные представления и стереотипы принятия решений являются для говорящего теми связующими нитями высказывания и дискурсивной практикой.

Межличностный дискурс создается под воздействием языка в виде «ментальных миров» («вера, страх, надежда, желание, любовь, ненависть, симпатия, неприязнь, сомнение, удивление, удовольствие, восторг, уныние, тревога, гордость, раскаяние, скорбь, огорчение, виновность») [214, с. 99], окружающей действительности как «мира реальности» с характерными для неё определенными идеологемами, и личностных оценок взаимоотношений, поэтому то семантико-прагматическое поле общения, которое возникает между представителями различных культур и этносов «не может, – по справедливому утверждению Т.Е. Владимировой, – отождествляться с инертным, безвоздушным пространством и должно анализироваться как уникальное поле взаимодействия личностей и культур» [38, с. 216], с чем мы полностью согласны.

А для этого необходимо обратиться к следующей модели – семантической, которая направлена на преодоление предположения об изолированности высказывания и возможной его формализации, поскольку «все человеческие мысли вполне разрешаются на немногие, как бы первичные», образуя при этом «некий алфавит человеческих мыслей» [134, с. 414, 502].

Семантическая модель языковых практик [91, с. 130-132] была детально разработана в структурной лингвистике Ф. де Соссюра, где язык представлен с помощью метода описания извне, а в качестве объектов описания выступает знак и его формальное значение. Ф. де Соссюр использовал термин «значимость» (фр. *valeur* – ценность), который закрепился в научной литературе и стал категориальным, как и термин «значение». Использование термина «значимость» может соотноситься как с синонимом слова «значение», так и с положением знака в системе, с информацией о различных связях знака (сопоставления или

противопоставления). Слово, высказывание, – по утверждению Ф. де Соссюра, – «надо сравнить с подобными ему значениями, то есть с другими словами, которые можно ему противопоставить ... Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще главным образом значимостью, а это нечто совсем другое» [222, с. 148]. В связи с этим можно предположить, что данная языковая модель преодолевает тезис об изолированности высказывания, где в качестве единиц анализа уже выступают высказывания, предложения-высказывания, которые объединены некоторой ситуацией, поскольку «языковая семантика – это неотъемлемая и основная часть человеческого сознания, важнейшее средство его формирования бытия. Язык живет в сознании, а сознание главным образом – в языке. Это диалектически единая сущность ... » [153, с. 63], что, в свою очередь, порождает социальную обусловленность языка, т.е. способ существования и развития языка, являющийся той основой, которая обеспечивает реализацию заложенной в человеке языковой способности и взаимообуславливает связь всего сущего, позволяя уже говорить не о изучении языка «в самом себе и для себя» (Ф. де Соссюр), а об антропологическом факторе в языке. Так открывается «путь к осознанию самого человека – творца языка и языкового многообразия» (В.Н. Манакин).

Основываясь на идеях Ф. де Соссюра, Р. Якобсон о задаче всей лингвистики писал так: «... найти те силы, которые постоянно и универсально действуют во всех языках» [271, с. 414], а для этого необходимо принятие *трёх постулатов*, касающихся идеи единства всех языков мира: 1) о единстве реальности и объективного сознания (сознания-реальности), что находят своё отражение в языках, действительной частью которых является сам язык; 2) о единстве ментально-психологических законов познания мира, что базируются на лингвистических универсалиях, определяя важнейшие языковые законы и категории; 3) о единстве языковой способности как всеобщем человеческом даре, который имеет генетико-биологическую природу. Именно такие условно выделенные положения единства «не имеют видимых границ и представляются взаимопереходящими воплощениями единства высшего порядка – космического

единства на ноосферическом уровне» [153, с. 66], которое нашло свое отражение в «межкультурном диалоге» или «диалоге культур» М.М. Бахтина, где происходит взаимодействие «голосов», а важным и неотъемлемым фактором выступает антропологическая концепция целостности (единство природной, бытийной и духовной сущности человека), где каждый язык по-своему оригинально выражает сущность человеческого языка вообще: культура «самоотражения в другом и для другого» (М.М. Бахтин), поскольку культура диалогична и открыта в бесконечность, и подлинный смысл текста никогда не может быть изучен полностью, приближение к нему представляет бесконечный процесс. «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, какие она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая нам новые свои стороны, новые свои глубины. Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьёзных, подлинных). При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет своё единство и *открытую целостность*, но они взаимно обогащаются» [14, с. 335], что ещё раз доказывает то, что речевые практики, рассматриваемые нами в виде различных межкультурных дискурсов на уровне «космического единства», представляют собой дискурсы, каждый из которых является «открытой целостностью». А это, в свою очередь, дает основание на рассмотрение проблемы субъектности, а, значит, и проблемы понимания, или, говоря иначе, «индивидуально-субъективной» или герменевтической модели.

Герменевтическая модель языковых практик [94, с. 129-131] представлена в работах Г. Гадамера [47]. Данная модель имеет своей целью рассмотрение смысла речевого высказывания в виде некой целостности, включающей «мотивы высказывания», «ситуацию (или контекст) высказывания», «ситуацию субъекта высказывания» в направлении «приведения его (смысла) к присутствию», создавая некий обмен «действительного языка» – это взаимообмен мыслями для открытия истины и правды бытия, что гарантирует непрерывное протекание разговора между участниками и дает право на очередной «речевой вклад». По мнению Б.В. Маркова, герменевтическая модель «должна быть не только искусством

понимания, но и средством его рефлексии (отражения) ... Герменевтика указывает на фундаментальную роль предструктуры понимания, функционирующую в неконтролируемой экспериментом и теоретическим анализом обыденной речи; благодаря этому психоаналитик может обнаружить относительность ранее объективистски трактуемых инстанций – «Оно», «Я» и «Сверх-Я». Ни одна из них не является абсолютной, и поэтому в случае психического конфликта возникает вопрос о том, какие из них подлежат изменению. Таким образом, герменевтика вплотную подводит психоаналитика к проблеме коммуникации языков психологии, социологии, культурологии, философии, а также обыденного общения» [154, с. 63-64].

В отношении нашего исследования следует отметить, поскольку отношения между субъектами строятся на основе текстов, образованных культурным опытом, что обобщён во множестве знаков, которые подчинены мироощущению говорящего, то для их понимания требуется интерпретация. «У Ф. Шлейермахера толкование текста становится методом постижения Другого, а процедура «вчувствования» призвана обеспечить проникновение во внутренний мир Другого» [139, с. 40-46]. Поэтому, на наш взгляд, справедливым является то, что в последнее время представителями герменевтики высказывается мысль о том, что «язык не просто выражает чувства, но и каким-то образом их культивирует и создает» [154, с. 89]. В связи с этим можно предположить, что речевые практики могут служить способом порождения и реализации *смысла*. Это своеобразные ответы на вопросы, представленные в виде бесконечного мирового океана смысла (Д. Бом). «То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [14, с. 350]. Именно на этом и базируется герменевтический «принцип диалога» Х.Г. Гадамера: «Следует, прежде всего, найти вопрос, ответом на который является данное произведение, если мы хотим понять его в качестве ответа» [47, с. 434]. Все, что было исключено из диалога, не имеет уже смысла, а то, что имеет значение, представляет собой «потенцию смысла». Говоря об этом, М.М. Бахтин указывал: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи понимающего» [14,

с. 350].

Таким образом, герменевтическая модель языковых практик будет отражать то гармоничное взаимодействие представителей разных культур и этносов только тогда, когда будет нацелена не на «слушающего», а на «отвечающего», поскольку каждое высказывание всегда направлено навстречу адресату с учетом возможных ответных реакций. Такое «двуголосое» слово или высказывание облегчает восприятие, глубоко кодируется в произвольной памяти, а также сохраняется в ней. Именно в такой интерпретации происходит интуитивное схватывание общего смысла высказывания и хранение его лично-значимых частей в произвольной памяти, которые выступают в роли звеньев «речевой цепи» (Т.Е. Владимирова) [38, с. 29]. Несмотря на то, что коммуниканты-инофоны на начальном этапе изучения языка имеют недостаточные речевые умения и навыки, они будут стремиться к социализации и «вчувствованию» тех речевых практик, которыми наделены, в первую очередь, носители русского/украинского языка (преподаватели, педагоги, сокурсники и т.д.), чтобы в достаточной мере облегчить свое вхождение в общественную жизнь социума и в дискурсивную практику изучаемого языка в целом, поскольку межкультурное взаимодействие и общение базируется не только на заучивании норм и правил речевого поведения того или иного этноса, но и на восприятии окружающей социальной действительности как через призму носителя языка, так и через призму того или иного представителя фирмы (центра, землячества и т.п.), в достаточной мере владеющего русским/украинским языком. Именно через потребность в поиске языка понимания у человека возникает желание понять самого себя, на что и акцентирует свое внимание герменевтика. Так, опыт «Я» становится центром, где происходит формирование горизонта – горизонта понимания, который активизируется из собственных мыслительных процессов коммуникантов-инофонов посредством диалоговой вопрос-ответной системы.

Можно заметить, что процесс творчества или, иными словами, искусство интерпретации смысла – «некая бесконечность» [266, с. 487] – это своеобразная *игра*, куда погружается человек в процессе творчества-диалога, на что и

акцентировал свое внимание Х.-Г. Гадамер: «Сущность вопроса заключается в открытии возможностей и в том, чтобы они оставались открытыми. Если, следовательно, – принимая во внимание то, что нам говорит другой человек или текст, – какой-либо предрассудок ставится под вопрос, то это вовсе не значит, что мы его просто отбрасываем в пользу кого-либо или чего-либо другого... В действительности наш собственный предрассудок по-настоящему вводится в игру благодаря тому, что мы ставим его на карту. Только в полной мере участвуя в игре, он способен осознать притязание на истину другого предрассудка и позволить ему тоже в свою очередь участвовать в ней» [47, с. 35]. Именно на это и направлено наше следующее рассмотрение, представленное в виде экстралингвистической модели языковых практик.

Экстралингвистическая модель языковых практик [92, с. 79-81] включает в себя практику языковых игр Л. Витгенштейна [37]. Данная лингвистическая концепция представлена в виде языковой игры позиционирования (игра идентичностей, в результате которой могут возникать новые формы субъектности, появляться новые позиции). Л. Витгенштейн писал: «Языковой игрой я буду называть единое целое: язык и действия, с которыми он переплетен» [169, с. 176], т.е. какой-нибудь определенный язык – это языковая игра – это «некоторая форма жизни» [36, с. 95], поскольку «... игра учит и языку, и культуре, и различным формам жизни. Именно в ней формируются собственно человеческие формы жизни, в которых сливаются воедино язык, телесное поведение и ментальные переживания» [154, с. 89], что перекликается с «жизненным миром» в феноменологической традиции. Как каждая игра, «игра», представленная Л. Витгенштейном в виде коммуникативной ситуации, имеет определенные границы, в которых она происходит (участники, цели общения, фоновые знания участников, лексико-грамматические правила). «Языковые игры выступают как метод концептуального прояснения: скрытое в статике языка выявляется в его действии, динамике» [169, с. 178], поскольку игра сопутствует человечеству на протяжении всей его истории: «наиболее заметные первоначальные проявления общественной деятельности человека все уже пронизаны игрою» [257, с. 24], что

находит свое отражение непосредственно в речевых практиках межкультурной коммуникации в виде «одежд» и «шалей», скрывающих формы тела (Л. Витгенштейн), ибо именно в этом и проявляется «поразительное разнообразие всех повседневных языковых игр» [169, с. 179], охватывающих всех носителей языка, вне зависимости от их желания/нежелания и т.п. Ведь сама игра стала возможной благодаря тем свойствам, которые имманентно присущи языку как основному инструменту общения, познания человека и мира, передачи и хранения национальной ментальности [33, с. 14]. Так, Й. Хёйзинга справедливо указывал на то, что «язык, посредством которого человек различает, определяет, устанавливает, ..., именуется, т.е. возвышает вещи до сферы духа. Играя, речетворящий дух то и дело перескакивает из области вещественного в область мысли. Всякое абстрактное выражение есть речевой образ, всякий речевой образ есть не что иное, как игра слов» [257, с. 24], что, на наш взгляд, соотносится с известной метафорой Л.В. Щербы о том, что мысль находится «под колпачком» слова.

Взаимосвязь игры и культуры кроется в высших формах социальной игры (Й. Хёйзинга), там, где она проходит в упорядоченных действиях группы (нескольких групп) или сообщества, что противостоят друг другу, поэтому особенностью языковой игры является то, что значения, которые рождаются в контексте игры, выступают в виде образов языкового действия, т.е. «образцом реализации определенных коммуникативных намерений в контексте конкретной коммуникативной ситуации и по отношению к партнеру, представителю иной культуры, выраженной устными в данной ситуации языковыми и неязыковыми средствами» [99, с. 9-13]. Отметим, что именно Л. Витгенштейном было введено изучение языка в контексте коммуникативной проблематики. В его поздних работах язык связан не только с процессом взаимодействия, но и с процессом взаимопонимания людей («слова суть дела»), при котором структуры языка конституируются с помощью интерактивной игры взаимопонимания, что особенно важно в контексте межкультурной коммуникации, поскольку в процессе языковой игры, у инофонов, находясь как бы в «состоянии противостояния», происходит процесс развития *речевой конвергенции* (от лат. *convergere* – приближаться,

сходиться), что выражается в уподоблении или сближении речевого поведения коммуникантов. «Адекватность речевого поведения коммуникантов оценивается успехом речевого взаимодействия, т.е. достижением коммуникативной цели, а также соответствием правилам речевого и неречевого поведения в данном культурном обществе» [99, с. 9-13]. Поэтому, можно сказать, что речевые практики выступают не только, в виде продукта речевой деятельности, но и являются творческим процессом их создания, что обуславливается экстралингвистическими факторами и условиями осуществления коммуникации.

Однако совсем иначе рассматривается язык относительно структуралистской модели, «в которой язык как система предзадан процессу коммуникативного общения, а не конституируется внутри его» [169, с. 180].

Структуралистская модель языковых практик базируется на рассмотрении речевых практик в форме дискурса, поскольку «концепция дискурса является неотъемлемой частью современных наук о человеке» [189], что нашло свое отражение в работах К. Леви-Стросса [132], М. Фуко [246] и др. Согласно М. Фуко, инструментом освоения реальности является речь, *речевая практика* людей, в процессе которой не только осваивается «обговаривается» мир, но и складываются правила этого обговаривания, правила самой речи, а значит и мыслительные конструкции, поскольку речь наделена социокультурным измерением, а «культурные ресурсы не дополняют человеческое мышление, а являются его неотъемлемой частью» [55, с. 50] или язык, преобразованный говорящим субъектом и включенный в конкретный социокультурный контекст. В связи с этим речь, представленная в виде речевых практик, называется дискурсом. А дискурс, в свою очередь, как «существенная составляющая социокультурного взаимодействия» (А.Р. Усманова), является одновременно и процессом и результатом: в виде сложившихся способов, правил, логики обсуждения чего-либо, т.е. «это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест» (М. Фуко), где происходит контакт языка и реальности, лексики и опыта [246, с. 48, 55]. В основании любого дискурса находится слово, высказывание, предложение, текст. А это те «атомы» речевых практик, которые дают некое первоначальное

обобщение, образ, конвенцию.

Иначе говоря, дискурсивные явления, а значит, речевые практики, представлены и необходимы в «человеческом пространстве» (*people – space*) [291, с. 31], которое устанавливается между общающимися индивидами, что играют соответствующие коммуникативные, социальные, культурные, межличностные, идеологические, психологические роли. Об этом в одной из своих работ Ю.С. Степанов пишет так: «Дискурс – это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века» [228, с. 71], имеющая «особое использование языка» для выражения особой ментальности и даже «особой идеологии» [228, с. 38], что делает возможным наше дальнейшее рассуждение, базирующееся на межкультурном дискурсе представителей разных культур и этносов, поскольку дискурс – это та социальная деятельность, происходящая с помощью или же посредством языка в условиях реального мира и реального взаимодействия людей. Как справедливо отмечает М.А. Можейко, «в отличие от классической традиции, современная культура, по мысли Фуко, стоит перед задачей реабилитации дискурсивности как способности дискурса к спонтанной смыслопорождающей организации» [165], где каждый дискурс имеет право на существование, поскольку это один из «возможных миров», что воплощен в межкультурном взаимодействии в виде речевых практик, которые воспринимаются «в качестве немедленно предлагаемой ценности» (К. Леви-Стросс), с помощью чего сама речь на равных правах включается в обменные процессы.

Согласно К. Леви-Строссу, с помощью структурной антропологии – синтетической науки о человеке, объединяющей методы естественных, гуманитарных и социальных наук, возможно «уловить универсальные основания Вселенной» [121, с. 183-184], увидеть единство человеческих культур посредством различия способов выявления их внутренних взаимосвязей, а в нашем случае, позволит рассмотреть речевые практики посредством межкультурного диалога в виде «звукового континуума» (К. Леви-Стросс), поскольку «общество, в соответствии с этим, рассматривается с позиций семиотики и теории информации, как полиморфная система коммуникаций (противоположность полов, имущество,

лингвистических знаков), имеющих инвариантом фундаментальное означаемое в форме бинарных оппозиций» (А.А. Горных) [176]. Однако, чтобы преодолеть бинарные оппозиции в мифе познание должно идти от регистрации фактов (этнография: речевые практики разных культур), используя при этом сравнительный метод структурной антропологии, ведущий к конечной стадии синтеза (этнология: «единство культур в многообразии»), что позволит выявить бессознательную структуру человеческого разума. Так, по утверждению К. Леви-Стросса, возникает концепция наличия универсальных мировых связей. Она была выражена ученым (К. Леви-Стросс) в характеристике своей концепции как «нового гуманизма», который позволяет людям жить, общаться в согласии друг с другом и с природой, а это, в свою очередь, еще раз доказывает тезис о том, что «язык – дом духа», а значит «язык – дом бытия» (М. Хайдеггер), о чем и пойдет речь в нашей следующей модели – интеракционистской.

Главным принципом *интеракционистской модели языковых практик* выступает взаимодействие, «помещенное в социально-культурные условия ситуации» [148, с. 38]. Именно коммуникативно обусловленная социальная практика (ситуативное значение) объясняет природу (транс)формации смыслов в общении, а не языковые структуры кода [297, с. 398-405]. Данная модель опирается на идеи К.-О. Апеля, Дж. Гамперца, И. Гоффмана, Ю. Хабермаса и др.

Дж. Гамперцем в работе «Стратегии дискурса» [283] была обоснована антропологическая составляющая в развитии данной модели, в которой он в качестве цели исследования использует поиск и развитие интерпретативных социолингвистических подходов к анализу процессов, что происходят в реально протекающем пространстве и времени непосредственном общении, обозначенном им «*face-to-face*», т.е. «лицом к лицу».

В основу исследований Дж. Гамперца [284; 285] были положены базовые составляющие социальной и культурной антропологии, включающие в себя языковое значение, внутреннюю структуру языка, применение социально-культурных маркеров языка, что подчёркивают их социально-культурную обусловленность. Следует также сказать о том, что согласно Дж. Гамперцу, речевое

сообщество представляет собой «любая совокупность людей, для которой характерно регулярное или постоянное взаимодействие на основе общих, известных всем языковых правил» [179], поскольку для интеракционистов важно, как люди строят, дискурсивно конструируют собственные ситуативные модели общества, каков жизненный опыт взаимодействующих индивидов. Согласно Сартру, каждый индивид речевого сообщества представляет собой «всеобщее единичное» («universal singular») [296], в жизни которого воплощаются общие и частные черты исторической и культурной эпохи, в результате чего «индивидуальное является одновременно и общим, общечеловеческим» [21, с. 207].

В данной модели основное внимание уделяется представлению *демонстрации смыслов*, хотя их совсем не обязательно распознавать и интерпретировать реципиенту (адресату или получателю). Смыслы могут быть выражены любой формой коммуникативного поведения (действие/бездействие, речь/молчание) и в определенной ситуации могут быть коммуникативно значимыми, ибо «пока человек находится в ситуации общения и может быть наблюдаем другим человеком, он демонстрирует смыслы, хочет он этого или нет. При этом важную роль играет активность воспринимающего Другого: без соучастия коммуникантов в едином процессе демонстрации смыслов и особенно их интерпретации не могло бы быть ни общения, ни совместной деятельности» [148, с. 39]. Эта интерпретация смыслов выступает в виде «гибкой диалектики коллективного осмысления социальной действительности на пути к достижению intersубъективности», представленной в виде постоянно изменяющейся «общности интересов, действий и т.п.» и направленной на воспроизводство и поддержание её в каждом новом акте общения.

Однако чтобы разобраться в сложном взаимодействии и взаимообусловленности языка, мышления, культуры и общества, нужно построить *конститутивную* или *конструктивную* модель общения, отражающую эту практику, которая в дальнейшем сможет стать *интегративной моделью теории коммуникации* (М.Ю. Олешков), поскольку именно она состоит из всех аспектов коммуникации: языкового, социального, психологического, технологического,

семиотического, культурологического и др. В качестве подтверждения для этих предположений могут служить слова Дж. Гамперца, справедливо указывавшего на то, что нам необходима «общая теория вербальной коммуникации, которая интегрирует наши знания о грамматике, культуре и интерактивных конвенциях в единый всеобъемлющий комплекс понятий и аналитических процедур» [283, с. 4]. А это еще раз доказывает то, что именно интеракционистская модель языковых практик приближает нас к дискурсивной онтологии.

Проблемами языковой коммуникации занимался И. Гоффман [281]. У Гоффмана речь связана с интерактивным контекстом, но в анализе она представлена как последовательность высказываний [282], поскольку ученый придерживался плюралистической концепции общества – «Плюралистической Вселенной», которая обосновывала его демократическую идею «многообразия религиозного опыта» [57, с. 5-29].

Основные принципы символического интеракционизма были приняты И. Гоффманом для анализа социальной деятельности, «для микроанализа особой реальности», что возникает только в социальных ситуациях, а значит там, где участники находятся в физическом присутствии друг друга и имеют возможность реагировать на действия других, или, согласно И. Гоффману, в «порядке взаимодействия». В подходах И. Гоффмана к социальным микросистемам взаимодействия «порядок взаимодействия» или социальное взаимодействие следует трактовать как порядок социального взаимодействия «лицом к лицу» (Дж. Гамперц), обращая внимание при этом на жизненный опыт, переживания участников интеракции, особую ментальность гражданина демократического общества.

Согласно И. Гоффману, межличностное, межкультурное взаимодействие людей – это своеобразная «ситуационная» театральная пьеса, в которой люди разыгрывают роли и представление, являясь одновременно и режиссером, и актером, и при этом, тщательно охраняя места своих «частных кулис», где они могут расслабиться после представления (концепция управления впечатлениями). Люди, стараясь «сохранить свое лицо», сами создают ситуации для выражения

символических значений (как с помощью вербального, так и невербального уровней: произвольные жесты и «словесные жесты» (Д. Мид)). Исполнители и публика, перед которой они «стараятся», действуют так, как будто между ними существует молчаливое обязательство поддерживать определенное *равновесие противостояния и согласия*. Далее И. Гоффман отмечает, что всего этого можно достичь только с помощью «драматургической верности», «драматургической осмотрительности» и т.п. «По причине наглядной обзримости такие формы легче осваиваются и повторяются людьми (в этом освоении велика роль «эмпатии» – вживания в мир субъективных чувств партнеров), а по причине быстротечности этих форм разнородные во многих отношениях участники вынуждены быстро достигать рабочего взаимопонимания» [57, с. 5-29].

Идеи И. Гоффмана связаны с толкованием социальной реальности как непрерывно творимого продукта повседневных взаимодействий, смысловых интерпретаций и переинтерпретаций.

Продолжая говорить об *интеракционистской модели языковых практик*, где важным фактором выступает взаимодействие, следует сказать о целостной концепции коммуникации, целью которой стало раскрытие диалектики общего и частного в современной социальной реальности. Эта концепция коммуникации была разработана Ю. Хабермасом. Подтверждением этому могут служить слова известного современного философа Б.В. Маркова: «... универсальное основание морального единства он (Ю. Хабермас) видит в коммуникации: когда мы разговариваем с другими, то признаем их как самих себя» [248, с. 7].

В исследовании обращение к работам Ю. Хабермаса имеет важное значение, так как, можно сказать, что в его работах прослеживается путь исследования речевых практик в межкультурном взаимодействии, поскольку у философа понятие коммуникации связано с понятиями интеракционизма, интересубъективности, герменевтики, рациональности, интерпретации и т.д.

В отношении межличностной коммуникации Ю. Хабермас предлагал «переориентацию на субъект-субъектную структуру, моделируемую межличностным общением, – «интеракцию», понимаемую им не просто как

социальное взаимодействие, но как глубинную содержательную коммуникацию в личностно-значимой её артикуляции» [104].

Вслед за Дж. Серлем Ю. Хабермас считает речевой акт – единицей лингвистической коммуникации, исходя из смысла реализации предложения в высказывании. Основная же задача *универсальной грамматики* состоит, по мнению Ю. Хабермаса, в «исследовании и реконструкции универсальных условий возможного понимания», ибо именно понимание выступает в роли имманентной функцией речи. По Ю. Хабермасу, понятие дискурса связано с коммуникативным действием, которое ориентировано на взаимопонимание действующих индивидов, их консенсус, достижение которого возможно при координации действий коммуникантов. Ученый сформулировал прагматические универсалии успешного осуществления речевых актов (нормативные требования коммуникативной правильности), включающие три вида: *притязание на истину* (говорящий предполагает соответствие, о чем он говорит), *притязание на нормативную правильность* (уверенность говорящего базируется на том, что речевой акт не противоречит существующим языковым нормам и правилам), *притязание на правдивость* (говорящий исходит из того, что он высказывает, что он искренен). Следует отметить, что речевой акт будет успешным, если слушатель признал все три прагматические универсалии на значимость, что были выдвинуты говорящим.

Ю. Хабермас указывает на то, что герменевтическая философия XX века показала неразрывную связь разума с языком. Язык стал реальностью, что совершила переход к осознанию Другого, к интерсубъективности, к пониманию внутренней взаимосвязанности человечества в каждом своем действии.

В речевой ситуации и в сфере коммуникативной рациональности особое место у Ю. Хабермаса приобретает «сила лучшего аргумента», а не принуждения (этика дискурса: толерантность, консенсус, убеждения), поскольку только «консенсус делает общество обществом» (А.В. Назарчук). В таком отношении прагматическая структура коммуникации преодолевает любые ограничения. По Ю. Хабермасу, условия, при которых возможно рациональное соглашение, и создают «идеальную речевую ситуацию» [287].

Как уже отмечалось ранее, понятие коммуникации, коммуникативного действия – это основные темы философских размышлений Ю. Хабермаса. Для ученого «именно коммуникативное действие является универсальным элементом человеческого взаимодействия, ибо всякое стратегическое действие предполагает для своего осуществления задачу взаимопонимания» [169, с. 81].

Согласно Ю. Хабермасу, с прагматической точки зрения язык понимают «как коммуникативную практику субъектов, действующих, участвующих в дискурсах, решающих проблемы и таким образом, *обучающихся* субъектов. Языки не только раскрывают горизонты заранее интерпретированного жизненного мира. Они неуловимо опережающим образом не только прокладывают дороги возможных встреч с тем, что имеется в мире. Так как языковая коммуникация проходит во взаимных и нацеленных на критику претензиях на значимость ... » [249, с. 13]. Этот тезис великого ученого, на наш взгляд, наиболее полно отражает нашу концепцию речевых практик в межкультурном взаимодействии, поскольку «посредством коммуникативных действий открытие мира и процессы обучения внутри мира переплетаются. Коммуникативно-действующие субъекты принимают участие в этом взаимодействии, а тем самым имплицитно и в воспроизводстве их жизненного мира» [249, с. 14].

Говоря о речевых практиках в межкультурном взаимодействии, следует обратить внимание на оригинальный философский подход К.-О. Апеля, который получил название «трансцендентальной прагматики» (от лат. *transcendens* (*transcendentis*) – выходящий за пределы) [217, с. 516] и «дискурсивной этики».

Отметим, что языковая прагматика направлена на анализ употребления языка и повседневной коммуникации между людьми (Ч. Пирс: изучение знаковых систем на семантику, синтаксис, прагматику). Однако, если семантика и синтаксис – это аспекты языковой коммуникации, то прагматика, сочетая в себе разнородные, противоречивые, порой несовместимые воззрения, т.е. синкретически (слитно, нерасчлененно) пытается осмыслить проблему понимания людей друг с другом.

У К.-О. Апеля понятие коммуникации связано с понятием intersубъективности. Философ считает, что проблема intersубъективности может

быть решена в том случае, когда вся проблематика процесса познания будет направлена на уровень языка, а не субъекта. Поэтому К.-О. Апель обращает внимание на характеристику языка в интерпретации М. Хайдеггера, который характеризует язык как «дом бытия» и «приют человеческой сущности» [6, с. 77]. Если у Хайдеггера язык первичнее субъективности, то К.-О. Апель, «подобно Гадамеру ... сближает бытие и язык, именно язык есть бытие. Герменевтика Апелю по душе, но лишь постольку, поскольку она совместима с достижениями аналитической философии. ... Апель – и герменевтик, и аналитик» [107]. Огромное влияние на К.-О. Апеля-аналитика оказали идеи Л. Витгенштейна и его концепция языка как предела понимания мира, куда входит «языковое употребление, жизненная форма и освоение мира». Исходя из этого, К.-О. Апель считает, что язык – это «и реально-историческая взаимосвязь, из которой её участники не могут выйти, и идеальная взаимосвязь понимания в идеальном коммуникативном сообществе. Язык в таком понимании играет роль медиума в опосредовании эмпирической и трансцендентальной интерсубъективности. Он выступает в качестве органона (инструмента) познания, средства формулирования результатов познания и их сообщения партнерам по коммуникации. Он же составляет основу всех жизненных практик, форм, институтов» [168, с. 69-75].

Если Л. Витгенштейн рассматривал языковые игры как объективные факты («языки фактов»), которые не имеют ничего общего, кроме «семейного сходства», то К.-О. Апель ставит рассмотрение этой проблемы иначе, исходя из трансцендентального измерения теории познания [7, с. 218].

Согласно К.-О. Апелю, несмотря на внешнее различие языковых игр, в них есть нечто общее, т.е. то, что их участники приобретают «компетентность к рефлексии» [6, с. 86], а значит, можно предположить, что всякий, кто участвует в рефлексии и коммуникации, рассчитывает на взаимопонимание, согласие, консенсус [6, с. 90-92]. Если такого консенсуса не будет, то философствование не может состояться или будет малозначимым. Следует также отметить, что философствование предполагает *неограниченное* коммуникативное сообщество (речевые практики), поскольку только «неограниченное сообщество

экспериментаторов и интерпретаторов становится трансцендентальным субъектом этого постулируемого единства процесса познания» [169, с. 30]. Именно в таком контексте, где коммуникация не ограничена какими-нибудь рамками или аргументами, возможен ее успех. В качестве таких условий выступают условия для языковой игры идеального коммуникативного сообщества (или универсальной языковой игры в интерпретации К.-О. Апеля). Это такой «единственной «трансцендентальной» языковой игры, которая является условием возможности и значимости взаимопонимания» [169, с. 29], поскольку К.-О. Апеля интересует не сам язык, а те априори смысла, которые, задавая направление языку, ему предшествуют. Оригинальность данного подхода заключается, прежде всего, в том, что он базируется не на лингвистическом анализе использования языка, а на рефлексии языкового опыта и реконструкции его априорных структур.

Трансцендентальная прагматика проводит реконструкцию идеальной коммуникации, идеальных коммуникативных сообществ, участников, обладающих «коммуникативной компетенцией» и владеющих системой правил коммуникации. Мы разделяем мнение А.В. Назарчука в том, что «Апель апеллировал к генеративной (трансформационной) грамматике Н. Хомского» [169, с. 35], которая ввела различие между «языковой компетенцией» и «употреблением языка» [259]. Коммуникативная компетенция отличается от лингвистической (или языковой), поскольку она не является чисто формальной. Задачей коммуникативной компетенции является использование субъектом правильно построенных предложений в системе определенных отношений к реальности, что приведет к взаимопониманию.

Прагматические универсалии успешного осуществления речевых актов: *истинность, нормативная правильность, правдивость, понятность* (универсальная прагматика Ю. Хабермаса) всегда связаны с intersubъективным измерением. «Intersubъективно значимое мнение, которое не может более быть никем оспорено на основании имеющихся критериев, ... должно быть для нас идентично с понятием истины; т.е. она должна как intersubъективно значимое мнение быть одновременно – как онтологическое отношение не доказуемой –

адекватной репрезентации реального (и задающим масштаб эквивалентом не доступного для нас разума Бога)» [цит. по [169, с. 40]]. А понятие истины, в свою очередь, находит разрешение в дискурсе коммуникативного сообщества, поскольку дискурс представляет собой не эмпирическую цель целерациональных действий из субъективных интересов, «а условием возможности реализации intersубъективно значимого мышления» (К.-О. Апель).

Исходя из сказанного, отметим, что в трансцендентальной прагматике К.О. Апеля роль языка занимает главенствующее положение. Язык здесь является как средой, в которой происходит трансцендентально-прагматическая рефлексия, средством такой рефлексии, так и средством формулирования результатов познания и их сообщения партнерам по коммуникации, поскольку для каждого общества характерна intersубъективность как языковая игра. Однако, хотя синтаксис и семантика различных языков отличаются друг от друга, прагматика для всех языков универсальна, что является важным при рассмотрении речевых практик в межкультурном взаимодействии.

«Прагматика возвышается над семантикой и синтактикой. Философия изначально, ..., имеет прагматическое, а значит, и этическое содержание» [107], поэтому, можно сказать, что прагматические правила употребления языка могут рассматриваться как правила этики, поскольку мораль создается в языке, в коммуникации. «Наша коммуникация не просто направлена на «урегулирование» ситуаций. Нет, каждый коммуникативный акт способствует формированию более зрелого, учитывающего взаимные интересы и ценности, коммуникативного общества» [169, с. 62].

Согласно К.-О. Апелю, в коммуникативных сообществах языковые игры различны. В реальной жизни трудно найти как идеальные языковые игры, так и идеальные коммуникативные сообщества. Однако, опираясь на идеи философа, касательно условия возможности существования идеального коммуникативного сообщества, нужно сказать о том, что такое условие не взято из жизни, оно трансцендентально.

Таким образом, трансцендентальная прагматика, исследуя природу

коммуникации и природу языка, направлена на изучение правил употребления языка, представляя их как в категориальной форме, так и во взаимосвязи социума и социального действия. А это и находит отражение в речевых практиках в межкультурном взаимодействии, поскольку при вступлении в межличностный контакт коммуниканты-инофоны могут привносить в него самые разнообразные дискурсы, исходя из обсуждения проблем, которые находятся за пределами их обыденного сознания. Эти проблемы у представителей разных культур и этносов могут быть связаны, как с речевым этикетом, так и с будущей их профессиональной деятельностью и т.п.

Межличностный дискурс (общение в учебной группе, в спортивных учреждениях и т.п.) всегда дополняется дискурсом социальным. Сформировавшиеся ранее ценностные представления оказывают влияние на то или иное восприятие «новой» социальной реальности, вовлекаясь тем самым в формирующийся социальный дискурс. Однако, коммуниканты-инофоны, развиваясь и обогащаясь «новыми» межличностными дискурсами в процессе социализации, не теряют тех индивидуальных ценностных представлений, поскольку находятся под «силовым полем культуры» (В.С. Библер), которое обладает национальной спецификой и имеет огромное значение в общении с представителями иной лингвокультурной общности.

Говоря о роли субъекта в межличностном дискурсе, следует отметить, что в процессе общения говорящий (адресант) не только озвучивает свое мнение, отстаивая свою точку зрения собеседнику, но и одновременно выражает личностное отношение к адресату. Обращенные же к адресанту высказывания в это время воспринимаются им относительно имеющегося у него уровня компетентности и прошлого опыта, а также той конкретной речевой ситуации, в которой он находится в данное время.

По нашему мнению, для формирования коммуникативного сообщества необходимо выстраивание мостов для идеального консенсуса путем обращения к «диалогу личностей» (М.М. Бахтин) и к «априорным условиям коммуникации» (К.О. Апель), поскольку это поможет раскрытию социокультурного и личностного

смыслов, взаимосвязи между идеальным и реальным (дискурсивная этика К.О. Апеля), что непременно «просвечивает» через словесную ткань высказывания (М. Хайдеггер), отражаясь в речевых практиках представителей разных культур и этносов, т.е. в межкультурном взаимодействии.

Однако следует отметить, что у К.-О. Апеля при рассмотрении феномена коммуникации нигде не появляется проблематика связи процесса коммуникации и технических средств коммуникации, поскольку используемые в коммуникативном пространстве технические средства, сетевые технологии, медиакоммуникации и т.д. могут, как созидать, так и разрушать его.

Обращая внимание на послышки К.-О. Апеля относительно технических средств, в исследовании правомерно рассмотреть модель языковых практик, базирующуюся на достижениях постнеклассической науки, поскольку её основу составляют не принципы рационально-прагматического мышления (основные для классической науки), а принципы, по которым человек должен относиться к природе и миру в целом, на основе чисто объектной методологии. А для этого необходимо признание многообразия в качестве онтологического основания мироздания, придание статуса рациональности тем познавательным аспектам и практическим действиям, что способствуют выживанию человечества, признание диалога в качестве формы рациональности, а также замена производительной силы разума производительной силой коммуникации, что будет способствовать развитию информационной культуры индивида и т.д. [3].

Поэтому, в центр *постнеклассической модели языковых практик* ставятся концепции информационного, сетевого общества, в создании которого сыграли важную роль коммуникационные технологии, получившие широкое признание в конце XX в. – начале XXI в. благодаря появлению «информационной экономики», которая базируется на «технологии генерирования знания, обработки информации и символической коммуникации» [115, с. 17]. Основанием для данной модели стали идеи М. Маклюэна, М. Кастельса и др., по мнению которых, современное общество стало обществом информационным, «мультимедийным» (М. Маклюэн) и сетевым (М. Кастельс). Если М. Маклюэн в своей книге

«Галактика Гутенберга» (1962) [151] говорил о том, что культура представляет собой плод цивилизации печатного слова, и все, что нам принадлежит (хозяйство, политика, мышление и т.д.) является результатом этого слова, то М. Кастельс в своей базовой книге «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» [115] уже утверждает, что технология является не инструментом, не средством, а сущностью общества: «Технология воплощает способность обществ трансформировать себя и определяет направления, на которых общество (всегда через конфликтный процесс) решает применить свой технологический потенциал» [115, с. 12].

Выделяя в качестве гипотезы 7 моделей языковых практик социокультурной коммуникации в контексте философской антропологии, мы основывались на том, что устная речь – это «живое слово», а письменная речь – это отображение звучащего слова в визуальной плоскости (*исходя из «структуры чувственного восприятия»*).

Согласно М. Маклюэну, механизм письма и типографическая печать, являющиеся видами письменной речи (технологии), представляют особый интерес. М. Маклюэн пишет: «Повторяемость составляет ядро механистического принципа, овладевшего нашим миром с появлением Гутенберговой технологии» [150, с. 181]. Интенсивность печати явилась причиной огромных культурных сдвигов, разрушила структуру восприятия, создала прецедентную ситуацию, сместив социальные иерархии традиционного типа. Но вместе с тем, М. Маклюэн не ставит своей целью призыв к возвращению в патриархальное общество.

Спасением для общества, по мнению М. Маклюэна, стала электрическая эпоха, которая пришла на смену механистической, поскольку у электронных медиа достаточно большие возможности накопления и сохранения информации, чего не может предоставить нам книга. В этом отношении правомерно сказать о том, что на сегодняшний день все сферы жизнедеятельности связаны с информационными технологиями, а их доступность стала базовой составляющей эффективности коммуникационно-информационных технологий.

Сегодня коммуникационные технологии используются производителями

речевых практик (дискурсов), а в данном случае, коммуникантами-инофонами, достаточно широко как в повседневной жизни (переписка по электронной почте, разговор по скайпу, общение в чате, телекоммуникации и мн. др.), так и в учебных целях (с использованием компьютерных технологий происходит выполнение тестовых, контрольных и экзаменационных работ, слушание аудиозаписей к каждой лексико-грамматической теме урока, выполнение лабораторных работ, просмотр учебных видеофильмов и презентаций к лексическим темам уроков, участие в видеоконференциях; дистанционное обучение, видеоконсультации с преподавателями и мн. др.; с использованием интерактивной доски – презентации уроков и выполнение коммуникантами-инофонами лексико-грамматических заданий на закрепление той или иной темы урока, работа с учебными кроссвордами (темы: «Фонетика», «Лексика», «Морфология» и др.), составление словосочетаний, предложений, диалогов на заданную тему, а также написание диктантов (словарных, фразовых, творческих и др.)), как в аудиторное, так и во внеаудиторное время [84, с. 278-283]. Коммуникативные взаимодействия во многом опираются на речевую практику воспитания и образования, что и формирует культурные и духовные чувства (Б.В. Марков), а коммуникационные технологии выступают в роли «архимедова плеча», что скрепляет организацию человеческого общества, которое построено на единстве «производства, опыта и власти» [169, с. 278].

Огромное влияние на коммуникантов-инофонов оказывает сеть Интернет, поскольку, как только иностранные студенты прошли адаптацию к новым условиям проживания в «чужой» стране, пусть даже еще неполную, они тут же включаются в социальные взаимодействия в Интернете. Включаясь в социальные взаимодействия в Интернете, у коммуникантов-инофонов возникает индивидуальный интерес как при выборе тех речевых практик общения, с которыми они уже знакомы, так и к тем, которые возникают в процессе общения, поскольку приобретая «новый» (иностраный) опыт общения, коммуниканты-инофоны расширяют тем самым и свой собственный опыт, практикуясь на неродном языке. В Интернете нет территориальности или локальности, поэтому

возникающие здесь социальные связи «выступают в качестве средства получения информации и деловых контактов, а также проведения досуга, общения, гражданского участия, источника удовольствий» [169, с. 289], а формой общения выступают «социальные сети», ни к чему не обязывающие общение и контакты. Здесь также может состояться коммуникация с какой-то определенной целью, произойти совместное творчество. Интернет – это место для самореализации и мн.др.

«Сетевое общество порождает новый формат «культуры реальной виртуальности»: гипертекст. Он воплощается в интеграции различных способов коммуникации в мультимедийные формы и в интерактивные информационные сети (*о которых мы уже упоминали ранее – Домнич С.П.*). ... формируются супертекст и метаязык, впервые в истории объединяя в одной и той же системе письменные, устные и аудиовизуальные способы человеческой коммуникации» [169, с. 291]. В качестве основных свойств гипертекста, что отличают его от традиционного формата передачи медиасообщений, М. Кастельс выделяет: *интеграцию* («комбинирование художественных форм и технологий с образованием гибридной формы выразительности»), *интерактивность* (общение через медиа с другими людьми), *гипермедиа* (создание речевых практик посредством связывания отдельных элементов медиа друг с другом), *погружение* («опыт симуляции модели трехмерного окружения»), *повествовательность* («возникновение новых эстетических и формальных стратегий, проистекающих из выше указанных концепций и имеющих своим результатом нелинейные формы повествования и репрезентации») [116, с. 235].

Посредством социальных сетей открывается многообразие и взаимосвязь общественных отношений. В связи с этим необходимо сказать о том, что речевые практики в межкультурном взаимодействии также находят свое отражение и в технологической инфраструктуре информационной экономики, поскольку, «используя технологическую инфраструктуру информационной экономики, они (производители новых форм трудовых отношений) организуются в сети и потоки», которые пронизывают территориальные границы [115, с. 77]. А это особенно

становится заметно в развитии новых методов менеджмента, многофункциональности рабочей силы, «тотальном контроле качества». В качестве ключевой формы современной модели организации производства выступает сетевая модель (межфирменная сеть или филиальная сеть фирмы). В качестве примера можно привести создание на базе ХНУ имени В.Н. Каразина и при непосредственном участии Центра международного образования Института Конфуция (китайский центр), арабского и африканского центров [85, с. 259-267], где работают представители той или иной страны, закончившие вузы Украины, в том числе города Харькова (ХНУ имени В.Н. Каразина, НТУ «ХПИ» и др.), и в совершенстве владеющие как своим родным языком, так и русским/украинским (РКИ/УКИ) не только на бытовом уровне, но и имеющие базовый и практический опыт общения в профессиональной и, конечно же, в коммерческой сфере, поскольку еще обучаясь на старших курсах, они уже в то время начали оказывать помощь тому или иному вузу, приглашая своих родственников, друзей и знакомых на обучение в Украину в тот или иной понравившийся им вуз (как на основании своих наблюдений, так и по отзывам своих соотечественников), выступая в качестве посредников и переводчиков, как между странами, так и внутри своей родной страны (своего города, провинции, региона и т.д.). В результате такого взаимодействия появляется «все более сложная паутина союзов, соглашений и совместных предприятий, в которой большинство крупных корпораций (*страны, фирмы-посредники между странами, министерства иностранных дел, министерства образования, города, вузы, центры, группы, землячества и т.д. – Домнич С.П.*) связано между собой» [115, с. 128]. Информация при такой экономике посредством речевых практик циркулирует в сетях, как между компаниями, так и в сетях внутри компаний, при межперсональных связях (группы, союзы, объединения, землячества и т.д.) и компьютерных сетях. Сети посредством речевых практик выступают в роли связующего материала, с помощью которого формируются новые объединения (например, новые организации, которые приглашают, а затем и «группируют» иностранных студентов для поездки на учебу в Украину в разные города: Киев,

Харьков, Днепропетровск, Донецк, Львов и т.д., а также уже внутри определенного города в «обозначенный» вуз в зависимости от той или иной специальности и т.д.). Согласно М. Кастельсу, «эта игнорирующая границы структура дает возможность мелким и средним фирмам связываться с крупными корпорациями, формируя сети, способные неустанно вводить инновации и осуществлять адаптацию (так, при оформлении многих документов для иностранных студентов, только прибывших на учебу в Украину, оказывают помощь представители той фирмы, через которую эти студенты приехали на учебу в Украину и мн.др.). Таким образом, фактической оперативной единицей становится скорее деловой проект, осуществляемый сетью (конечно же, *только с помощью речевых практик – Домнич С.П.*), чем индивидуальная компания или формальная группа компаний» [115, с. 120]. Информационное общество обуславливает ценность тех сотрудников фирмы, работа которых необходима для непосредственного функционирования сетей (это могут быть как иностранные студенты-старшекурсники (магистранты), аспиранты, так и представители стран и компаний, непосредственно участвующие в наборе студентов), которые по собственной инициативе устанавливают связи, тем самым, создавая сетевое предприятие.

По мнению М. Кастельса, корпорации в новой информационной среде, а в нашем случае, в Украине, несмотря на бюрократизм власти, уже достаточно адаптировались и приобрели гибкость и конкурентоспособность. Поэтому ученый указывает на то, что «горизонтальная корпорация есть динамически и стратегически спланированная сеть самопрограммирующихся и самоуправляющихся единиц, основанная на децентрализации, участии и координации» [115, с. 121].

Базовой основой любого сетевого предприятия является устойчивость и согласованность внутри сети (межличностный и межкультурный диалог), что выстраивается на общности интересов и целей сети (образование, обучение иностранцев РКИ/УКИ (русскому/украинскому языкам как иностранным), получение иностранцами специальности на выбранном языке и т.д.) с учетом толерантности, гибкости и «геометрии» в выборе средств. Однако не стоит

забывать о том, что «корпорации всегда привязаны к национальной базе и потому трансформируются лишь по направлению от национальных предприятий к международным сетям, мультинациональным предприятиям» [169, с. 283]. Перефразируя эти слова, можно сказать, что процесс обучения иностранных студентов в Украине начинается с национальной программы той или иной страны, которая заинтересована в специалистах, имеющих высокий уровень образования и владеющих не одним, а несколькими языками, которые впоследствии смогут дать больше своей стране, чем получили от нее ранее, поскольку развивая международные контакты, происходит процесс развития мультинациональных предприятий.

Следует также отметить, что М. Кастельс придает особое внимание сетевой модели, поскольку в ее специфике отражена способность проявляться в различных культурных контекстах. Она не является организатором какой-то специфической «сетевой культуры», а всегда проявляет толерантность и терпимость по отношению к другим культурам.

Итак, в современном обществе уже невозможно обойтись без коммуникации, ибо коммуникация представляет собой одно из фундаментальных измерений бытия человека в мире, включая восприятие пространства и времени в нем. Коммуникация определяет характер восприятия этого мира, проявляясь в самых разнообразных речевых практиках представителей разных культур и этносов, которые используют для выражения этих речевых практик различные средства связи, поскольку наше общество за последние 20-30 лет приобрело статус общества информационного и сетевого. Так, говоря о коммуникационно-информационной эпохе, М. Кастельсом была высказана интересная мысль о том, как в информационную эпоху происходит превращение «пространства мест» в «пространство потоков». «Пространство потоков есть материальная организация социальных практик, которые доминируют в сетевом обществе и формируют его» [115, с. 325].

В своей теории информационного пространства потоков М. Кастельс также останавливается на еще одном образе, который получил название «пространство

проектов». Проект – это точка отсчета, представленная в виде некоторого результата. Проекты – это центры координации множества разнонаправленных процессов, поэтому они служат для открытия и исследования «множества пространств», а в нашем случае для исследования речевых практик в межкультурном взаимодействии, что включены в «проект» социокультурной коммуникации.

М. Кастельс заостряет свое внимание на том, что в настоящее время коммуникация становится глобальной, поскольку происходит процесс трансформации общества, при котором коммуникация превращается в глобальную коммуникацию локальных сетей.

Данная модель языковых практик, связанная с концепциями информационного, сетевого общества, сегодня представляется особенно важной, поскольку набрасывает «эскизы индустриального и культурного ландшафта нашего ближайшего будущего» [169, с. 6] для всех стран и этносов, живущих на планете Земля.

Таким образом, выделенные модели языковых практик социокультурной коммуникации в контексте философско-антропологической интерпретации, которые применимы для актуализации языка в речи, могут быть использованы для описания различных способов анализа межличностного дискурса.

В исследовании не ставится основной целью – обозначить некую иерархию среди представленных моделей, указав на предпочтительность употребления одних перед другими. Наоборот, важно показать, что это «речь, дискурс ... – это диалог-переключка разных голосов ... Многоязычие, внутреннее разноречие означает у Бахтина множество социальных голосов и разнообразие их связей и взаимоотношений, т.е. подлинный *языковой плюрализм*, существующий в реальном общении людей и демонстрирующий сложное и неизбежное взаимодействие высказываний и взаимопонимание. Разноречие – это место, где сталкиваются «центробежные и центростремительные силы языка» [15, с. 157]» [192].

Поскольку языковые модели различны и представляют собой различные области дискурса, то можно предположить, что и выбор средств анализа будет

зависеть от того или иного способа её (области) установления. Так, формально-логическая модель языковых практик может быть применима в философии языка, где важной функцией выступает аналитическая, что направлена на обоснование теоретического поля дискурса и дает некоторое представление о множественности речевых практик, которые могут существовать в социуме. Семантическая модель языковых практик рассматривает формы речи и, презентуя их, сравнивает их между собой. Герменевтическая модель языковых практик – это особая философия, философия понимания текста, что направлена на понимание смысла жизни, мироощущения, и выражена в виде информации между двумя субъектами понимания (письменный текст, устный текст (речь), интонация, взгляд, жест, молчание), создавая некий «горизонт понимания» в качестве способа существования человека, что задает антропологичность языка в онтологии («язык – дом бытия»: М. Хайдеггер). Экстралингвистическая модель языковых практик рассматривает игру идентичностей, в результате которой могут возникать новые формы субъектности, появляться новые позиции. Это «языковая игра», представленная в виде единого целого (Л. Витгенштейн): некоторая форма жизни, которая учит и языку, и культуре, и различным формам жизни. В такой Игре сливаются воедино язык, телесное поведение и ментальные переживания (Б.В. Марков). Это социальная игра, имеющая определенные правила и законы, и, соблюдая эти правила, можно достичь взаимопонимания и консенсуса. Структуралистская модель языковых практик направлена на рассмотрение речевых практик в форме дискурса (М. Фуко), поскольку концепция дискурса является неотъемлемой частью современных наук о человеке. Структуралистская модель языковых практик позволяет увидеть единство человеческих культур посредством различия способов выявления их внутренних взаимосвязей, рассмотреть речевые практики посредством межкультурного диалога в виде «звукового континуума» (К. Леви-Стросс). Базовой составляющей интеракционистской модели языковых практик является взаимодействие коммуникативно-действующих субъектов, помещенных «в социально-культурные условия ситуации» (М.Л. Макаров). В этом процессе с помощью коммуникативных действий субъектов происходит открытие

мира и процессы обучения внутри мира, а они, в свою очередь, пересекаясь и переплетаясь, тем самым, имплицитно участвуют в воспроизводстве жизненного мира субъектов-коммуникантов (Ю. Хабермас). Постнеклассическая модель языковых практик направлена на рассмотрение информационного, сетевого общества, в создании которого сыграли важную роль коммуникационные технологии, получившие широкое признание в к. XX – н. XXI вв. (Интернет, мультимедиа, сетевые коммуникации и т.д.).

Обозначенные модели языковых практик в виде различных пространств, которые взаимодействуют между собой, составляют то единое «пространство проектов» (М. Кастельс), что именуется социокультурной коммуникацией, где важным критерием выступает социальная динамика человека, а «разум и самосознание, как наиболее глубокий жизненный опыт человечества», принимают участие «в выборе пути, по которому следует наш онтогенетический структурный дрейф» [157]. Рассматривая биологические корни человеческого понимания, ученые У. Матурана и Ф. Варела, отмечают, что, «поскольку мы существуем в языке, порождаемые нами дискурсные области (поля суждений) становятся частью нашей области существования, равно как и фрагментом окружающей среды, в которой мы сохраняем идентичность и адаптацию» [157].

Социокультурная коммуникация, представленная посредством речевых практик в межкультурном взаимодействии, является *холистической моделью межличностного дискурса коммуникантов-инофонов в постнеклассической науке*, поскольку она включает в себя *субъект-субъектные отношения* (составляет содержательную основу межличностного дискурса), *семантико-прагматические интенции* (составляет базис межличностного дискурса), *диалогизм отношений* (речевые практики межличностного дискурса) в виде *целостного единства триединой природы: языка, речи, дискурса*, что особенно важно в межкультурном взаимодействии и диалоге.

«Мы, люди, существуем, как люди в сети структурных связей, которую мы непременно плетем, осуществляя, в рамках нашего поведения, постоянный лингвистический трофоллаксис» (*трофоллаксис* – гр. *trophē* –

питание + *allaxis* – обмен) [217, с. 522]. Язык никогда никем не изобретался только для того, чтобы воспринять внешний мир» [157], поэтому он не может быть применен в качестве орудия для открытия этого мира. Благодаря оязычиванию «акт познания порождает мир в той поведенческой координации, которая есть язык. Мы проводим свои жизни во взаимной лингвистической сопряженности не потому, что язык позволяет нам раскрыть самих себя, но потому, что мы образованы в языке в непрерывном становлении, которое мы творим с другими. Мы находим самих себя в этом онтогенетическом взаимосопряжении не в качестве предшествующего референтного соотнесения и не в качестве соотнесения с некоторым началом, а как непрерывную трансформацию в становлении лингвистического мира, который мы строим вместе с другими человеческими существами» [157].

Для осуществления анализа межличностного дискурсивного процесса и текстов, представляющих «продукты» социокультурной коммуникации в межкультурном взаимодействии, необходимо определить сущность и структуру речевых практик как межкультурного дискурса.

3.3. Сущность и структура речевых практик в межкультурном взаимодействии

Для того чтобы определить сущность и *структуру* речевых практик в межкультурном взаимодействии необходимо, прежде всего, сказать о том, что обусловленность выбора языковых средств зависит от мироощущения говорящего (субъекта) и существующих в социуме способов осмысления некоего социального феномена (объекта), ибо «речевая практика обсуждается нами в рамках своеобразных способов практикования себя» [53], о которой говорил М. Фуко.

Речевые практики, как и дискурс, имеют свою структуру. Рассматривая структуру как совокупность элементов и связей между ними, можно отметить, что, если сам собственно дискурс, согласно мнению многих ученых, отличается от структуры единиц разных уровней, поскольку в основе модели дискурса должна быть интеракциональность, включая инференционную интерпретацию, коллективную интенциональность и принцип интерсубъективности и «... связность

(*когерентность* – от лат. *cohaerentia* – сцепление, связь [217, с. 238]), а также *метакоммуникативная самоорганизация*» [148, с. 202], то речевые практики в межкультурном взаимодействии, на наш взгляд, могут соотноситься с ними. Поэтому мы исходим из того, что речевые практики являются наиболее релевантными составляющими дискурса как сверхсложного коммуникативного явления, включающего не только поверхностный уровень высказывания, но и представляющие глубинные интенции участников коммуникации, определяющие общий контекст, а также описывающие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки, что определяются «не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса» [73, с. 59-82].

Конвенциональность речевых практик определяет спектр социально-культурологических величин-характеристик, которые могут служить основой дискурсивной модели межкультурного общения в рамках институционально обусловленной коммуникативной ситуации в соответствии со сферой общения.

В качестве величин-характеристик *речевых практик* выделим такие структуры: 1) *социальный контекст* (рассматриваются *личное, общественное, институциональное/формальное, неформальное* с учетом фреймов конвенциональных установлений, а также и категории (*позиции*: роли, статусы и т.д.; *свойства*: пол, возраст и т.д.; *отношения*: превосходство, авторитет; *функции*: «декан», «преподаватель», «студент», «отец», «сын» и т.д.)) [70, с. 23]; 2) *формы речевой коммуникации* (включают дискуссию, обсуждение, совещание, слушания, заседания, массовую коммуникацию и др.) [56, с. 23]; 3) *«интенциональные» типы разговорной речи* (представляют беседу, личный разговор, профессиональную беседу, разговор продавца с покупателем, бытовой диалог, урок, совещание, консультацию и др.).

Поскольку присутствие Другого и последствие его воздействия на субъект есть неотъемлемой диалектической частью человеческого бытия, то *дискурсивная модель речевых практик* может быть представлена в виде схемы, которая соответствует современным теориям коммуникации: адресант (субъект

коммуникативного процесса) – сообщение (текст/дискурс) – канал (типологическая разновидность текста: вербальный/невербальный) – код (жанровая разновидность текста) – адресат (субъект коммуникативного процесса) – результат коммуникации (воспринятая и интерпретированная информация) – обратная связь.

Исследуя речевые практики, функционирующие в процессе межкультурного взаимодействия, следует отметить, что происходит общение, которое охватывает «обмен между двумя или более культурами продуктами их деятельности, осуществляемый в различных формах. Этот обмен может происходить, как в политике, так и в межличностном общении людей, в быту, в семье, неформальных контактах» [60, с. 25]. Иными словами, речевые практики – это обмен сообщениями и информацией между людьми, у которых культурное восприятие символических систем различно из-за особенностей его обуславливающих, поскольку в основе современной культуры лежит «мозаичная структура» (А. Моль).

Исходя из вышесказанного, можно предположить, что структура речевых практик базируется на следующих компонентах: 1) «информационной» коммуникации (для сообщения новых знаний и изменений «картины мира»); 2) коммуникации «сотрудничества» (для обеспечения взаимодействия субъектов коммуникативного процесса); 3) «императивной» коммуникации (реализуется в контексте «инструктирующего» дискурса; используется при реализации интенции «управление»); 4) «оценочной» коммуникации (реализуется при использовании оценочных речевых актов и выполняет контрольную функцию).

В рамках этой структуры речевых практик представляется возможным классифицировать *типы речи* в сфере коммуникативного взаимодействия: информативно-воспроизводящий (сообщение, репродукция и обобщение); волюнтивно-директивный (волеизъявление); контрольно-реактивный (оценочная реакция); эмотивно-консолидирующий (предложение собственной картины мира для кооперативного взаимодействия); манипулятивный (социальное доминирование, установление иерархии) [179].

Таким образом, можно сказать о том, что в едином онтологическом пространстве социокультурной коммуникации одновременно могут существовать

субъекты, имеющие разные основания и способы бытия, в то время когда Другой возникает не один за другим, а именно одновременно, т.е. рядом в том бесконечном числе сочетаний, которые показывают не однозначность, а многозначность для того, чтобы выразить глубинный смысл различий. В этом пространстве и проявляется экзистенциальная сущность окружающего нас мира, которая, по мысли М. Хайдеггера, «отнюдь не пространство геометрическое. Оно в существенном отношении определено моментами близкого и дальнего, полученными из общения, возможностью повернуться и т.д. Поэтому ему и не присуща однородная структура геометрического пространства. Оно, скорее, обладает определенными отмеченными местами... Пространство для нас друг с другом, и мы тут друг для друга... Итак, бытие в мире – это совместное бытие друг с другом» [69, с. 163]. Безусловно, в данном утверждении онтологическое понимание социокультурной коммуникации направлено на то единое ядро коммуникации, соединяющее между собой разнородные по своему составу и происхождению центры, выраженные в виде речевых практик межкультурных дискурсов, которые возможно преобразовывать в совместную реальность со-бытия, представленную в виде единого пространства. Это дает основание для рассмотрения социокультурной коммуникации через призму философско-антропологического анализа речевых практик в межкультурном взаимодействии, что носит специфический характер описания, обсуждения и структурирования материала, опосредованный иноязычным употреблением в пространстве совместного бытия носителей разных национальных культур, где «совместность... – это, значит, быть многими, выставленными друг другу напоказ. Это – размещение, опространствливание существований (самого существования). Пространство между нами – пространство не пребывания-тем-же-самым и пребывание во взаимном показе. Сообщать кому-то что-то или что-то с ним разделять возможно только в той мере, в какой «мы» отделены друг от друга, в какой «мы» не создаем общую субстанцию, но, напротив, открыты друг другу в показе» [172, с. 162-163].

Рассмотрев ранее общие послы генезиса речевых практик социокультурной

коммуникации, остановимся детально на *речевых практиках в межкультурном взаимодействии* и сфокусируемся на общих тенденциях речевого взаимодействия, акцентируя внимание на роли и месте Другого в коммуникативном социокультурном пространстве (на примере речевых практик китайцев, арабов, вьетнамцев, выраженных в форме обращений, приветствий, речевого этикета). Такой сопоставительный анализ речевого поведения коммуникантов-инофонов, будучи направлен на изучение социокультурных детерминант в виде этикетных норм, правил и ролей, у истоков которой находится культурная традиция, межличностный дискурс, представляет собой яркий пример межличностного общения.

Национальные особенности мышления и поведения фиксируются в знаках языка и отражаются в нём. В современной философско-лингвистической литературе наметились *два подхода* к пониманию этой проблемы. *Первый* базируется на том, что язык оказывает влияние на мышление людей, на их мировоззрение, на их поведение. Согласно гипотезе лингвистической относительности Б.Л. Уорфа и Э. Сепира, структура национального языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Согласно Э. Сепиру, «люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают, они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. «Реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» [цит. по [102, с. 177]].

Об этом свидетельствуют *речевые практики*, отражающие несоответствия между семантическими системами русского и китайского языков в межкультурном взаимодействии, поскольку уже в творении мир предстает рассеянным на множество отдельных Я [252, с. 6-8]. Так, русское слово *кипяток* и китайское *кайшуй* означает кипящую или только вскипевшую воду. Но *кайшуй* может

означать и уже остывшую до любой температуры кипяченую воду. Неполное сходство внутреннего содержания китайского и русского слов приводит к частым ошибкам китайских учащихся. Так, вместо *холодная кипячёная вода* они говорят «*холодный кипяток*», а вместо *тёплая кипячёная вода* - «*тёплый кипяток*», ибо, исходя из гипотезы Сепира – Уорфа, характер познания действительности зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект (т.е. иностранец).

Приведённый выше пример *речевой практики* позволяет сделать вывод о том, что совершенно точно переводить с одного языка на другой невозможно, так как, согласно Б.Л. Уорфу [236], слов тождественных в разных языках по семантическим признакам нет.

Необходимо также сказать о том, что есть и *другой вариант* гипотезы лингвистической относительности. Его сторонники полагают, что различия в языке существуют, но их можно исправить в речи путем описания, синонимии, различных уточнений. Например, в русском языке есть глаголы движения *идти* и *ехать*, которые в английском языке представлены одним глаголом *to go*. Но в речи возможно уточнение (*to go on foot* - двигаться пешком; *to go by bus* - двигаться на автобусе), которое снимет противоречие и облегчит взаимопонимание, поскольку «непрерывность говорения как творческого акта продолжается в лабиринте уха. В ухе завершается предыдущий глас и открывается возможность последующего говорения. Поэтому, если в говорении сила актуального, то в слушании скрывается потенциал силы; если в говорении говорит утверждение, то в ухе утверждение удваивается» [261, с. 99-106], а значит, в лабиринте «слышащего уха» происходит «уже не тот путь, в котором можно потеряться, но тот путь, который возвращается. Лабиринт – уже не лабиринт познания и морали, но лабиринт жизни и живого Бытия» (Ж. Делез) [72, с. 145].

По справедливому утверждению К. Леви-Стросса, антропология ставит перед собой цель познать человека вообще [132, с. 370], а познание человека не отделимо от познания и его языка, поэтому «антропология, будучи наукой семиотической, обращается к лингвистике по двум причинам: ... знание языка позволяет проникнуть в систему логических категорий и нравственных ценностей,

отличающуюся от подобной же системы наблюдателя; и ... лингвистика лучше, чем любая другая наука, может обучить способу переходить от рассмотрения элементов, лишенных самих по себе значения, к рассмотрению семантической системы ... и показать, каким образом эта система может создаваться с помощью элементов первого рода. Это является, возможно, ... проблемой языка, но после него и через него – проблемой всей культуры в целом» [132, с. 386], что, несомненно, находит свое отражение в речевых практиках в межкультурном взаимодействии.

Одним из аспектов межкультурной коммуникации является проблема понимания реципиентом одной культуры текстов, созданных в рамках другой культуры [77, с. 160-164]. Такие тексты для них являются инокультурными текстами, которые характеризуются тем, что они не могут быть поняты реципиентами, относящимися к другой культуре без потери части смысла. «Тёмные места» в тексте, случайные пробелы в речевых моделях или *лакуны* – это элементы национальной специфики лингвокультурной общности. Они восстанавливаются с помощью толкования, перевода и комментирования, ибо в «Бытии и времени» М. Хайдеггер [252] обозначил бытие человека, как бытие понимающее. А Х.Г. Гадамер позднее утверждал, что «все понимание есть, в конечном счёте – самопонимание ... кто бы ни понимал, он понимает себя, проецирует себя из своих собственных возможностей» [47, с. 312], т.е. через призму своего собственного историко-культурного генезиса.

В качестве примеров речевых практик в межкультурном взаимодействии проведем компаративный анализ языковых практик («актуализация языка в речи» – *Кашкин В.Б.*) в рамках русской и китайской культур, которые раскрывают феномен *языковой личности* в контексте проблемы «человек, культура, коммуникация».

Согласно К. Леви-Строссу, «сравнение оправдано не просто расчленением на элементы, а чем-то гораздо большим, а именно реальным анализом» [132, с. 31]. Обычно лингвисты, рассматривая слова разных языков, при сопоставлении акцентируют свое внимание на фонетической реальности фонемы. А благодаря

фонемам и устанавливается логическая реальность различительных признаков [152]. Это происходит от того, что «каждый язык разбивает на части тот мир значений, к которому относится слово, он находится в зависимости от наличия или отсутствия других слов для выражения близких по смыслу понятий» [132, с. 102].

Выделим национальные особенности языка в виде *лакун*. Они могут быть: языковые и этнографические. К языковым лакунам относятся: *лексические* (так, некоторые русские слова можно перевести только описательно); *грамматические* (например, имена в китайском языке представлены в коллективно-собирательном числе. В связи с этим тут нет согласования по роду, числу и падежу, хорошо знакомому всем нам. В китайском языке нет выражения грамматического рода, однако есть способы выражения пола. В одних случаях это выбор слова, например: *гэгэ* – брат, *чжи-чжи* – сестра. В других случаях это описательное выражение пола. Так, *нань-сюэ-шен* – это мужчина-учащийся (студент), а *нюй-сюэ-шен* – женщина-учащаяся (студентка). Но в практике китайского языка пол выражается лишь в тех редких случаях, когда на него обращается основное внимание в контексте речи. Обычно же это различие игнорируется), *стилистические* (например, китайцы, когда говорят о возрастании какой-либо цифры в несколько раз, вычитают начальный показатель, русские же его включают. Так, если по-русски говорится *В три раза возрастут мощности лёгкой промышленности*, то по-китайски надо сказать *в два раза*).

К речевым лакунам (к национальным особенностям речи) относят: способы заполнения пауз, этикетные характеристики актов общения, ролевые особенности общения и даже номенклатуру стереотипов. Например, у жителей Афганистана принято трижды спрашивать собеседника о здоровье, у немцев при встрече спрашивают неторопливо «Как дела?» 5 раз, а в Китае после еды спрашивают, не устал ли человек и т.д. При встрече вьетнамцы часто «здороваются + спрашивают» у идущего навстречу знакомого (*Chao hoi!?*). Вместо приветствия «Здравствуй!» вьетнамцы задают вопрос: «*Куда Вы идете, дедушка / дядя / тётя / брат?*» Такой вопрос не требует ответа. И в ответ тот / та также задаёт такой вопрос: «*А куда ты*

держишь путь, сынок / дочка?» В приветствии вьетнамцев не отражается пространственно-временное значение. Если в английском, русском и других языках мира приветствия отражают определённое время суток («Доброе утро», «Добрый день» и т.д.), то во вьетнамском эта формула отсутствует, зато учитываются социальные и родовые отношения участвующих в коммуникации [133, с. 106-107].

Следует также отметить, что в процессе межкультурной коммуникации «образы» культур, несущих в себе различные составляющие, сопоставляются и или принимаются, или отторгаются. Согласно В. фон Гумбольдту, говорящий и слушающий воспринимают один и тот же предмет с разных сторон и вкладывают различное индивидуальное содержание в одно и то же слово, высказывание [61].

В процессе общения люди, как правило, воспринимают и оценивают друг друга с позиций собственной культуры и присущих ей стандартов, т.е. с позиций этноцентризма. Стараясь предсказать коммуникативное поведение собеседника, они сознательно или бессознательно полагаются на свой предыдущий опыт общения. Однако следует отметить, что если коммуниканты являются представителями разных культур, то этот опыт у них различен, поскольку, как отмечал М.М. Бахтин, «организующий опыт всякого выражения – не внутри, а вовне: в социальной среде, окружающей особь» [40, с. 102].

В процессе межкультурной коммуникации «образы» культур, несущих в себе различные составляющие, сопоставляются и или принимаются, или отторгаются. Отметим и тот факт, что в связи с увеличением миграции в мире начинает преобладать многокультурность (поликультурность или мозаичность), что создаёт калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, что непосредственно связано с языковой системой, которая хранится в нашем сознании. В этом отношении на первый план условием для нормального развития общества становится категория *толерантности* к различным проявлениям разных культур. Практика межкультурного общения свидетельствует не только о наличии различных способов видения мира, но и необходимости преодоления барьеров, создаваемых национально-специфическими различиями культур.

В последние десятилетия становится актуальной проблема изучения *речевого поведения* разных народов (*речевых практик* – Домнич С.П.), привлекающая внимание не только психолингвистики, этнопсихологии, культурологии, но и философии, поскольку культурное пространство имеет тенденцию к расширению. Именно реальный Другой, который является не двойником или зеркальным отражением, не alter ego и не воображаемый Другой, и нужен в пути шествия. Именно в обращении к Другому раскрывается «сердце диалога».

Обращение к Другому представляет собой желание говорить, в котором отображены решительность и воля, притязание на отбор наличествующего и присвоение значения. «Поэтому выражение всегда обитаемо, живо и не может проходить вне орального дискурса», где «глас является материалом «эстетического слушания» [261, с. 99-106]. Так, северные народы (норвежцы, шведы, финны) говорят тише и менее эмоционально, чем южные – испанцы и итальянцы. Многие южные народы – грузины, турки, арабы, высокорослые этнические группы негроидной расы – говорят громче итальянцев и испанцев. Некоторые восточные народы – японцы, вьетнамцы, индусы – общаются негромко. Вместе с тем большое значение в процессе межкультурной коммуникации играют место жительства коммуникантов (родина) и связанные с ним климатические условия. Однако по-разному с точки зрения громкости говорят и народы, соседствующие, живущие на одной широте, – немцы, французы, англичане.

Связи языка с культурой и историей этноса многомерны и многообразны. В связи с этим особую значимость в процессе межкультурной коммуникации приобретают символы, которые имеют различные формы выражения: предметную, акциональную (действия), вербальную (слова), а также невербальные средства общения (соматизмы). Говоря о невербальных средствах общения – соматизмах (гр. «*сома*» – тело, тело организма [217, с. 474]), т.е. значащих жестах, позе, мимике и выражений лица, отметим, что слова в речи (особенно устной) можно выразить собеседнику по-разному, поскольку «в языке воссоздается телесный облик человека, зримые картины реальности» [154, с. 58]. Для этого собеседники и используют язык жестов (древнейший метод выражения реальности), который

помогает вернуть слову его естество и «пользоваться им в конкретном пространственном смысле», поскольку, если «обращаться с ним как с физическим плотным телом, которое при ударе сотрясает предметы, сначала в пространстве, затем в области более таинственной и более сокрытой, то тоже предполагающей протяженность. Эту сокрытую, но протяженную область нетрудно связать, с одной стороны, с анархией форм, а с другой – со сферой их непрерывного творчества» [10], ибо правдоподобно излагая, остается открытой возможность обмена этого высказывания на более правдоподобное, т.е. остается открытой возможность истины, поскольку именно произведение правдоподобий открывает нам деяние в той среде, которая наполнена общительностью и искренностью удовольствия от совместности существования («единство есть мир» – Б.В. Марков).

Так, в Китае (в одной из древнейших стран) язык жестов, мимики и речевого поведения имеет огромное значение. Поэтому в процессе проведения беседы или занятия следует очень «осторожно» пользоваться соматизмами, так как они часто могут не совпадать с соматизмами других народных культур. Например, а) у русских, если хотят показать гордого и надменного человека поднимают высоко нос или вздёргивают его пальцем, а у китайцев – высоко поднимают ноги, вскинув голову; б) когда русские сыты, они проводят рукой по горлу («Сыт по горло»), а китайцы – хлопают рукой по животу. Соматизм, выражающий сытость русских, т.е. проведение рукой по горлу, у китайцев имеет иное значение – это жест самоубийцы; в) у китайцев не принято обниматься и целоваться на людях, даже провожая родных. Для них это позорно, всё равно, что заниматься сексом при посторонних. У русских же обычай целоваться при встречах или расставаниях очень распространён. Незнание таких особенностей может привести к различным недоразумениям и даже обидам. В связи с этим особенно актуально звучат слова Нильса Бора о том, что «различия между их (человеческих культур) традициями во многом походят на различия между эквивалентными способами описания физического опыта» [22, с. 47].

Таким образом, говоря о способах оптимизации межкультурной коммуникации, следует выделить: *во-первых*, списки сочетаний звуков, слов,

выражений, не рекомендуемых для говорения на родном языке при общении с иностранцами (т.е. продуктивные запреты или неблагозвучия). Так, китайцам будет труднее общаться с русскими, чем русским с китайцами; *во-вторых*, не использовать те языковые элементы (*речевые практики*), которые в иностранном языке имеют один смысл, а для представителей другой культуры и носителей другого языка являются смешными или неприличными.

Следует также отметить, что в целом для носителя языка общение с иностранцем требует достаточно большой выдержки и терпения. Такое явление в межкультурной коммуникации называют *культурным шоком*. (Этот термин предложил Раверло Обера в 1955 г.) [16, с. 164]. Как преподавателям иностранного языка, так и культурологам хорошо известно это явление, возникающее в результате неполной аккультурации учащегося, незнания и непонимания им норм новой для него культуры. Процесс вживания и адаптации к чужой культуре может происходить довольно болезненно и даже враждебно (если, допустим, иностранец испытывает к себе негативное отношение). В результате чего может возникнуть даже физическое недомогание, связанное с «синдромом культурного приспособления». По мере знакомства с чужой, ранее неизвестной культурой культурный шок пропадает, а позднее и исчезает вовсе. Это происходит тогда, когда у человека, приехавшего из другой страны, и имеющего в арсенале свои обычаи и традиции, складывается более или менее объективное мнение о ранее чуждой ему стране, когда он видит и понимает, что некоторые проблемы можно решить. Он может не соглашаться со всеми требованиями новой культуры, но ему просто необходимо учиться считаться с ними. (Общеизвестно то, что эмигранты в среднем находятся в состоянии стресса 27 месяцев после того, как произошла смена их страны проживания) [16, с. 164].

В отношении интеркультурных контактов, на наш взгляд, следует обратиться к методическому принципу, выдвинутому Робертом Ладом и названного им «отношение к культуре изучаемого языка». Его формулировка гласит так: «За исключением тех случаев, когда культуры двух народов несовместимы (например, в военное время), нужно воспитывать у учащихся стремление отождествлять себя с

людьми, для которых данный язык является родным, и дружеское понимание народа, говорящего на языке, который изучается, и не поощрять потребительское отношение к народу» [16, с. 166-167].

Таким образом, речевые практики в межкультурном взаимодействии помогают нам увидеть язык в его антропологическом измерении, показывая его оригинальность на уровне народной культуры (Н.И. Толстой), психологии и философии. Выявляя сущностное этнокультурное своеобразие семантики речевых практик, «сопоставляя дискурсивные практики, мы обнаруживаем различия и в самой социальной среде, свойственные каждой культуре» [118], и вместе с тем, можем говорить о существовании единого мирового поля культуры.

На основе гумбольдтовского теоретического наследия и новейших исследований в области межкультурных коммуникаций попытаемся проанализировать сущность и особенности понятия «языковой картины мира» в контексте «диалога культур» с учетом их различий в социокультурном восприятии мира (на примере моделей речевого этикета китайцев, арабов).

3.4. Языковая картина мира в контексте диалога культур

В современной науке под «языковой картиной мира» понимается «целостное изображение языком всего того, что существует в человеке и вокруг него». Это интерпретация человека, его внутреннего мира, его связь с окружающим миром и природой, которая осуществляется средствами языковой номинации [2, с. 406-407]. Такое толкование понятия «языковая картина мира» не может полностью претендовать на абсолютную истинность и точность, т.к. это не объективно существующая реальность, а только лишь умозрительное заключение [194, с. 8-69]. Исследователи же к понятию языковой картины мира всегда подходили с разных сторон, с разными целями и задачами, с разным научным аппаратом. В последнее время в определении картины мира присутствует многообразие смыслов, истолкований, которые стремительно умножаются в настоящее время. Так, концепт «языковая картина мира» отражает языковое выражение коллективного сознания с этнокультурной спецификой, отраженного в языке народа.

Понятие *языковой картины мира* обозначает совокупность знаний и мнений субъекта относительно реальной или мыслимой действительности, формируемой с помощью языка конкретного общества. Языковая картина мира складывается у каждого в процессе усвоения опыта, что обусловлено многими влияниями: 1) опытом других, «авторитетных носителей метафор или гипербола, усиливающих суждение или ослабляющих его»; 2) порядком получения знаний (уроки, лекции, учебники, инструкции); 3) альтернативными источниками знаний (сравнение мнений).

Еще в н. XIX в. мысль о существовании особого языкового мировидения как научно-философской проблемы была высказана В. фон Гумбольдтом. В основу данной концепции был положен тезис о неразрывной связи человека и языка и их диалектической взаимосвязанности. «Изучение языка не включает в себе конечной цели, а вместе со всеми прочими областями служит высшей и общей цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [61, с. 119]. Опираясь на идеи В. фон Гумбольдта, можно сказать, что язык предстает перед нами в виде промежуточного мира, находящегося между миром внешних явлений и внутренним миром человека. Это мир, который находит свое отражение, как в «символах бессознательного», так и позднее у представителей «трансценденталистской традиции – с бытием» [154, с. 54].

Изучение «языковой картины мира» было продолжено в XX веке в рамках гипотезы лингвистической относительности. Согласно исследованиям Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа и других, языковой картине мира принадлежит детерминирующая роль в формировании мышления, результатом чего является зависимость поведения носителей языка от картины мира. В предыдущем параграфе мы уже отмечали, что в гипотезе лингвистической относительности Э. Сепира [211] и Б. Уорфа [236] можно выделить следующие положения: 1) язык обуславливает тип мышления говорящего на нем народа; 2) характер познания действительности зависит от того, на каких языках мыслят познающие субъекты. Вслед за этой теорией ряд ученых, занимающихся проблемами языка, выдвинули идею о замене принципа лингвистической

относительности принципом лингвистической дополнительности. Ими было высказано мнение о том, что «в процессе познания в связи с активной ролью языка и в силу его специфических особенностей возникает языковая картина мира. Она в целом и главном совпадает с логическим отражением в сознании людей. Но при этом сохраняются периферийные участки в языковой картине мира, которые остаются за пределами логического отражения, и в качестве словесных образов вещей и лингвистических моделей отношения между ними варьируются от языка к языку в зависимости от специфических особенностей последних. Через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира» [25, с. 66]. Языковая картина мира – это языковое моделирование действительности, которое вносит свои коррективы и дополнения в гамму мыслительных отражений реальности и приводит к более полному, более всестороннему охвату картины окружающего нас мира в сознании людей [26, с. 108].

В настоящее время современный российский антрополог Б.В. Марков, продолжая идеи М. Хайдеггера о том, что «язык-дом бытия», связывает язык с коммуникацией. Он пишет, что «язык только кажется изображением, выражением, анализом-разбором того, что есть, что можно оспорить или признать. Язык – это нечто бесконечно более серьезное, ибо он течет в русле молчаливых допущений, в лоне молчащего бытия, которое смотрит на нас и говорит нам. Язык – поле коммуникации, место встречи четвертицы мира, и поэтому любое слово – не просто знак предмета или выражение чувства, но форма существования бытия, его, как выражается Хайдеггер, дом» [154, с. 55].

Каждый конкретный язык, обладая собственным мировидением, зависит от духовного своеобразия нации, от особенностей мироощущения народа, говорящего на этом языке. «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем, и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа...» [62, с. 349].

Следует также отметить тот факт, что значимую роль в «языковой картине

мира» играют «языковые личности», т.е. носители того или иного языка, охарактеризованные на основе анализа воспроизведенных ими *текстов* с точки зрения использования средств данного языка для отражения окружающей действительности (картины мира).

До сих пор в дискуссионных спорах о «языковой картине мира» все чаще высказывается мысль о расширяющем взаимодействии языковых личностей различных стран и народов, о взаимодействии их определенных концептов и ценностных ориентиров, как в познавательном, так и в межкультурном аспекте.

Различные регионы, страны и народы имеют свою судьбу, свое особое развитие, отличительные структуры и формы существования, которые проявляются в их необычайно богатой истории. Это и есть единство в многообразии, поскольку такой сложный комплекс различных типов взаимодействий находит свое отражение в глобализации мира, которая проявляется в интенсификации социокультурных связей и отношений. А значит, языковая картина мира – это и есть единство в многообразии, наш «дом бытия» [90, с. 6-8].

Рассмотрим высказанные положения на материале языковой картины мира народов Востока, ибо их этнокультурные стереотипы уникальны и неповторимы.

В современном мире в условиях расширяющихся контактов между Востоком и Западом возникает особый тип общения между субъектами культур разных стран – «*сопротивление культур*» [24, с. 115-116] через контакт двух культур, ведущий к общению разных культур, т.е. к «*диалогу культур*»: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись с другим, чужим смыслом, между ними начинается диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов и этих культур» [14, с. 364].

Благодаря *диалогу культур* сохраняется творческое отношение языковой личности к действительности. Только лишь в диалоге, споре, столкновении разных мнений формируется мыслящая и творческая личность. Согласно М.М. Бахтину, «диалог – не преддверие к действию, а само действие. Он и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек не только

представляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть не только для других, но и для себя самого. Быть – значит общаться диалогически. Диалог побуждает к активности в познании и потребует активной мысли, выражаемой в речи, активной позиции от участника диалога» [19, с. 18]. Диалогизация является одним из важных аспектов и для иностранных студентов, прибывших на учебу в Восточную Украину для изучения языка (РКИ/УКИ: русского/украинского языков как иностранных) и получения специальности на изучаемом языке [80, с. 204-209].

Изучение иностранного языка – это всегда знакомство с культурой носителя этого языка. По утверждению Г.О. Винокура, «всякий человек, изучающий язык, непременно становится исследователем этой культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [35, с. 26-38]. Но трудно себе представить процесс проникновения в другую культуру развивающемся только в одном направлении. Контакт культур всегда сопровождается взаимным интересом.

«Соизучение культур» помогает увидеть и рассмотреть ментальные и языковые концепты, входящие в высказывания, «прецедентные тексты», «фреймы» и «сценарии» национальных языков и культур, т. е. «...задает направление концептуализации мира в языке» [178, с. 242].

Мир концептуальных представлений о предметах и понятиях, отражен в моделях речевых практик, представленных нами в виде формул обращений в китайском, арабском и русском речевом этикетах, включает в себя этнопсихологические особенности поведения и мышления людей. Речевые практики представителей разных культур, находясь в плоскости межкультурной коммуникации, открывают нам «глубинное сходство эмпирически различных явлений», где происходящий «переход от сознательного к бессознательному сопровождается восхождением от частного к общему. Следовательно, в этнологии, как и в лингвистике, не обобщение основывается на сравнении, а, напротив, сравнение на обобщении» [132, с. 31], что дает основание для истолкования этих принципов посредством анализа данных структур.

Так, в Китае в различных сферах общения распространены разные формы именовании и обращений, которые не всегда совпадают с полной

антропонимической моделью. В семье старшие называют младших по имени. Маленькие дети имеют «молочные» имена, а детей постарше называют официальным именем. Старших родственников нельзя называть по имени, так как это считается невежливым. Типичными для Китая являются формы обращения: «второй дядюшка», «пятая тетушка», «третий братец». Называть только по имени неродственника можно лишь того, кто младше по возрасту, к кому обращаются. Китайские супруги при людях называют друг друга не только по имени, но и по фамилии.

Сейчас наиболее распространенной формой официального обращения является слово «тоунчжи» (*товарищ*), которое они добавляют к наследственному имени: Чэнь тоунчжи («товарищ Чэнь»). Раньше к фамилии добавлялись другие обращения: «сяньшэн» (господин, учитель) – к старшему мужчине; «тайтай» (госпожа) – к старшей женщине. А к фамилии молодой женщины присоединяли слово «сяоцзе» («барышня»). Например: Ван сяньшен – «господин Ван», Чжоу тайтай – «госпожа Чжоу», Чэнь сяоцзе – «барышня Чэнь» и т.д. В настоящее время слово «тоунчжи» вытеснило старые обращения. Хотя оно имеет место в случае вежливого именовании собеседников: «сяньшэнь», «тайтай».

Единственно возможной формой обращения подчиненного к начальнику или к лицу, занимающему высокое положение в обществе, является добавление к наследственному имени названия должности или звания. Например, директор Ли, врач Цзя, заведующий кафедрой Сюй и т.д. Но в отличие от русского языка, в китайском обращении наследственное имя ставится перед названием должности или звания [18, с. 74].

Часто перед фамилией взрослые китайцы в обращениях со своими ровесниками произносят слово Лао, что соответствует русскому «дружище», «старина»: Лао Чжеянь, Лао Пен, Лао Ци и т.д. Слово «Лао» также используется при уважительном, почтительном обращении к старшим, но которое ставится обязательно после фамилии: Ян Лао, Ван Лао, Ден Лао, Чэнь Лао, Чжоу Лао. По-русски это звучит так: «уважаемый, почтенный Ян», «уважаемый, почтенный Ван» и т.д., т.е. можно сказать, что в русском языке это близко к слову

«многоуважаемый» или «глубокоуважаемый». В отличие от русских имен уменьшительные и ласкательные формы индивидуального имени у китайцев отсутствуют, хотя к имени могут быть добавлены специальные слова, выражающие соответствующее доброе отношение.

При составлении официальных, деловых писем и бумаг китайцы не употребляют обращений, а добавляют только прилагательные, соответствующие русским словам «дорогой, уважаемый» и др.

Исходя из вышесказанного, видно, что «вся система ментальности является продуктом и условием коммуникации и тесно связана с системой общественных связей людей» [154, с. 74].

Сопоставление обращений русского речевого этикета на фоне арабской речевой культуры также представляет интересный материал для философско-антропологического исследования и понимания не только «картины мира», но и «манифестации языкового сознания» [1, с. 148-157], которые необходимы человеку для успешного межкультурного общения.

Специфической особенностью русских обращений от арабского речевого этикета является наличие тройного русского собственного имени в отличие от двойного арабского антропонима (Иван Петрович Иванов и Абу Ахмед), что говорит о более богатой системе русских обращений по именам. Также характерной особенностью русских обращений по именам является наличие парадигматического ряда, по-разному ориентироваться на степень вежливости; обилие диминутивных суффиксов, придающих различные оттенки вежливости.

Формы обращения «Господин! Госпожа! Дамы и господа!» в русском языке употребляются только в дипломатической сфере. В арабском языке также существует дифференциация официальных обращений. Так диктор телевидения начинает читать новости с такого обращения: «Саидати васадати асаада аллаху Массакком, уаилайком альнашрата альэкбарейта лехаза альяум (альмасаа)» – «Дамы и господа, добрый вечер, прочтем вам вечерние новости».

Это обращение официальное и чаще всего употребляется в письменной форме. В устной разговорной речи как официальная форма вежливого обращения

выступают такие слова: «Аль Сайед, Аль устаз» – господин для мужчин, «Аль Сайеда» – госпожа для замужней женщины, а для незамужней – «Аль ‘анесе». Такие речевые образцы обращений употребляются в общественных местах (город, магазин, почта, аптека и т.д.).

В арабском языке до сих пор сохраняется обращение «Ваше величество», используемое только по отношению к арабским королям. К высокопоставленным лицам, президентам, министрам используют такую форму речевого этикета как «Ваше превосходительство».

Интересным нам представляется и обращение русской модели слова «товарищ» и его арабских эквивалентов: «рафик» и «рафика». В арабском языке обращение к мужчине «рафик» отличается от русского тем, что оно имеет соотнесительное существительное женского рода «рафика». А значит, слово «товарищ» имеет в арабском языке более широкое употребление. В русском же языке слово «товарищ» по отношению к женщинам сейчас употребляется очень редко в связи с тем, что в этом случае оно приобретает оттенок официальности. В арабском речевом этикете также существует еще одно обращение: «Ах» – «брат». Оно употребляется для выделения принадлежности субъектов к одной национальности. Например, «Ахи Альараби» – «арабский брат», что значит общее обращение к представителям арабского мира, т. е. к арабам. Здесь подразумевается *арабская нация* в целом, т. е. Она – «Мать», а все арабы – «ее сыновья» [103, с. 134-135].

Итак, представленные виды *речевых практик* в виде формул обращений в китайском, арабском и русском речевом этикетах, лежащих в плоскости межкультурной коммуникации, позволяют утверждать, что «всякое мифологическое мышление, все ритуалы состоят из преобразования чувственного опыта средствами семиотической системы» [132, с. 103], отражающей формы общественной жизни (экономическая, языковая и др.) в виде отношений, которые и открывают «путь для антропологии, понимаемой как общая теория отношений, и для анализа обществ в зависимости от различительных признаков, присущих системам отношений, которые их определяют» [132, с. 104].

Таким образом, рассмотрение языковой картины мира, выраженной в речевых практиках обращений различных языковых культур, помогает увидеть «субъективные», «наивные картины мира», имеющие выражение в различных знаковых формах, и составляющие тот объемный целостный образ «языковой картины мира», который формируется с помощью диалога культур на основе отстоявшихся достижений цивилизации, образов и эталонов. Поэтому языковая картина мира предстает перед нами моделью межкультурного взаимодействия в виде «звукового континуума» (К. Леви-Стросс), направленного на «соизучение культур» и нашедшего своё отражение с помощью переключки разных «голосов» (смыслов) между высказываниями (текстами) и внутри высказывания одного и того же субъекта социокультурной коммуникации (или в контексте социокультурной коммуникации). Такая интертекстуальность или интердискурсивность речевых практик, отражающая их вписанность в культурный контекст, показывает её изначальную диалогичность.

Представив языковую картину мира посредством диалога культур, попробуем выделить особенности языковой культуры маргинальной личности в контексте обращения к другому языку, к другому миру на примере компаративного анализа речевых практик вьетнамцев, китайцев, арабов. Маргинальная личность как явление привлекает внимание в разных аспектах: этнографическом, социально-философском (маргинал и его социальная роль), психологическом (маргинальная личность и её «состояние»), а также это интересный объект для языкового, социокультурного и философско-антропологического исследования.

3.5. Особенности языковой культуры и речевых практик маргинальной личности в процессе социокультурной коммуникации

Возникновение понятия «*маргинальная личность*» относится к началу XX века. Оно было введено американскими социологами (Р. Парк) в связи с изучением социокультурной ситуации на Гавайях (территория с особой социальной и культурной пестротой населения). С тех пор проблемой маргинальной личности, её культурой, языком и другими аспектами занимаются социологи, психологи,

лингвисты, философы и культурологи всего мира.

Понятие маргинальности служит для обозначения пограничности, периферийности или промежуточности по отношению к каким-либо общностям: классовым, национальным, культурным. В своей типичной форме маргинализация – это, прежде всего, потеря объективной принадлежности индивида к конкретной общности без последующего вхождения в иную общность, а также проистекающая отсюда потеря данным индивидом субъективной идентификации с определённой группой. Объективно всё ещё находясь в рамках группы, индивид психологически деклассируется. Деклассирование – феномен социально-психологический, хотя и имеющий под собой базисные, экономические причины, но воздействие этих причин не является прямым и немедленным [226, с. 180-203].

Отметим, что маргинал, маргинальная личность – это человек, находящийся в промежуточном пограничном положении между какими-либо социальными группами, утративший прежние социальные связи и не приспособившийся к новым условиям жизни; лицо, находящееся на периферии общества [124].

Каждая социально-культурная структура обладает собственными жизненно необходимыми нормами, нарушение которых создаёт ситуацию маргинальности. Иностранцы, обучающиеся в Украине (китайцы, вьетнамцы, арабы, турки, американцы, африканцы и др.), одновременно включены в разные культуры. Это маргиналы – «странники между мирами и нормами» (В.Б. Жадан). Они ориентируются на те же общечеловеческие системы ценностей, но представляют их в другом ракурсе. У них иное восприятие бытия и иной способ существования. В данном случае маргинальность связана с особым способом мышления, который побуждает личность искать нестандартные решения (получение специальности (работы) через изучение языка другой страны) [79, с. 179-185].

Исследование особенностей личности, находящейся на границе культур, – задача междисциплинарная. Согласно исследованиям Р. Парка, маргинальность определяется как исключение личности из системы социальных связей в результате неадаптированности к доминирующей среде. В современном обществе в связи с изменением экономических отношений, такой тип личности становится наиболее

распространённым и не считается аномалией. Р. Парк писал: «Такой человек неизбежно становится (в сравнении с непосредственно окружающей его средой) индивидом с более широким горизонтом, более независимыми и рациональными взглядами. Маргинальный человек всегда более цивилизованное существо» [4, с. 142].

В ситуации «маргинальности» «всё обретает новый смысл и новое содержание. Здесь место пересечения традиций и создание новой традиции» [101, с. 104] – традиции «понимания» как себя, так и других, а это возможно в диалоге. В этом отношении диалог подразумевает выход в некую межпарадигмальность, в которой каждая из парадигм проблематизируется со стороны других и самоутверждается путем самопреобразования, ибо общение возможно только на пределе себя, оно предполагает движение навстречу Другому [64, с. 60].

Таким образом, маргинальная личность изменяет себя и окружающий её мир, поскольку вовлекается в «общественный диалог, в котором профессионалы общаются с профанами ... Только таким путем можно достичь взаимопонимания и признания, исключить незнание информации и возможность односторонних решений» [154, с. 78-79]. В таком аспекте социокультурная коммуникация приобретает форму реализации освобождения, а философия, которая использует методы критической рефлексии, становится одной из важных составных частей общественного дискурса.

Иностранцы студенты, находясь в Украине, оказываются в «пространстве свободы», но при этом они осуществляют поиск новых путей нравственного и общественного служения своей стране (А. Фарж) [238, с. 143-149].

Приобщение к новой культурной общности начинается со знакомства с новым языком и его последующим изучением. Отметим, что до сих пор остаётся дискуссионным вопрос о мере опоры и способах использования имевшегося у иностранца (маргинала) индивидуального прошлого опыта в широком диапазоне: от формирования новой системы изучаемого языка до понимания определяющей роли родного языка, в том числе и рассмотрение промежуточных форм взаимовлияния родного и изучаемого языков с соответствующими феноменами

положительного переноса и интерференции [262, с. 310-316].

Во всех таких случаях главной характеристикой процесса усвоения нового языка для коммуниканта-инофона является наличие психолингвистической опоры на имеющийся (прошлый) опыт обучаемого, или же на формируемый новый опыт. Так, осваиваемый язык как способ освоения действительности берёт на себя функцию постепенного вовлечения маргинальной личности (индивида) в новую жизнь, где «орудием становится открытый дискурс», поскольку «сегодня сила проявляется в праве говорить. Она учреждает себя в качестве субъекта рассуждения, переходит в мир языка и в силу своей универсальности хочет подчинить его весь целиком» [154, с. 73].

Очевидно, что возникающие сложные взаимовлияния старого и нового опыта не могут быть в полной мере описаны в рамках представлений о характере овладения неродным языком. Естественным для маргинальной личности, погружённой в новую культурно-языковую среду, являются и скрытые, невидимые процессы взаимообогащения, отторжения, преодоления стереотипов, возникновения качественно новых моделей интерпретации себя (Я – Другой), других людей, окружающего мира и т.д.

Приведём некоторые примеры ситуаций, что нашли своё отражение в *речевых практиках*, связанных с *речевым этикетом* представителей разных стран, с русской речевой культурой и той страны, в которой они находятся в данное время.

Так, важной особенностью общения у вьетнамцев является иерархия коммуникации. Её сущность заключается в том, что перед тем, как начать беседу, коммуниканту нужно осознать социальное положение (статус) своего собеседника. Если он не учтёт этого, то окажется в неловкой ситуации. Речевой контакт в таком случае может не состояться, или как говорит вьетнамская народная мудрость: «Первое – учиться вежливости, а потом – литературе». Согласно вьетнамским обычаям, в семье младшие должны уважать старших, т.е. всех, кто в иерархической лестнице семьи занимает положение выше. Вьетнамец при общении с людьми любит изучать, наблюдать, оценивать. Он чрезмерно любопытен к собеседнику

(его интересуют даже биографические сведения о собеседнике). Всё это вызывает при общении с вьетнамцами недоумение и неприятное ощущение.

Искренность и доверие являются характерными чертами в речевом общении у вьетнамцев, которые готовы не только разделить свои чувства с собеседником, но и заботиться, помогать ему, если тот выражает просьбу. Принцип вьетнамского речевого этикета – быстро и гибко приспособливаться. В общении с русскими (украинцами и другими иностранцами) вьетнамцы предпочитают добрые отношения, основанные на принципах равноправия и сотрудничества. Вьетнамцы считают, что каждый человек несет ответственность за каждое произнесённое им слово: «Умирая, буйвол оставит после себя кожу, а человек, умирая, оставит после себя слово». Но это с одной стороны, а с другой стороны вьетнамцы ценят престиж, что приводит к попытке скрыть своё незнание. Вьетнамцы чаще всего не говорят напрямик, а обязательно начинают издали, заставляя своих собеседников угадывать, чего они хотят [133, с. 106-107].

Вьетнамцы очень осторожно произносят слова или высказывают свои мнения и оценки, молчат в нерешительности. Нерешительность вьетнамцев связана как с этническими признаками данной нации, так и их стилем жизни.

Рассмотрев на примере вьетнамцев-маргиналов некоторые особенности их речевого этикета, следует отметить, что маргинальной личности почти всегда трудно приспособливаться к новой стране, к новому языку из-за несовпадения социокультурного опыта.

Возникают речевые ситуации, в которых наблюдается эффект «культурного торможения» между носителями языка (русскими, украинцами и т.д.) и маргиналами-иностранцами, вызванный недостаточным знанием особенностей обычаев и традиций данного этноса.

Обратим внимание на речевые ситуации, возникающие между китайцами и носителями языка данной страны. Слово «Здравствуйте», обозначающее приветствие, является основным среди слов с подобным значением. Его употребление не зависит от времени, места, ситуации встречи, а также возраста, пола человека. А в Китае, кроме данного слова, выбор формы приветствия часто

определяется временем, местом, взаимоотношениями между людьми, ситуацией конкретного общения. На улице, в магазине, утром, вечером, перед обедом (ужином), после обеда (ужина) употребляются слова-приветствия, которые характеризуются разнообразием. Так, утром два знакомых человека на бегу, не останавливаясь, приветствуют друг друга вопросом: «Бежишь?», давая сразу же ответ: «Да, бегу!». Используя такие выражения, они здороваются и приветствуют друг друга, как американцы или русские, произнося слова: «Здравствуйте», «Доброе утро» («Добрый день»), «Привет». Встретившись днём на рынке и увидев в руках овощи или что-либо подобное, китайцы, приветствуя, говорят друг другу: «Овощи купили?» вместо слов «Добрый день!». В ответ не нужно показывать свои покупки, достаточно сказать утвердительно: «Да, овощи». По дороге на работу, даже если они виделись утром, китайцы задают по сути риторический вопрос-приветствие: «На работу?», в ответ можно услышать: «На работу». Одновременно обе стороны отвечают улыбкой и кивком головы. В некоторых конкретных ситуациях такие слова приветствия, как «Овощи купили?», «На работу?», вводят иностранцев в заблуждение. Различия в культурном фоне приводят иногда к недоразумениям. Русские (украинцы) не понимают, почему китайцы довольно подробно интересуются частной жизнью человека, поэтому часто только из-за вежливости они вынуждены отвечать на все эти вопросы. В действительности же эти слова-приветствия не требуют обстоятельных ответов. С точки зрения китайцев, такие речевые формы наполнены добросердечием и доброжелательностью, они легко сближают людей между собой. В Китае для того, чтобы не разрушить дружественных отношений и не обидеть другую сторону, говорящие иногда поступают своими интересами. И это часто приводит к тому, что обе стороны чувствуют неловкость. Понятно, что излишняя предупредительность в отношениях, особенно в деловом общении, не даёт как полного понимания, так и успехов в переговорах. В подобной ситуации откровенность способствует удаче и эффективному сотрудничеству. Чаще всего многозначные слова играют важную роль в речевом общении у китайцев. Они отражают национальную психологию.

Китайцы отличаются от других более частым употреблением таких слов, в которых воплощается их скромность. Например, русские (украинцы), находясь в гостях у китайцев, могут похвалить хозяина за ужин: «Вы вкусно приготовили, у вас золотые руки!» Им хозяин с улыбкой отвечает: «Что вы! Я плохо приготовил». Так проявляется скромное отношение китайцев к похвале. В речевом общении китайцы считают, что именно в таком ответе проявляется вежливость и скромность говорящего. Китайцы привыкли проявлять свою скромность путем некоторого отрицания своих достоинств. Это результат воздействия китайской культуры [237, с. 256-260].

Таким образом, в ситуации интеркультурного общения обе стороны должны знать и учитывать обычаи и традиции, свойственные другому народу. У народов, которые живут в разных уголках мира, под влиянием истории, экономики, политики, религии и окружающей географической среды, формируется своя языковая картина мира, и складываются особенные нормы речевого поведения. В Китае женщины не скрывают свой возраст. Взрослые женщины и мужчины привыкли к тому, что молодые их называют «тётя» или «старшая сестра», «дядя» или «старший брат». В семье младшие не могут прямо называть старших по имени. Обращение с уважением к старшим, братьям и сёстрам традиционно для китайцев. А старшие могут называть младших по имени. По обращению люди сразу знают, кто старше, а кто младше. В русском (украинском) же этикете не существует такого обычая.

Категория обращения, представленная в виде модели, образца национального менталитета, национальной картины мира, показывает, делая явными различия в русском и арабском языках. В качестве примера выделим речевые практики в виде обращений на фоне арабского речевого этикета в сопоставлении с русским [79, с. 179-185].

По именам система русского обращения значительно богаче и разнообразнее в сравнении с арабским этикетом. Обращение у арабов осуществляется по имени собственному вплоть до появления первого ребенка (преимущественнее сына). Следует сказать о том, что в арабской семье сразу после рождения ребёнка как

мать, так и отца начинают называть по имени, данному ребёнку. Например, Абу Ахмед, Умм Ахмед – отец Ахмеда, мать Ахмеда.

В арабском речевом этикете к уважаемым, почитаемым людям (не связанным родственными узами) не принято обращаться только по именам. К их именам обязательно присоединяются слова, обозначающие род занятий или специальные слова-маркеры вежливости, которые делают обращение по имени наиболее мягким и созвучным. В арабском речевом этикете обращения по названию профессий, должности частотны, они близки по значению суффиксам с обозначением вежливости, в русском (украинском) же речевом этикете такие обращения, которые имеют связь с названиями профессий, должности и т.п. практически отсутствуют. Арабский речевой этикет отличается наличием специальных слов-маркеров вежливости, которые обычно стоят за именем адресата. Они употребляются для выделения старшего по возрастному статусу, независимо от его половой и социальной принадлежности [230, с. 280-282].

В арабском речевом этикете при общении родителей с детьми чаще всего употребляются модально-оценочные слова, а слова с ласкательным значением используются в общении только с самыми маленькими. Русское речевое поведение имеет частое применение ласкательной лексики по отношению к детям.

Арабская культура в отличие от русской, можно сказать, наиболее консервативна и патриархальна, поскольку в речевом этикете учитываются половые различия коммуникантов. Отсутствие в арабской речи форм обращений коммуникантов на «ты» и «Вы», которые есть в русском (украинском) речевом этикете, привело к появлению в арабском речевом этикете слов, восполняющих отсутствие этих различий [230, с. 280-282].

Несмотря на большие различия русского, вьетнамского, китайского и арабского языков, вероисповедания и различия в историческом, экономическом, культурном развитии этих народов, можно утверждать, что существуют закономерности, характеризующие соответствие таких разных речевых культур. Это свидетельствует об общечеловеческой сущности речевого этикета, о его понятности, доступности для изучения людьми, говорящими на разных языках, об

универсальности категории обращения. Как писал Р. Якобсон, «переключение с одного языкового кода на другой возможно и практикуется в действительности именно потому, что языки изоморфны: в основе их структуры лежат одни и те же общие принципы» [271, с. 414].

Категория обращения, благодаря своей универсальности, позволяет увидеть сходства в русском и вьетнамском, русском и китайском, русском и арабском языках. Хотя некоторые особенности каждой из рассмотренных культур нужно знать, видеть их разницу и имеющиеся отличия не только при изучении языка, но и для лучшего осознания поведения других народов.

Исходя из сказанного, на наш взгляд, справедливо звучат слова британского этнографа и антрополога А.Р. Рэдклифф-Брауна о социальной структуре «общества как многоединства»: «Анализ ставит целью как-то упорядочить разнообразие двух- или трехсот систем родства. За всем этим разнообразием можно действительно выявить ограниченное число основных принципов, которые можно применять и комбинировать разным образом» [208, с. 17].

Таким образом, в языковой культуре маргинальной личности просматриваются такие наиболее общие для всех рассмотренных выше этнических групп следующие особенности: 1) полифункциональность; 2) использование различных видов речевых практик в той или иной коммуникативной ситуации; 3) способность приобретать различные смысловые оттенки в зависимости от ситуации; 4) использование говорящим ситуации выбора для передачи одной и той же речевой практики в зависимости от статуса его адресата, от соотношения занимаемых статусных ролей, характера отношений между ними; 5) места, условий, обстоятельств, связанных с протеканием речевых практик, а также эмоционально-психологического состояния в момент общения.

Изменяясь сама, культура, изменяет и сущность человеческой личности. Ибо личность-Человек «превращается в нечто непостижимое только в том случае, когда он реализуется, т.е. «сможет «опосредоваться» через освоение культурных форм общения» [154, с. 49], представленных в виде самых различных речевых практик (воспитания и образования) и оказывающих влияние на формирование культурных

и духовных чувств. Поэтому, на наш взгляд, справедливы в этом отношении слова Б.В. Маркова о языке, который «играет важную роль медиума чувственности» [154, с. 59].

Итак, связи языка, культуры, общественной среды и человека очевидны. Они, влияя друг на друга, и представляют «общество как многоединство», в котором важную роль играет социокультурная коммуникация, что полным образом раскрывается в речевых практиках в межкультурном взаимодействии. Развитие межнациональных культурных, экономических, политических и других отношений увеличивает и расширяет область речевого общения людей, поскольку «структура родства любого общества состоит из неопределенного числа двоичных отношений...», где «любая социальная структура сводится к сети отношений этого типа, каждое из которых связывает одного человека с другим» [208, с. 3]. А это, в свою очередь, проявляется не только при непосредственных контактах, но и посредством информационных технологий.

Поэтому, исходя из вышеизложенного, несомненно, важным, на наш взгляд, является рассмотрение социокультурной коммуникации в контексте медиаобразования, что обусловлено широким полем проблем информационного общества, которые отражают инновационные сдвиги, как в целом обществе, так и в культуре.

3.6. Социокультурная коммуникация в контексте медиаобразования

В начале XXI века в условиях современного динамического развития общества социокультурная коммуникация в своем детерминированном аспекте, как феномен социума и культуры в целом, отражается в компьютерной коммуникации, поскольку происходит информатизация социальной реальности. С помощью новых систем связи и распространения различных технологий (Интернет, мобильные телефоны, скайпы, «мультимедиа» и т.д.), которые способны мгновенно передавать информацию в неограниченном объеме и на любые расстояния, изменяется информационная среда и облик человечества, состояние экономики, культуры и цивилизации.

Социокультурная коммуникация, находясь сегодня на острие глобальной информационной революции, не может не затрагивать современную практику образования как динамически развивающуюся область, которая привлекает всё чаще внимание философов, экономистов, политиков, бизнесменов, а также всех, кто работает в системе образования и науки: педагогов, преподавателей, ученых, исследователей. Так, украинские учёные: В. Андрущенко, Л. Горбунова, Л. Зязюн, Л. Панченко и др. считают, что «новій парадигмі освіти належатиме провідна роль у творенні нової культури, культури освіченої людини. Освіта покликана підготувати людину до майбутніх суспільних та цивілізаційних трансформацій» [182, с. 68-80]. А эти трансформации в сфере культуры, прежде всего, связаны с информационной подготовкой личности к успешному функционированию в обществе. Информационная культура связана с развивающимся полем диалога культур и глобализацией как основой создания мультикультурных сообществ на новой философско-антропологической основе. «Электронная связь низвергла господство «времени» и «пространства» и втягивает нас немедленно и беспрестанно в заботы всех других людей. Она перевела диалог на глобальные масштабы... Мы теперь живем во всемирной деревне... в единовременном происшествии» [149, с. 342-345].

Значительное внимание проблемам информатизации и компьютеризации образования было уделено в работах по философии образования Б.С. Гершунского. Учёный попытался определить действительные возможности компьютеризации, выявить тенденции и оценить последствия информатизации сферы образования, обозначить возможные перспективы использования компьютерной техники и технологии в образовании. Согласно Б.С. Гершунскому, использование компьютерной техники в сфере образования следует рассматривать по таким четырём направлениям: компьютерная техника и информатика как объекты изучения; компьютер как средство повышения эффективности педагогической деятельности; компьютер как средство повышения эффективности научно-исследовательской деятельности в образовании; компьютер как компонент системы образовательно-педагогического управления. Каждое направление соответствует в

его подходе одной из четырех социальных сфер, связанных с системой образования: социально-экономическая сфера социума; философско-методологическая; научно-техническая; психолого-педагогическая. Как справедливо отмечает учёный, данный подход даёт объективную характеристику этой сложной и многоаспектной проблеме, представляет её системность и междисциплинарность [54, с. 288-297].

В украинском обществе проблемы коммуникации связаны со становлением нового типа общества, расширением межкультурных связей, глобализацией культуры, созданием мультикультурных сообществ. Несмотря на то, что традиционные способы существования социокультурной коммуникации теоретически философски осмыслены, они подвергаются трансформациям, которые являются актуальными проблемами в современной культурной ситуации и охватывают как общество, так и культуру. Изменение темпов и способов социокультурной коммуникации влияет на её структуру и динамику, определяя, тем самым, её новые актуальные аспекты в информационном обществе. Новое информационное пространство связано с глубокими трансформациями жизненного мира культуры, поэтому о нём говорят как о динамично развивающемся информационно-коммуникативном пространстве, охватившем современную культурно-цивилизационную систему. Как справедливо утверждает Г.К. Касумова, «происходит необратимое поступательное движение к единому глобальному миру» [117, с. 86].

В настоящее время одной из основных характеристик глобализации мира является межкультурное взаимодействие различных обществ и культур, в том числе европейских, азиатских, африканских, что связано с увеличением количества студентов, которые получают образование за границей. В связи с этим Украина всячески старается создать достаточно благоприятные условия для обучения иностранных студентов. В последнее время в Украине наблюдается увеличение количества университетов, которые получили право предоставлять образовательные услуги иностранцам. Однако следует отметить, что права первенства принадлежат высшим учебным заведениям, которые имеют в своём

арсенале достаточно высокую модернизированную техническую базу для обучения, социальное обеспечение и ответственность.

Проблема модернизации технической базы для обучения и информатизация образования – это фундаментальная и важнейшая глобальная проблема XXI века, поскольку от её решения во многом зависит дальнейшее экономическое благосостояние и социальное развитие современного общества. Именно образование должно в своём современном развитии предвидеть и попытаться удовлетворить потребности будущих поколений, что непосредственно связано с процессом информатизации общества, который поможет осуществить «прорыв в будущее» [186, с. 6-8].

Современное иноязычное образование включает в себя поиск эффективных способов оптимизации учебного процесса по иностранным языкам, учитывая инновационные процессы, которые происходят в сфере образования в целом. Как справедливо отмечает Е.И. Воробьёва, «стратегическая цель современного иноязычного образования предусматривает развитие у обучаемых черт и качеств вторичной языковой личности, что подразумевает не только изучение иностранных языков, но и глубокое проникновение в иноязычную культуру. Коммуникативная, межкультурная компетентности, а также способность к самообразованию на протяжении всей жизни являются ключевыми компетентностями, необходимыми современному специалисту для эффективного взаимодействия и самореализации в профессиональной, социальной и других сферах» [41].

В языке находят свое отражение не только менталитет, но и поведение говорящего на нем социума. Культура передается и развивается через общение, посредством которого осуществляется формирование общества и обеспечение взаимопонимания между его членами. Коммуникативная культура – это, прежде всего, умение общаться, в том числе и в деловых ситуациях, вырабатываемых поколениями людей. Она включает систему кодифицированных образцов и норм поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей, несущих регулятивную и контрольную функцию в социуме. Основным инструментом общения является язык. Являясь социальным, он составляет часть человеческого

поведения, которое включает в себя как вербальную, так и невербальную формы, так как язык в определенной мере подчиняется тем же законам, что и человеческое поведение в целом.

Именно успешные и эффективные контакты с представителями других культур невозможны без практических навыков социокультурного общения. В связи с этим необходимо развитие культурной восприимчивости, способностей к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных культурах, а также формирование практических навыков и умений [84; 88]. Поскольку межкультурные профессиональные контакты расширяются, возрастает потребность общества в специалистах различного профиля, владеющих иностранным языком. Владение иноязычным кодом, который позволяет успешно осуществлять межкультурное профессиональное взаимодействие, предполагает также изучение и понимание профессионально-значимых концептов коммуникативной инофонной культуры, в свою очередь, определяющих специфику общественного и делового поведения, которое детерминировано под влиянием исторических традиций и обычаев, образа жизни и т.п.

В качестве одной из главных предпосылок социокультурной коммуникации является лингвистическая общность коммуникантов, то есть наличие единого для обоих языка общения. Именно этим объясняется повышенное внимание к иностранному языку на всех уровнях мировой образовательной системы. «Знання іноземної мови (а краще кількох) підвищує реалізацію професійної майстерності молодого фахівця, який має більший потенціал самовираження, і відповідно його визнання в суспільстві» [210, с. 299-301].

Развитие современных средств коммуникации способствовало трансформации социокультурной реальности: появилась медиареальность. Медиареальность непосредственно имеет связь с производством и потреблением медиапродукта. Поэтому всё чаще ведётся речь об *информационной технологии* (ИТ) обучения, сущность которой заключается в создании информационно-интеллектуальной среды, доступной для любого участника образовательного процесса. По мнению украинских ученых, «використання ІТ у навчанні іноземних

мов один з найважливіших мотивів переходу до нового етапу оновлення змісту освіти, що зумовлює відповідні зміни засобів навчання, форм і методів навчання» [113, с. 141-143]. Такая постановка вопроса всё чаще находит своё отражение у украинских преподавателей, работающих в иностранной аудитории, о чём свидетельствуют многочисленные доклады на международных научно-практических конференциях, посвящённых проблемам преподавания языков в высших учебных заведениях на современном этапе, проводимых в Центре международного образования Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина [84; 88]. В качестве иллюстративного материала приведем некоторые словосочетания, используемые в названиях тезисов докладов преподавателей (2011-2014 гг.), работающих с иностранными учащимися: «технологические аспекты современного образования», «информационные технологии обучения», «информационно-техническое обеспечение», «новые технологии в обучении», «компьютерная оценка знаний студентов», «использование ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ в обучении иностранным языкам в вузах», «инновационные технологии при обучении РКИ», «использование интерактивных технологий при обучении РКИ», «использование интерактивной доски в процессе интенсификации обучения иностранцев», «использование презентаций на уроках РКИ», «создание электронных учебников для иностранных студентов»; «мультимедийный подход», «мультимедийные технологии», «мультимедийные средства в обучении РКИ/УКИ (русского/украинского как иностранных)», а также «тестовый контроль с использованием компьютерной техники», «проблемы тестирования в преподавании иностранных языков с использованием компьютерной техники», «проблемы тестирования и развитие технологий», «видеоконференции на факультетах международного образования», «дистанционное обучение», «дистанционное обучение и преподавание иностранных языков», «дистанционное образование при обучении иностранных студентов» и др. [84].

Как показывает анализ научно-исследовательской литературы, наиболее активно информатизация образовательной сферы, касающейся преподавания РКИ

(русского как иностранного) или УКИ (украинского как иностранного) языков, происходит в трех основных направлениях: управлении образовательным процессом (автоматизация подготовки расписания, оформление учебных планов и программ и т.д.); создании учебных материалов (создание электронных учебных материалов; создание презентаций к урокам по РКИ; тестовый контроль с использованием компьютерной техники и т.д.); в обучении (использование презентаций на уроках по РКИ, проведение тестового контроля с использованием компьютерной техники и т.д.) [84, с. 278-283].

Развитие компьютерной техники во второй половине XX века расширило образовательные функции компьютеров, что обусловило создание специальных обучающих компьютерных сред, направленных на развитие обучаемых инофонов, их активности, самостоятельности и творчества.

Сеть Интернет и её ресурсы имеют огромное значение для изучения и использования в образовательном процессе дидактического потенциала новых информационно-коммуникационных технологий (электронная почта, форумы, чаты, теле- и видеоконференции и т.д.) [233, с. 45]. Говоря о дидактическом потенциале Интернет-коммуникации, следует сказать о «педагогической компьютерно-опосредовательной коммуникации» (И.Н. Розина) – прикладном педагогическом научном направлении, «где исследуется использование участниками образовательного процесса электронных сообщений для формирования знаний и взаимопонимания в образовательной информационно-коммуникационной среде в соответствующих обучению контексте, информационной и коммуникативной культуре» [204, с. 41].

Благодаря техническим возможностям и дидактическим свойствам и функциям Интернет-технологий стало интенсивно развиваться в масштабах всего мира виртуальное образование, включающее дистанционное обучение (видеоконференции, интерактивное телевидение) [187], которое создает реальную возможность образовательной среды без границ, тем самым, повышая качество образования, где доминантой в его инновационных моделях выступает личностная продуктивная деятельность иностранных учащихся, которая организуется с

помощью современных телекоммуникаций.

Сегодня социокультурная коммуникация выступает в качестве информационной культуры личностей, приобретая такие черты, которые становятся главным основанием культуры информационного общества, отражая социальные и культурологические особенности этого общества. «Культура личностей, групп и сетей постепенно начинает доминировать над культурами наций, стран, государств и т.д. Она считается социокультурной основой жизни и поведения человека в информационном обществе» [41].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что сегодня человек смотрит на мир глазами медиа. Массовый характер медиа, проявляющийся, в данном случае, при обучении иностранных студентов, изменяет реальность, т.е. те условия, в которых ранее происходил процесс обучения иностранцев, как языку, так и основам их специальности на обучаемом языке. Эта медиареволюция является не только реальной, но и необратимой (В.В. Савчук), поскольку она воспроизводит медиакультуру и медиaprостранство; происходит двойное замещение человеческого, функцию которого уже выполняет цифровое кодирование информации (И.П. Смирнов) [209, с. 15-16].

Если раньше при подаче нового грамматического материала для иностранных студентов выступали такие виды наглядности, как *предметно-изобразительная наглядность* (зрительная, словесно-графическая, образно-опосредованная; картинный словарь, «Грамматика русского языка в иллюстрациях» [190], раздаточный материал в виде карточек к каждой грамматической теме данного урока) [76, с. 51-53]), *аудиовизуальные средства* (учебные фильмы: диафильмы, кинофильмы, видеофильмы, телефильмы и т.д.) и *аудитивные средства* (магнитопись: магнитофон, радио, аудиозапись и т.д.) [78, с. 101-107], то теперь наряду с традиционными методами обучения иностранных учащихся особую актуальность приобрели новейшие компьютерные и информационно-коммуникационные технологии в обучении, получившие название «мультимедийные технологии» или «мультимедиа» [84; 88].

В исследовании *мультимедиа* представляют собой широкий спектр

информационных технологий, которые используют различные программы и технические способы с целью наиболее эффективного влияния на пользователя, т.е. на иностранного студента, так как он при этом становится одновременно и зрителем, и слушателем, и читателем, что способствует эмоциональному усвоению учебной информации через одновременное использование графической, звуковой и визуальной информации. Именно об этом и говорил Г.М. Маклюэн, рассматривая масс-медиа в контексте медиасреды в рамках определенных социокультурных отношений, где определяющим фактором является способ коммуникации, т.е. технология, а социальная эволюция происходит в совершенствовании, трансформации различных типов масс-медиа [88, с. 137-140].

В книге «Медиакультура: от модерна к постмодерну» К.Б. Кириллова пишет: «Все виды медиа (аудиальные, печатные, визуальные, аудиовизуальные) включают в себя культуру передачи информации и культуру её восприятия; медиакультура может выступать и системой уровней развития личности, способной читать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания посредством медиа и т.д.» [122, с. 31]. Этот тезис, на наш взгляд, очень точно отражает процесс обучения русскому (украинскому) языку иностранных учащихся в Украине. Иначе говоря, иностранные студенты в Украине, развивая качества «вторичной языковой личности», т.е. изучая русский, украинский и другие языки, и получая специальность на этих языках, уже могут включаться в процесс социокультурной коммуникации, используя все виды медиа (аудиальные, печатные, визуальные, аудиовизуальные), выступая при этом сами в качестве *медиакультурной личности*, способной читать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания посредством медиа и т.д. на изучаемом языке [84; 88].

Поскольку иноязычное образование включает поиск всё более эффективных методик и способов оптимизации учебного процесса, то нами предлагается учитывать в инновационных процессах фактор социокультурной коммуникации и фактор создания социокультурных лингвистических общностей. Социокультурная коммуникация строится вокруг речевых практик, предметно-изобразительной

наглядности, аудиовизуальных средств, медиареальности и «педагогической компьютерно-опосредовательной коммуникации». Благодаря взаимопроникновению различных компонентов социокультурной коммуникации возможно максимально эффективно внедрять мультимедийные информационные технологии в различных видах обучения иностранцев в Украине [88, с. 137-140], что является необходимым условием для построения справедливого и всеобщего информационного общества в условиях культурного и языкового многообразия, которое находит своё отражение в программе ЮНЕСКО «Информация для всех» [46], направленной на создание и реализацию политики в области информации и стратегии развития знаний о мире, в котором все больше используются информационные и коммуникационные технологии.

С уверенностью можно сказать, что в полной мере лингводидактический потенциал компьютерных и информационно-коммуникационных технологий ещё не изучен, поэтому множество проблем в этой сфере нуждается в их решении. Дальнейшие исследования и разработка наиболее эффективных педагогических решений и технологий в изучении социокультурной коммуникации посредством информационного общества и международного образования в Украине, т.е. в контексте медиаобразования, позволят в полной мере решать задачи современного иноязычного образования [84; 88], помогут коммуникантам-инофонам в достаточной мере облегчить процессы социализации и аккультурации, будут способствовать развитию современной, толерантной к сотрудничеству и созиданию мультикультурной личности в условиях культурного и языкового многообразия, а также будут служить для дальнейшего построения межкультурной модели образования в целом, поскольку основа человеческого жития – это «обустройство окружающего мира, ..., взаимная подгонка человека и мира»: сопричастность к бытию, соучастие в бытии, которое помогает решать «условие сочинения», т.е. жизни человека, которая «содержит некое изначальное задание, состоящее в необходимости измерять земные дела и события небесным масштабом» [154, с. 56], ибо «своей жизнью человек со-чиняет земное и небесное, смертное и божественное» (Б.В. Марков), что реализуется непосредственным образом в

речевых практиках социокультурной коммуникации, которая представляет собой «дом-бытия» и открыта всегда для межкультурного взаимодействия и диалога, поскольку постоянно расширяющийся диалог возвращает человека к вопросу о целостности, о механизмах континуума.

Выводы к третьему разделу:

Социокультурная коммуникация выступает источником жизнеспособности, условием самодостаточности социального организма, что отражается в его *речевых практиках*.

Коммуникативные аспекты речевых практик актуализируются при рассмотрении новых способов коммуникации, информационного обмена, обмена между различными культурами, новых технологий коммуникации. Структура речевых практик отображает как лингвистические, так и ментальные структуры национальных языков и национальных картин мира, поэтому исследование *речевых практик* является построением *модели межкультурного взаимодействия*.

В исследовании под понятием «*речевые практики*» понимается сложная система субъект-субъектного языкового взаимодействия, направленного на установление определенных коммуникативных отношений и взаимоотношений, включая достижение духовной общности, взаимной духовной и культурной сопричастности людей.

Показана дискурсивная природа, дискурсивный статус речевых практик. Дискурс рассмотрен, как сложное коммуникативное явление, которое включает, как акт создания определённого текста, так и отражает зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических философских обстоятельств (знаний о мире, картины мира определенной культуры, установок и целеполагания говорящего и подобное). Дискурс также проанализирован как интерактивная деятельность участников общения: установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание языкового и мировоззренческого воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий.

Сделан вывод, что с помощью анализа дискурса, а значит, и его составляющих – *речевых практик*, как лингвистика, так и философия имеют своей целью изучение смыслов, которые существуют для человека в актах его взаимодействия с другими людьми. Правомерно сказать о том, что, с одной стороны, дискурс может выступать в качестве *совокупности* речевых практик, а с другой стороны, дискурс – это сама речевая практика («чистая практика» – М. Фуко), выступающая в виде сегмента целого «дискурса» (слово, высказывание, текст и т.д.), что несёт в себе содержание и действие, возникая из ментальных процессов, которые пересекаются с психологическими, социальными, культурными и многими другими аспектами жизни.

В ходе исследования обозначены модели речевых практик социокультурной коммуникации в контексте философско-антропологического анализа. Были выделены 7 моделей языковых практик, где происходит актуализация языка в речи:

- 1) *формально-логическая,*
- 2) *семантическая,*
- 3) *герменевтическая,*
- 4) *экстралингвистическая,*
- 5) *структуралистская,*
- 6) *интеракционистская,*
- 7) *постнеклассическая.*

Таким образом, представленные модели языковых практик социокультурной коммуникации в контексте философско-антропологической интерпретации, которые применимы для актуализации языка в речи, могут быть использованы для описания различных способов анализа дискурса, в связи с чем, и выбор средств анализа будет зависеть от того или иного способа. В исследовании не ставится основной целью – обозначить некую иерархию среди представленных моделей, указав на предпочтительность употребления одних перед другими. Так, *формально-логическая модель* языковых практик может быть применима в философии языка, где важной функцией выступает аналитическая, что направлена на обоснование теоретического поля дискурса и дает некоторое представление о множественности речевых практик, которые могут существовать в социуме. *Семантическая модель* языковых практик рассматривает формы речи и, презентуя их, сравнивает их между собой. Особое место здесь приобретает значимость языковых универсалий, а также взаимное соответствие разных языковых картин

мира и их направленность на диалог, где наличие Другого позволяет выстроить семантику каждого из языков. *Герменевтическая модель* языковых практик представляет собой философию понимания текста, т.е. смысла жизни, мироощущения. Она выражается в виде информации между двумя субъектами понимания (письменный текст, устный текст (речь), интонация, взгляд, жест, молчание), создавая некий «горизонт понимания» в качестве способа существования человека, что задает антропологичность языка в онтологии. *Экстралингвистическая модель* языковых практик рассматривает игру идентичностей, в результате которой могут возникать новые формы субъектности, появляться новые позиции. Это «языковая игра», представленная в виде единого целого: некоторая форма жизни, которая учит и языку, и культуре, и различным формам жизни. *Структуралистская модель* языковых практик направлена на рассмотрение речевых практик в форме дискурса, поскольку концепция дискурса является неотъемлемой частью современных наук о человеке. Структуралистская модель языковых практик позволяет увидеть единство человеческих культур посредством различия способов выявления их внутренних взаимосвязей, рассмотреть речевые практики посредством межкультурного диалога в виде «звукового континуума». Составляющей *интеракционистской модели языковых практик* является взаимодействие коммуникативно-действующих субъектов, находящихся в определенной социально-культурной обстановке, где с помощью коммуникации субъектов происходит как бы переоткрытие мира и, связанные с ним, процессы обучения внутри мира, которые, пересекаясь и переплетаясь, имплицитно участвуют в воспроизводстве жизненного мира субъектов-коммуникантов. *Постнеклассическая модель* языковых практик направлена на рассмотрение информационного, сетевого общества, в создании которого сыграли важную роль коммуникационные технологии, получившие широкое признание в к. XX – н. XXI вв. (Интернет, мультимедиа, сетевые коммуникации и т.д.).

Доказано, что речевые практики являются наиболее релевантными составляющими дискурса как сверхсложного коммуникативного явления, включающего не только поверхностный уровень высказывания, но и

представляющие глубинные интенции участников коммуникации, которые выражают как общий контекст, так и описывают лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки. А они определяются не столько последовательностью предложений, сколько тем общим «жизненным» миром, как для тех, кто создает дискурс, так и его интерпретатора.

В структуре речевых практик как межкультурного дискурса выделены следующие компоненты: 1) *«информационная» коммуникация* (для сообщения новых знаний и изменений «картины мира»); 2) *коммуникация «сотрудничества»* (для обеспечения взаимодействия субъектов коммуникативного процесса); 3) *«императивная» коммуникация* (реализуется в контексте «инструктирующего» дискурса; используется при реализации интенции «управление»); 4) *«оценочная» коммуникация* (реализуется при использовании оценочных речевых актов и выполняет контрольную функцию).

Главной сущностью речевых практик в межкультурном взаимодействии является появление антропологического и онтологического пространства – «пространства со-бытия». В этом едином онтологическом и антропологическом пространстве социокультурной коммуникации одновременно могут существовать субъекты, имеющие разные основания и способы бытия, в то время когда Другой возникает не один за другим, а именно одновременно, т.е. рядом в том бесконечном числе сочетаний, которые показывают не однозначность, а многозначность для того, чтобы выразить глубинный смысл различий, сопряженность и сочетаемость разных культурных миров и культурно-языковых картин мира в фактах построения межкультурной коммуникации.

Проведен компаративный анализ речевых практик в рамках русской и китайской культур, что позволило раскрыть, как языковые картины этих культур, так и способы функционирования речевых практик в зависимости от различной философии языка и национальных дискурсов.

Показана языковая картина мира в контексте диалога культур, который основан на общих культурных универсалиях, что сопряжены и взаимодействуют в различных культурах. Языковая картина мира является единством в многообразии,

универсалиями, которые имеют некоторые особенности отражения в тех или иных культурах (речевые лакуны, различия в речевых практиках). При этом сохраняются периферийные участки в языковой картине мира (лакуны), которые остаются за пределами логического отражения, и в качестве словесных образов вещей и лингвистических моделей отношения между ними варьируются от языка к языку в зависимости от специфических особенностей последних.

Предлагаются три модели речевых практик в межкультурном взаимодействии – «сопротивление культур», «соизучение культур» и «диалог культур».

Рассмотрены языковые картины мира, выраженные в речевых формах обращений различных языковых культур, т.е. в речевых практиках этих культур (китайская, русская, арабская, вьетнамская культуры и их речевой этикет).

Доказано, что для моделей «соизучения культур» и «диалога культур» главными факторами являются герменевтическое проникновение в языковые картины мира, учёт социально-психологических и социокультурных обстоятельств обучения, когнитивные особенности (наличие речевых лакун), а также ситуативные, социокультурные факторы, в том числе статус социокультурных маргиналов и их принадлежность к малым этническим и социокультурным группам («новый трайбализм», межкультурное взаимодействие на микроуровне).

В языковой культуре маргинальной личности просматриваются такие наиболее общие для всех этнических групп следующие особенности: 1) полифункциональность; 2) использование тех или иных речевых практик в той или иной коммуникативной ситуации; 3) способность приобретать различные смысловые оттенки в зависимости от ситуации; 4) применение говорящим ситуации выбора для передачи одного и того же интенционального смысла (речевой практики) в зависимости от статуса его собеседника, соотношения ролевых позиций, характера отношений между ними; 5) использование условий и обстоятельств речевого акта, эмоционально-психологического состояния в момент общения.

Проанализирована социокультурная коммуникация в контексте медиаобразования. Отмечено, что иностранные студенты в Украине, развивая

качества «вторичной языковой личности», т.е. изучая русский / украинский языки, и получая специальность на этих языках, уже могут включаться в процесс социокультурной коммуникации, используя все виды медиа (аудиальные, печатные, визуальные, аудиовизуальные), и выступая при этом сами в качестве медиакультурной личности, способной читать, анализировать, оценивать медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания посредством медиа и т.д. на изучаемом языке.

В полной мере лингводидактический потенциал компьютерных и информационно-коммуникационных технологий ещё не изучен, поэтому множество проблем в этой сфере нуждается в их решении. В дальнейшем создание новых методологических разработок с применением наиболее эффективных информационных технологий в изучении социокультурной коммуникации в медиаобразовании позволят решать задачи современного иноязычного образования, помогут коммуникантам-инофонам в достаточной мере облегчить процессы социализации и аккультурации, будут способствовать развитию современной, толерантной к сотрудничеству и созиданию мультикультурной личности в условиях культурного и языкового многообразия, а также будут служить построением межкультурной модели образования в целом, которая всегда имеет антропологический характер.

ВЫВОДЫ

Согласно цели диссертационной работы, посвященной исследованию социокультурной коммуникации в контексте философско-антропологического анализа речевых практик в межкультурном взаимодействии, были рассмотрены следующие научные проблемы и получены такие результаты: 1) раскрыта философско-антропологическая сущность речевых практик в контексте социокультурной коммуникации; 2) осуществлен процесс философской трансформации понятий «коммуникация», «социокультурная коммуникация», «речевые практики»; 3) проанализирован процесс развития феномена социокультурной коммуникации, начиная с античности и заканчивая современностью; 4) систематизированы методологические подходы к философскому рассмотрению социокультурной коммуникации в контексте диалога культур; 5) проанализирована и установлена взаимосвязь социокультурной коммуникации и речевых практик с помощью методологии синергетики и лингвосинергетики; 6) выделены и исследованы модели языковых практик социокультурной коммуникации в контексте философско-антропологического анализа; 7) выделены антропологические модусы речевых практик в языковых картинах мира национальных культур, статус речевых практик в межкультурном диалоге; 8) рассмотрены инновационные видоизменения социокультурной коммуникации в контексте медиаобразования.

Проведенный анализ позволил нам сделать следующие *выводы*:

– доказано, что социокультурная коммуникация реализуется с помощью речевых практик, которые трансформируют ее и выступают своеобразными «антропотехниками», в чём проявляется их философско-антропологическая интерпретация; определено и раскрыто, что философско-антропологическая сущность социокультурной коммуникации заключается в гуманизации межличностных и межкультурных отношений, гармонизации отношений между людьми, раскрытии персонального коммуникативного потенциала;

– осуществлен комплексный антропологический анализ процесса

философской трансформации понятий «коммуникация», «социокультурная коммуникация», «речевые практики». Отмечено, что понятие «коммуникация» используется первоначально в гуманитарных науках для подчеркивания информационной коммуникации, а в понятии «социокультурная коммуникация» акцентируются особенности инкультурации и социальных связей, а также антропологическая природа коммуникации; понятие «речевые практики» воспроизводит способы функционирования социокультурной коммуникации;

– проанализирован процесс развития феномена социокультурной коммуникации, начиная с античности и до современного философского пространства (в античности коммуникация предстает в виде «слова-логоса», в современной философии – как инструмент философского осмысления разных сфер человеческой деятельности); продемонстрировано, несмотря на то, что современное изучение коммуникации осуществляется в контексте разных философских парадигм (семиотики и герменевтики, экзистенциализма, персонализма, аналитической и лингвистической философии, диалогической философии, структурализма и постструктурализма, концепций информационного и сетевого общества), оно всегда базируется на основе философской антропологии;

– систематизированы методологические подходы к философскому рассмотрению социокультурной коммуникации в контексте диалога культур. С помощью концепции диалога культур (В. Библер, М. Бахтин) на основе функционального анализа и историко-компаративного метода, а также герменевтики культуры (интерпретативного метода) выявлена антропологическая специфика диалогического потенциала социокультурной коммуникации. Представленные подходы к изучению межкультурной коммуникации помогают объяснить человеческое поведение, основанное на правилах той или иной культуры, и дают объективную оценку межкультурному общению, раскрывая проблему антропологического аспекта коммуникации в виде «встречи Одного с Другим» (М. Бубер), в виде проявления «бытия человека с человеком», что нашло своё воплощение в триаде <адресант – наддресат – адресат> (М. Бахтин);

– проанализирована и установлена взаимосвязь социокультурной

коммуникации и речевых практик с помощью методологии синергетики и лингвосинергетики, что позволило обогатить герменевтический и структурно-функциональный подходы к изучению проблем речевых практик и коммуникации. Обосновано, что синергетический подход к языку открывает перспективы для изучения коммуникантов-инофонов и их речевых практик, а также он позволяет проследить влияние коммуникативной среды на содержание речевых произведений. Определено, что с точки зрения лингвосинергетики, самоорганизация коммуникантов-инофонов проявляется в их коммуникативном поведении, спонтанности речепорождения и обеспечивает возможность осуществлять межличностный дискурс;

– проведенный анализ корреляции между социокультурной коммуникацией и речевыми практиками позволил рассматривать их как практики взаимодополняемости и взаимозависимости; их взаимодействие осуществляется с помощью следующих структурных элементов: 1) действие актера и / или носителя сообщения; 2) ответная реакция реципиента; 3) содержание коммуникативного процесса; 4) взаимные роли, которые связывают участников коммуникативного взаимодействия;

– выделены и исследованы модели языковых практик социокультурной коммуникации в контексте философско-антропологического анализа: 1) формально-логическая, 2) семантическая, 3) герменевтическая, 4) экстралингвистическая, 5) структуралистская, 6) интеракционистская, 7) постнеклассическая. Отмечено, что социокультурная коммуникация, представленная посредством речевых практик в межкультурном взаимодействии, является *холистической моделью межличностного дискурса коммуникантов-инофонов в постнеклассической науке*, поскольку она включает в себя *субъект-субъектные отношения* (содержательная основа межличностного дискурса), *семантико-прагматические интенции* (базис межличностного дискурса), *диалогизм отношений* (формулы речевых практик межличностного дискурса) в виде *целостного единства триединой природы: языка, речи, дискурса*;

– доказано, что речевые практики в национальных языковых картинах мира

реализуются в разных антропологических модусах: информационном, прагматическом, контактоустанавливающем, автопрезентативном, апеллятивном, экспрессивном, побудительном, регулирующем, ритуальном и перформативном. Статус речевых практик в межкультурном диалоге является доминантным, определяющим общие формы общения, создание вербального и невербального образа, имиджа, регулятивов и норм диалога. Предложены три модели речевых практик в межкультурном взаимодействии: «сопротивление культур», «соизучение культур» и «диалог культур». Выявлено, что современная модификация социокультурной коммуникации заключается в том, чтобы включать и расширять «соизучение культур», распознавать и согласовывать фреймы и сценарии различных поликультурных образований;

– на основе компаративного анализа рассмотрены формулы речевых практик в виде приветствий и обращений, представленных китайской, вьетнамской и арабской формами речевого этикета. Выяснено, что они являются ярким примером межличностного общения, поскольку представляют социокультурные детерминанты в виде этикетных норм, правил и ролей, у истоков которых находится культурная традиция;

– выделены инновационные видоизменения социокультурной коммуникации в контексте медиаобразования. Выступая в качестве необходимого условия для построения толерантного информационного общества в условиях культурного и языкового многообразия, социокультурная коммуникация в контексте медиаобразования способствует поиску наиболее эффективных методик и способов оптимизации учебного процесса, что даёт возможность максимально эффективно внедрять мультимедийные информационные технологии в различных видах обучения иностранных граждан в Украине.

Таким образом, определено, что речевые практики социокультурной коммуникации – это практики, в которых реализуются цели, направления, желания человека, в результате чего они становятся теми коммуникативными стратегиями, где происходит взаимодействие языка – речи – речевых практик (дискурса), поскольку именно человек выступает в качестве связующего звена этих стратегий.

Исходя из вышеизложенного, сделан вывод о том, что в основе социокультурной коммуникации и речевых практик находится принцип антропоцентризма.

В результате философско-антропологического анализа социокультурной коммуникации в контексте речевых практик в межкультурном взаимодействии установлено, что в целом данное исследование, с одной стороны, заполняет своеобразную теоретическую лакуну в изучении социокультурной коммуникации, связанную с малоизученными речевыми практиками в межкультурном взаимодействии. А с другой, на основе анализа речевых практик в межкультурном взаимодействии расширяет спектр существующих концепций в сфере философской антропологии и социально-гуманитарного знания. В дальнейшем изучение речевых практик в межкультурном взаимодействии в научно-просветительской и образовательной деятельности будет способствовать расширению использования методологии коммуникативного моделирования и лингвосинергетики в научной и преподавательской практике высшей школы Украины, а также служить построению межкультурной модели образования в целом, которая всегда носит антропологический характер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аврамов Г.Г. Язык. Культура. Межкультурная коммуникация : к вопросу о синтезирующем характере межкультурной коммуникации / Г.Г. Аврамов // Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия : материалы II-ой Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Ю. Меликян. – Вып. 2. – Ростов-на-Дону : Дониздат, 2012. – С. 148-157.
2. Азимов Э. Г. Словарь методических терминов. Теория и практика преподавания языков / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – СПб : Златоуст, 1999. – 472 с.
3. Алиева Н.З. Философско-методологические основания естественнонаучного образования в контексте постнеклассической науки : дис. ... докт. филос. наук : спец. 09.00.08 / Н.З. Алиева ; Юж. федер. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2009. – 300 с.
4. Американская социологическая мысль : Тексты : [перевод] / состав. Е.И. Кравченко; под ред. В.И. Добренкова. – Москва : МГУ, 1994. – 496 с.
5. Антология исследований культуры. Интерпретации культуры / сост. С.Я. Левит. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 728 с. – (Культурология XX век).
6. Апель К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.О. Апель // Вопросы философии. – М., 1997. – № 1. – С. 76-92.
7. Апель К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель ; пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. – М. : Логос, 2001. – 339 с. – (Университетская библиотека. Серия «Сигма»).
8. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / Аристотель. – М. : Гос. изд-во худож. литературы, 1957. – 184 с.
9. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Аристотель. Сочинения : в 4-х т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1976. – 550 с.
10. Арто А. Театр и его двойник : манифесты, драматургия, лекции, философия театра / А. Арто ; сост. и вступ. статья В. Максимова ; коммент. В. Максимова и А. Зубкова. – СПб. ; М. : Симпозиум, 2000. – 440 с.

11. Арутюнова Н.Д. От редактора / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка : Язык речевых действий. – М. : Наука, 1994. – С. 3-5.
12. Аршинов В.И. Проблема языка в постнеклассической науке / В.И. Аршинов, Я.И. Свирский // Физика в системе культуры. – М. : Наука, 1996. – С. 175-194.
13. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В.И. Аршинов. – М. : ИФРАН, 1999. – 203 с.
14. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин ; сост. С.Г. Бочаров. – 2-е изд. – М. : Искусство, 1986. – 445 с.
15. Бахтин М.М. Собр. соч. : в 7 т. / М.М. Бахтин. – Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М. : Рус. словари, 1997. – 731 с.
16. Белянин В.П. Психолингвистика / В.П. Белянин. – М. : Флинта ; Моск. психол.-социальн. ин-т, 2003. – 232 с.
17. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
18. Бессонова Т. И. «Что в имени тебе моем...» : о китайской антропонимике / Т.И. Бессонова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – К., 2005. – № 3. – С. 72-74.
19. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры / В.С. Библер. – М. : Прогресс, 1991. – 176 с.
20. Бобловський О.Ю. Міжкультурна взаємодія в умовах глобалізації : філософсько-культурологічний вимір : дис. ... канд. філос. наук : спец. 09.00.04 – філософ. антр., філософія культури / О.Ю. Бобловський. – Х., 2012. – 189 с.
21. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Т. I. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 387 с.
22. Бор Н. Философия естествознания и культуры народов / Н. Бор // Бор Н. Атомная физика и человеческое познание = Atomic Physics and Human Knowledge / пер. с англ. В.А. Фока и А.В. Лермонтовой. – М. : Изд-во иностр. литературы. Редакция литературы по философским наукам, 1961. – С. 39-51. – [Djv-ZIP] – Доработка, форматирование : NBL, 2010.

23. Бориснёв С.В. Социология коммуникации / С.В. Бориснёв. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с.
24. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. / Ф. Бродель. – Т. 2. – М. : Прогресс, 1988. – 632 с.
25. Брутян Г.А. Гипотеза Сепира-Уорфа / Г.А. Брутян. – Ереван, 1968. – 66 с.
26. Брутян Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // НДВШ. Философские науки. – М : Изд-во Моск. ун-та, 1979. – № 1. – С. 107-114.
27. Бубер М. Два образа веры / М. Бубер ; пер с нем. под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. – М. : Республика, 1995. – 464 с. – (Мыслители XX века).
28. Буданов В.Г. Междисциплинарные технологии и принципы синергетики : проблемы и коррективы / В.Г. Буданов // Синергетика : труды семинара. – М. : Изд-во МГУ, 1998. – Вып. 1. – С. 5-36.
29. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В.Г. Буданов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
30. Бурдые П. Структура, габитус, практика / П. Бурдые // Журнал социологии и социальной антропологии. – СПб., 1998. – Том I. – № 2. – С. 40-58.
31. Бурдые П. Практический смысл / П. Бурдые ; пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко ; общ. ред. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – 562 с. – (Серия «Gallicinium»).
32. Бусова Н.А. Модернизация, рационализация и право / Н.А. Бусова. – Х. : Прометей-Пресс, 2004. – 352 с.
33. Васильев А.Д. Игры в слова : манипулятивные операции в текстах СМИ / А.Д. Васильев. – СПб. : Златоуст, 2013. – 660 с.
34. Верещагин Е.М. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
35. Винокур Г.О. О задачах истории языка : Избранные труды по русскому языку / Г.О. Винокур. – М. : Учпедгиз, 1959. – 492 с.

36. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. – Ч. 1. – М. : Гнозис, 1994. – С. 75-319.
37. Витгенштейн Л. Философские работы / Л. Витгенштейн ; пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. – Ч. 1. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
38. Владимирова Т.Е. Призванные в общение : Русский дискурс в межкультурной коммуникации / Т.Е. Владимирова. – М. : КомКнига, 2007. – 304 с.
39. Волкова А.Г. Разговорный практикум по русскому языку : Филологический профиль : учеб. пособие для иностр. студентов I-II курсов / А.Г. Волкова, С.П. Домнич, Н.П. Доценко, В.В. Мисенева, И.В. Петров. – Х. : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. – 136 с.
40. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка : Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В.Н. Волошинов // Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка : статьи / сост. и текстолог. подготовка И.В. Пешкова ; коммент. В.Л. Махлина, И.В. Пешкова. – М. : Лабиринт, 2000. – С. 349-487.
41. Воробьева Е.И. Информатизация иноязычного образования : Основные направления и перспективы : монография / Е.И. Воробьева. – Архангельск : Помор. ун-т, 2011. – 123 с.
42. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. – М. : АПН РСФСР, 1956. – 520 с.
43. Выготский Л.С. Проблемы общей психологии / Л.С. Выготский // Выготский Л.С. Собр. соч. : в 6-ти т. – Т. 2. – М. : Педагогика, 1982. – 504 с.
44. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – 5-ое изд., испр. – М. : Лабиринт, 1999. – 352 с.
45. Высшая школа культурологии – Культурологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/CultDic/index.php. – Заглавие с экрана.

46. Высшее образование в XXI веке. Подходы и практические меры // Всемирный статистический обзор по высшему образованию : Рабочий документ ЮНЕСКО. – Париж, 2000. – 143 с.
47. Гадамер Х.-Г. Истина и метод : Основы философской герменевтики / Х.Г. Гадамер ; пер с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
48. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер ; пер с нем. ; сост. М.Ф. Стафеецкой ; послесл. В.С. Малахова, В.В. Бибикина ; науч. ред. В.С. Малахов. – М. : Искусство, 1991. – 367 с.
49. Гадамер Х.-Г. Деконструкция и герменевтика / Х.-Г. Гадамер // Герменевтика и деконструкция. – СПб. : Б.С.К., 1999. – С. 202-242.
50. Гайденко П.П. Человек и история в свете философии коммуникации К. Ясперса / П.П. Гайденко // Человек и его бытие как проблема современной философии. – М. : Наука, 1978. – С. 97-134.
51. Гайденко П.П. Онтологический горизонт натурфилософии Аристотеля / общ. ред. П.П. Гайденко, В.В. Петров // Философия природы в античности и в средние века. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – С. 37-77.
52. Гегель Г. Философия права / Г. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 526 с.
53. Гербовицкая М.Ф. Дискурс : (Речевые практики в обучении) / М.Ф. Гербовицкая // В поисках нового университета : (Альманах № 2) / под ред. М.А. Гусаковского ; Белорус. гос. ун-т. ; Центр проблем развития образования БГУ. – Минск : БГУ, 2002. – С. 64-68. – (Серия «Университет в перспективе развития»).
54. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века : В поисках практико-ориентированных образов концепций / Б.С. Гершунский. – М. : Совершенство, 1998. – 606 с.
55. Гирц К. Интерпретация культур : пер. с англ. / К. Гирц. – М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 560 с.
56. Гойхман О.Я. Основы речевой коммуникации / О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина. – М. : ИНФРА, 1997. – 270 с.

57. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гоффман ; пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. – М. : Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. – 304 с.
58. Грайс П. Логика и речевое общение / П. Грайс ; пер. с англ. В.В. Туровского // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. XVI. Лингвистическая прагматика / пер. с разн. яз. ; сост. и вступ. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой ; общ. ред. Е.В. Падучевой. – М. : Прогресс, 1985. – С. 221-226.
59. Греймас А.-Ж. Семиотика : Объяснительный словарь / А.-Ж. Греймас, Ж. Курте // Лингвистика XX века : система и структура языка. – М., 2004. – Ч. II. – С. 136-142.
60. Грушевицкая Т.Г. Основы межкультурной коммуникации / Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
61. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 397 с.
62. Гумбольдт В. Язык и философия культуры : пер. с нем. / В. Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 452 с.
63. Гураль С.К. Язык как саморазвивающаяся система / С.К. Гураль. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2009. – 122 с.
64. Гусаченко В.В. Жизнь и смерть субъекта : очерки философской теории субъективности / В.В. Гусаченко. – К. : [б.в.], 1995. – 159 с.
65. Гусейханов М. Концепции современного естествознания / М. Гусейханов, О. Раджабов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Дашков и К°, 2007. – 540 с.
66. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Культурология XX век : Антология. – М. : Юристъ, 1995. – С. 297-330.
67. Гуссерль Э. Избранные работы / Э. Гуссерль ; сост. В.В. Анашвили и В.А. Куренной. – М. : Территория будущего, 2005. – 464 с. – (Университетская библиотека Александра Погорельского. Серия «Философия»).

68. Гуссерль Э. Картезианские размышления = *Kartesianische Meditationen* / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д.В. Складнева. – 2-е изд., стер. – СПб. : Наука, 2006. – 315 с.
69. Два текста о Вильгельме Дильтее / сост. : М. Литвинович, И. Чубаров ; пер. А.В. Михайлов. – М. : Гнозис, 1995. – 201 с. – (Пирамида ; 5).
70. Дейк ван Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк ; пер. с англ. О.А. Гулыги ; сост. В.В. Петрова ; под ред. В.И. Герасимова ; вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1989. – 331 с.
71. Делёз Ж. Что такое философия / Ж. Делёз, Ф. Гваттари : пер. с фр. и послесловие С.Н. Зенкина. – М. : Ин-т эксперимент. социологии, СПб. : АЛЕТЕЙЯ, 1998. – 288 с.
72. Делез Ж. Критика и клиника / Ж. Делез ; пер. с франц. О.Е. Волчек и С.Л. Фокина ; послесл. и примеч. С.Л. Фокина. – СПб. : Machina, 2002. – 240 с. – (XX век. Критическая библиотека).
73. Демьянков В. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста / В. Демьянков // Всесоюзный центр переводов : тетради новых терминов. – М., 1982. – Вып. 2. Методы анализа текста. – С. 59-82.
74. Дильтей В. Герменевтика и теория литературы / В. Дильтей // Дильтей В. Собр. соч. : в 6-ти т. – Т. 4. – М. : Дом интелект. книги, 2001. – 531 с.
75. Добронравова И.С. Синергетика : становление нелинейного мышления / И.С. Добронравова. – К. : Либідь, 1990. – 152 с.
76. Домнич С.П. Место наглядности при изучении страноведческих текстов в учебнике русского языка для иностранных граждан / С.П. Домнич // Современный учебник русского языка для иностранцев : теоретические проблемы и прикладные аспекты : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. – С. 51-53.
77. Домнич С.П. Речевые практики в контексте процесса коммуникации / С.П. Домнич // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – Х. : ЕКОГРАФ, 2004. – С. 160-164. – (Серія «Філософія. Філософські перипетії» ; № 638'2004).

78. Домнич С.П. Средства обучения РКИ : выбор, практика, методика / С.П. Домнич // Теоретические и методические основы технологий предвузовского обучения российских и иностранных студентов : материалы Всерос. конф. / под ред. А.С. Ивановой, В.В. Никитиной. – М. : РУДН, 2005. – С. 101-107.
79. Домнич С.П. Особенности языковой культуры маргинальной личности / С.П. Домнич // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2005. – С. 179-185. – (Серія «Філософія. Філософські перипетії» ; № 654'2005).
80. Домнич С.П. Языковая картина мира как диалог культур / С.П. Домнич // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. – С. 204-209. – (Серія «Філософія. Філософські перипетії» ; № 778'2007).
81. Домнич С.П. Социальная коммуникация как многомерный феномен / С.П. Домнич // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна : зб. наук. праць. – Х., 2012. – № 995. – С. 161-165. – (Серія «Теорія культури і філософія науки»).
82. Домніч С.П. Про викладання спецкурсу зі стилістики російської мови іноземним студентам-філологам / С.П. Домніч // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки : Наукові дослідження. Досвід. Пошуки : зб. наук. праць. – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2013. – Вип. 22. – С. 103-108.
83. Домнич С.П. Коммуникация в социокультурном пространстве : философско-антропологические интерпретации / С.П. Домнич // Гуманітарний часопис : зб. наук. праць. – Х. : ХАІ, 2014. – № 1. – С. 70-83.
84. Домнич С.П. Социокультурная коммуникация в контексте информационного общества и международного образования в Украине / С.П. Домнич // Гілея : наук. вісник : зб. наук. праць / гол. ред. В.М. Вашкевич. – К. : Гілея, 2014. – Вип. 81 (№ 2). – С. 278-283.
85. Домнич С.П. Межкультурная коммуникация как социокультурный феномен : философско-антропологическое измерение / С.П. Домнич // Гілея : наук. вісник : зб. наук. праць / гол. ред. В.М. Вашкевич. – К. : Гілея, 2014. – Вип. 82 (№ 3). – С. 259-267.

86. Домнич С.П. Дискурсивная природа речевых практик : философско-антропологические основания дискурсивного анализа языка / С.П. Домнич // Гілея : наук. вісник : зб. наук. праць / гол. ред. В.М. Вашкевич. – К. : Гілея, 2014. – Вип. 83 (№ 4). – С. 329-335.
87. Домнич С.П. Социокультурная коммуникация в неклассической парадигме : философско-антропологические аспекты / С.П. Домнич // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego = Ежегодник русско-польского института. – Wrocław, 2014. – № 1 (6). – С. 121-143.
88. Домнич С.П. Социокультурная коммуникация и информационные технологии обучения иностранцев в Украине / С.П. Домнич // Проблеми та перспективи соціально-економічного розвитку країни : матеріали ІХ Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Чернівці, 25-26 січ. 2014 р.). – Т. II. – Чернівці : БЕФ, 2014. – С. 137-140.
89. Домнич С.П. К вопросу о дискурсивной природе речевых практик : (методологические подходы дискурсивного анализа языка) / С.П. Домнич // Сучасні соціально-гуманітарні дискурси : матеріали ІV Всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю (м. Дніпропетровськ, 22 берез. 2014 р.) : у 3-х ч. – Дніпропетровськ : ДНУ ім. Олеся Гончара ; Інновація, 2014. – Ч. 1. – С. 122-126.
90. Домнич С.П. Языковая картина мира как единство в многообразии : философские аспекты / С.П. Домнич // Людина, культура, техніка у новому тисячолітті : матеріали XV Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Харків, 22-23 квіт. 2014 р.). – Х. : Нац. аерокосм. ун-т ім. М.Є. Жуковського «ХАІ», 2014. – С. 6-8.
91. Домнич С.П. Семантическая модель языковых практик в межкультурном взаимодействии : философский аспект / С.П. Домнич // Придніпровські соціально-гуманітарні читання : матеріали ІІІ Всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю (м. Кіровоград, 16 трав. 2014 р.) : у 3-х ч. – Кіровоград ; [Дніпропетровськ] : Інновація, 2014. – Ч. 3. – С. 130-132.
92. Домнич С.П. Экстралингвистическая модель языковых практик в межкультурном взаимодействии : философское измерение / С.П. Домнич //

Актуальні питання, проблеми та перспективи розвитку гуманітаристики у сучасному інформаційному просторі : національний та інтернаціональний аспекти : зб. наук. праць VIII Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Луганськ, 30-31 трав. 2014 р.) / за заг. ред. докт. філос. наук М.А. Журби. – Луганськ : СНУ ім. В. Даля, 2014. – С. 79-81.

93. Домнич С.П. Формально-логическая модель языковых практик в межкультурном взаимодействии : философское измерение / С.П. Домнич // Язык и личность в поликультурном пространстве» : сб. статей IV Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л.В. Адониной, О.С. Фисенко (г. Севастополь, 5-6 июня 2014 г.). – Севастополь : Рибэст, 2014. – Вып. 2 (6). – С. 187-189. – (Серия «Молодой филолог»).

94. Домнич С.П. Герменевтическая модель языковых практик : философское измерение / С.П. Домнич // Науковий діалог «Схід-Захід» : матеріали III Всеукр. наук.-практ. конф. з міжнар. участю (м. Кам'янець-Подільський, 7 черв. 2014 р.) : у 4-х ч. – Кам'янець-Подільський ; [Дніпропетровськ] : Інновація, 2014. – Ч. 4. – С. 129-131.

95. Домнич С.П. Синергетические подходы к философско-антропологическому анализу речевых практик в контексте социокультурной коммуникации / С.П. Домнич // Экономика. Общество. Человек : Приоритетные направления в развитии современного общества : междисциплинарные исследования : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (г. Белгород, 10 окт. 2014 г.). – Ч. 2. Философские проблемы социально-гуманитарного знания / сост. С.В. Бацанова ; науч. ред. докт. экон. наук, проф. Е.Н. Чиждова ; Белгород. гос. технол. ун-т им. В.Г. Шухова ; Белгород. регион. отд-ние РАЕН. – Белгород : БГТУ им. В.Г. Шухова, 2014. – Вып. XXIII. – С. 57-74.

96. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии / Т.М. Дридзе. – М. : Наука, 1984. – 143 с.

97. Дульнев Г.Н. Введение в синергетику / Г.Н. Дульнев. – СПб. : Проспект, 1998. – 256 с.

98. Дэвидсон Д. Истина и значение / Д. Дэвидсон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – М. : Прогресс, 1986. – С. 99-118.
99. Елухина Н.В. Роль дискурса в межкультурной коммуникации и методике формирования дискурсивной компетенции / Н.В. Елухина // Иностранные языки в школе. – М., 2002. – № 3. – С. 9-13.
100. Єрмоленко А.М. Комуникативна практична філософія / А.М. Єрмоленко. – К. : Лібра, 1999. – 488 с.
101. Жадан В.Б. Маргинальность : норма и исключение / В.Б. Жадан // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – Х. : ЕКОГРАФ, 2003. – С. 101-105. – (Серія «Філософія. Філософські перипетії»; № 591'2003).
102. Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях : в 2-х част. / В.А. Звегинцев. – М. : Просвещение, 1965. – Ч. 2. – 496 с.
103. Иванова Т.А. Некоторые эквиваленты обращения в русском и арабском языках / Т.А. Иванова, Гасим Салах, Аль Кади Усама // Преподавание языков в вузе на современном этапе. Межпредметные связи : сб. науч. тр. – Х. : Константа, 1999. – Вып. 3. – С. 134-135.
104. История философии : Энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – 1376 с.
105. Каган М. Мир общения : Проблемы межсубъектных отношений / М. Каган. – М. : Политиздат, 1988. – 319 с.
106. Каган М.С. Системно-синергетический подход к построению современной педагогической теории / М.С. Каган // Синергетическая парадигма : Вып. 5. Синергетика образования / отв. ред. В.Г. Буданов. – М. : Прогресс ; Традиция, 2007. – С. 212-245.
107. Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия / В.А. Канке. – М. : Логос, 2000. – 320 с.
108. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Кант И. Соч. : в 4-х т. на немецком и русском языках / И. Кант. – Т. 1. – М. : Ками, 1994. – 586 с.

109. Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – М. : Мысль, 1999. – 1470 с. – (Классическая философская мысль).
110. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / Ф. Капра. – М. : София, 2003. – 336 с.
111. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5-20.
112. Карнаухов И.А. Срединные модели в космологии посмертного существования [Электронный ресурс] / И.А. Карнаухов // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 1. – С. 212-215. – Режим доступа : www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10002802 – Заглавие с экрана.
113. Карташова Л.А. Проблеми інформаційно-технологічного забезпечення сучасного викладача / Л.А. Карташова // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки : тези XV Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Харків, 2-4 черв. 2011 року.). – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2011. – С. 141-143.
114. Карцева М.Д. Межкультурная коммуникация как составляющая современного образовательного процесса / М.Д. Карцева, Н.А. Белик // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки : тези XV Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Харків, 2-4 черв. 2011 р.). – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2011. – С. 143-146.
115. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
116. Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с. – (Серия «Академический бестселлер»).
117. Касумова Г.К. Социокультурная реальность глобализирующегося мира / Г.К. Касумова // Вестник Моск. ун-та. – М., 2011. – С. 86-98. – (Сер. 7. Философия ; № 3).

118. Кашкин В.Б. Парадоксы границы в языке и коммуникации : монография / В.Б. Кашкин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т ; издатель О.Ю. Алейников, 2010. – 382 с. – (Серия научных трудов по филологии и теории коммуникации «Аспекты языка и коммуникации» ; вып. 5).
119. Керимов Т.Х. Дискурс / Т.Х. Керимов // Современный философский словарь / под общей ред. докт. филос. наук, проф. В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. Проект, 2004. – С. 196-198.
120. Кибрик А. Дискурс [Электронный ресурс] / Андрей Кибрик, Павел Паршин // Энциклопедия «Кругосвет», 2001 – Режим доступа : http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/DISKURS.html. – Заглавие с экрана.
121. Кириленко Г.Г. Краткий философский словарь / Г.Г. Кириленко, Е.В. Шевцов. – М. : Эксмо, 2004. – 480 с.
122. Кириллова К.Б. Медиакультура : от модерна к постмодерну / К.Б. Кириллова. – 2-е изд. – М. : Академ. проект, 2006. – 448 с.
123. Князева Е.Н. Основания синергетики : Человек, конструирующий себя и свое будущее / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М. : КомКнига, 2006. – 232 с.
124. Комлев Н.Г. Словарь новых иностранных слов / Н.Г. Комлев. – М. : МГУ, 1995. – 144 с.
125. Конецкая В.П. Социология коммуникации / В.П. Конецкая. – М. : МУБУ, 1997. – 304 с.
126. Коткавирта Ю. Философская герменевтика Х.-Г. Гадамера / Ю. Коткавирта // Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б.В. Маркова. – СПб., 1999. – С. 47-67.
127. Крапивенский С.Э. Социальная философия : учебник для студентов гуманитар.-соц. специальностей высш. учеб. заведений / С.Э. Крапивенский. – 4-е изд., испр. – М. : ВЛАДОС, 2003. – 416 с.
128. Крёбер Альфред. Конфигурации развития культуры / Альфред Крёбер // Хрестоматия по культурологии : в 2 т. / под ред. И.Ф. Кефели [и др.]. – СПб. :

Петрополис : С.-Петербур. ун-т МВД России, 1999 – 2000. – Т. 1. Самосознание мировой культуры. – СПб., 1999. – С. 169-172. – ISBN 5-86708-138-9 (в пер.).

129. Кужелева-Саган И.П. Основные исследовательские парадигмы в сфере теории коммуникации : социально-философский аспект / И.П. Кужелева-Саган // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – Томск : ТГПУ, 2006. – С. 106-118. – (Серия «Гуманитарные науки : философия, культурология» ; № 7 (58)).

130. Кули Ч. Общественная организация. Изучение углубленного разума / Ч. Кули ; пер с англ. А. Марченко // Тексты по истории социологии XIX–XX веков : хрестоматия / сост. и отв. ред. В.И. Добренков, Л.П. Беленкова. – М. : Наука, 1994. – С. 236-241.

131. Лактионов А.Н. Координаты индивидуального опыта / А.Н. Лактионов. – Х. : Бизнес Информ, 1998. – 492 с.

132. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс ; пер. с фр. Вяч.Вс. Иванова. – М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

133. Ле Дык Тху. Некоторые особенности вьетнамского речевого этикета в сопоставлении с русским / Ле Дык Тху // Русский язык за рубежом. – СПб., 2003. – № 1. – С. 106-107.

134. Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4-х т. / Г.В. Лейбниц ; пер. с франц. и лат. К. Истомина и Ф. Смирнова ; ред. тома, вступ. ст. и примеч. В.В. Соколова. – Т. 4. – М. : Мысль, 1989. – 554 с. – (Филос. наследие ; Т. 108).

135. Леонтьев А.А. Речь и общение / А.А. Леонтьев // Иностранные языки в школе. – М., 1974. – № 6. – С. 47-51.

136. Леонтьев А.А. Психология общения / А.А. Леонтьев. – 3-е изд. – М. : Смысл, 1999. – 340 с.

137. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. – 3-е изд.. – М. : Смысл ; СПб. : Лань, 2003. – 287 с.

138. Лешукова Л.А. Этнокультурные взаимодействия в многосоставном обществе / Л.А. Лешукова // Релігія, релігійність, філософія та гуманітаристика у сучасному інформаційному просторі : національний та інтернаціональний аспекти :

зб. наук. праць / за заг. ред. канд. філос. наук М.А. Журби. – Ч. I. – Луганськ : ФОП Котова О.В., 2013. – С. 107-116.

139. Лимонова Н.Г. «Другой» в межкультурной коммуникации : субъект, структура или возможный Я-сам / Н.Г. Лимонова // Гуманитарные исследования : ежегодник. – Омск : ОмГПУ, 2005. – Вып. 10. – С. 40-46.

140. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 686 с.

141. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 444 с.

142. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей / А.Ф. Лосев. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 32-33.

143. Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3-х т. / Ю.М. Лотман. – Т. 1. – Таллин, 1992. – 478 с.

144. Лотман Ю.М. Семиосфера : Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров : Статьи. Исследования. Заметки / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 2000. – 703 с.

145. Луман Н. Что такое коммуникация? / Н. Луман ; пер с нем. Д.В. Озирченко // Социологический журнал. – М., 1995. – № 3. – С. 114-127.

146. Луман Н. Общество как социальная система / Н. Луман ; пер. с нем. А. Антоновского. – М. : Логос, 2004. – 232 с.

147. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; пер. с нем. И.Д. Газиева / под ред. Н.А. Головина. – СПб. : Наука, 2007. – 643 с.

148. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.

149. Маклюэн Г.М. Средство само есть содержание / Г.М. Маклюэн // Информационное общество. – М. : АСТ, 2004. – С. 341-348.

150. Маклюэн М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека = Understanding Media : The Extensions of Man / М. Маклюэн ; пер. с англ. В.Г. Николаева ; Центр фундам. социологии. – М. : Канон-Пресс-Ц ; Жуковский : Кучково поле, 2007. – 464 с.

151. Маклюэн М. Галактика Гуттенберга : Становление человека печатающего = The Gutenberg Galaxy : The Making of Typographic Man / М. Маклюэн. – М. : Академ. проект, 2013. – 496 с.
152. Малиновский Бр. Научная теория культуры = Scientific Theory of Culture / Бр. Малиновский ; пер. с англ. И.В. Утехина ; сост. и вступ. ст. А.К. Байбурина. – 2-е изд., испр. – М. : ОГИ, 2005. – 184 с.
153. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин. – К. : Знання, 2004. – 326 с.
154. Марков Б.В. Философская антропология : очерки истории и теории / Б.В. Марков. – СПб. : Лань, 1997. – 219 с.
155. Марков Б.В. Человек и язык / Б.В. Марков // Человек. – М., 2011. – № 3. – С. 95-106.
156. Марков Б.В. Философия : учебник для вузов : стандарт третьего поколения / Б.В. Марков. – СПб. : Питер, 2013. – 432 с.
157. Матурана У.Р. Древо познания : Биологические корни человеческого понимания / У.Р. Матурана, Ф.Х. Варела. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 207 с.
158. Мегентесов С. В пространстве субъектно-предикатных форм / С. Мегентесов // Философия языка : в границах и вне границ / Ю.С. Степанов, В.В. Прокопенко, Ю.И. Сватко и др. – Х. : Око, 1994. – Т. 2 / науч. ред. тома Д.И. Руденко. – С. 85-110. – (Международная серия монографий).
159. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В.М. Межуев. – М. : Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
160. Методологічні основи психології спілкування : навч. посібник / С.О. Завєтний, С.М. Пазиніч, О.С. Пономарьов, А.О. Харченко. – Х. : Видавець Савчук О.О., 2012. – 232 с.
161. Мирошников Ю.И. Социокультурный смысл коммуникации / Ю.И. Мирошников // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – Екатеринбург : ИФиПУрОРАН, 2002. – Вып. 3. – С. 29-54.

162. Миф, мечта, реальность : постнеклассические измерения пространства культуры / под ред. И.В. Мелик-Гайказян. – М. : Науч. мир, 2005. – 265 с.
163. Михалёва О.Л. Дискурс объекта vs дискурс субъекта : системообразующие признаки / О.Л. Михалёва // Системное и асистемное в языке и речи : материалы Междунар. науч. конф. (г. Иркутск, 10-13 сент. 2007 г.) – Иркутск, 2007. – С. 360-377.
164. Могилевич Б.Р. Структура межкультурной коммуникации : методологический аспект / Б.Р. Могилевич // Известия Саратовского университета : Новая серия. – Саратов : СГУ, 2013. – Т. 13. – Вып. 2. – С. 7-11. – (Серия «Социология. Политология»).
165. Можейко М.А. Порядок дискурса / М.А. Можейко // Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. Грицанов А.А. – 3-е изд., испр. – Минск : Книж. дом, 2003. – С. 771-774.
166. Моисеева Н.А. Философия / Н.А. Моисеева, В.И. Сорокикова. – СПб. : Питер, 2008. – 352 с.
167. Моррис Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика : сб. переводов / под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Радуга, 1982. – С. 275-320.
168. Назарчук А.В. Язык в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля / А.В. Назарчук // Вопросы философии. – М., 1997. – № 1. – С. 69-75.
169. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии / А.В. Назарчук. – М. : Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
170. Найдорф М.И. Функциональный анализ Б. Малиновского в курсе «Теории культуры» / М.И. Найдорф // Культурологічний та мистецтвознавчий журнал. – Одесса : АРКАДІЯ, 2006. – № 2 (12). – С. 6-9.
171. Наместникова И.В. Межкультурная коммуникация как социальный феномен : дис. ... докт. филос. наук : спец. 09.00.11 / И.В. Наместникова ; Моск. гос. соц. ун-т. – М., 2003. – 330 с.
172. Нанси Ж.-Л. Сегодня / Ж.-Л. Нанси // Ежегодник Ad Marginem'93. – М., 1994. – С. 162-163.

173. Национально-культурная специфика речевого поведения / ред. кол. : А.А. Леонтьев и др. – М. : Наука, 1977. – 350 с.
174. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР / ред. коллегия : Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева. – М. : Наука, 1982. – 152 с.
175. Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2010. – Т. 1. – 744 с.
176. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. Грицанов А.А. – 3-е изд., испр. – Минск : Книж. дом, 2003. – 1280 с.
177. Новый иллюстрированный энциклопедический словарь / ред. коллегия : В.И. Бородулин, А.П. Горкин, А.А. Гусев, Н.М. Ланда и др. – М. : Большая Российская Энциклопедия, 1999. – 912 с.
178. Нотина Е.А. Сопоставительный анализ организации концептуального пространства испанского и русского научного дискурса / Е.А. Нотина // Теоретические и методические основы технологий предвузовского обучения российских и иностранных студентов : материалы Всерос. конф. / под ред. А.С. Ивановой, В.В. Никитиной. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – С. 241-245.
179. Олешков М.Ю. Моделирование коммуникативного процесса : монография / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил : Урал. гос. пед. ун-т, Нижнетаг., гос. соц.-пед. академия, 2006. – 336 с.
180. Основы теории коммуникации / под ред. проф. М.А. Василика. – М. : Гардарики, 2003. – 615 с.
181. Остин Д. Три способа пролить чернила. Философские работы / Д. Остин ; пер. с англ. В. Кирющенко ; вступ. статья В. Кирющенко, М. Колопотина. – СПб. : Алетейя ; Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 335 с.
182. Панченко Л. Освіта та виховання молоді як цінності в трансформаційному суспільстві / Л. Панченко // Філософські засади трансформації вищої освіти в Україні на початку ХХІ ст. : монографія / [В. Андрущенко, Л. Горбунова, Л. Зязюн та ін.]. – К. : Пед. думка, 2007. – С. 68-80.
183. Парсонс Т. Понятие общества : компоненты и их взаимоотношение / Т. Парсонс // Американская социологическая мысль / под. ред. В.И. Добренькова. – М. : Изд-во Междунар. ун-та Бизнеса и Управления, 1996. – С. 494-526.

184. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалёва ; под ред. М.С. Ковалёвой. – М. : Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.
185. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е.И. Пассов. – М. : Просвещение, 1985. – 208 с.
186. Пасхин Е.Н. Информатизация и образование XXI века : монография / Е.Н. Пасхин, В.Г. Тупало, А.Д. Урсул. – М. : РАГС, 2007. – 231 с.
187. Педагогические технологии дистанционного обучения : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / Е.С. Полат, М.В. Моисеева, А.Е. Петров и др. ; под ред. Е.С. Полат. – М. : Академия, 2006. – 400 с.
188. Пелипенко А.А. Культурная программа для HOMO SAPIENS / А.А. Пелипенко // Человек. – М., 2011. – № 6. – С. 51-69.
189. Переверзев Е. Современный культурологический анализ дискурса [Электронный ресурс] / Е. Переверзев // Современный дискурс-анализ : Электронный журнал. – Вып. 1. – Т. 1. – 2009. – Режим доступа : http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.shtml – Заглавие с экрана.
190. Пехливанова К.И. Грамматика русского языка в иллюстрациях / К.И. Пехливанова, М.Н. Лебедева. – М. : Русский язык, 1991. – 352 с.
191. Пёше М. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса / М. Пёше, К. Фукс // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серию ; предисл. Ю.С. Степанова. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 105-123.
192. Плеханова Т.Ф. Текст как диалог : монография / Т.Ф. Плеханова. – Минск : МГЛУ, 2003. – 251 с.
193. Постнеклассические практики : опыт концептуализации / [И.С. Добронравова, В.Г. Буданов, В.И. Моисеев и др.] ; под ред. В.И. Аршинова, О.Н. Астафьевой ; [предисл. В.С. Степина]. – СПб. : Мирь, 2012. – 535 с.
194. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – С. 8-69.

195. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2001. – 656 с.
196. Пригожин И.Р. Переоткрытие времени / И.Р. Пригожин // Вопросы философии. – М., 1989. – № 8. – С. 3-19.
197. Программа курса «Практический русский язык» для иностранных студентов факультета иностранных языков : учеб.-метод. комплекс / Л.Б. Бей, С.П. Домнич, Н.П. Доценко, Л.Э. Ильина, В.В. Мисенёва, Н.И. Ушакова, А.П. Чуйкова. – Х. : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2014. – 92 с.
198. Психология : словарь. – М. : Политиздат, 1990. – 332 с.
199. Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней : в 4-х т. / Дж. Реале, Д. Антисери ; в пер. с итал. и под ред. С.А. Мальцевой. – СПб. : Пневма, 2003. – Т. 4. – 880 с.
200. Резаев А.В. Парадигмы общения : Взгляд с позиций социальной философии / А.В. Резаев. – СПб. : С.-Пб. ун-т, Иваново : Политинформ, 1993. – 210 с.
201. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию : Социальная системология / Ю.М. Резник. – М. : Ин-т человека, 2003. – 525 с.
202. Резник Ю. Человек и его социальные практики / Ю. Резник // Человек вчера и сегодня : междисциплинарное исследование. – М. : ИФ РАН, 2008. – Вып. 2. – С. 84-103.
203. Розеншток-Хюсси О. Коперниковский переворот в грамматике / О. Розеншток-Хюсси // Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить. – М. : Канон+, 1998. – С. 54-118.
204. Розина И.Н. Педагогическая компьютерно-опосредованная коммуникация : Теория и практика / И.Н. Розина. – М. : Логос, 2005. – 460 с.
205. Романов П.Е. Социальный контур проблемы языка в свете аналитической философии XX века / П.Е. Романов // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – СПб., 2009. – № 99. – С. 113-116.
206. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1976. – 416 с.

207. Русакова О.Ф. Современные теории дискурса : опыт классификаций / О.Ф. Русакова // Современные теории дискурса : мультидисциплинарный анализ. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. – С. 10-28. – (Серия «Дискурсология»).
208. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе : Очерки и лекции / А.Р. Рэдклифф-Браун ; пер. с англ., коммент. и указ. О.Ю. Артемовой при участии Ю.А. Артемовой, А.Г. Артемова. – М. : «Восточная литература» РАН, 2001. – 304 с. – (Этнографическая библиотека).
209. Савчук В.В. Медиафилософия : формирование дисциплины / В.В. Савчук // Медиафилософия : Основные проблемы и понятия / под. ред. В.В. Савчука. – СПб. : Изд-во С-Петер. филос. об-ва, 2008. – С. 7-39.
210. Селіверстова Л.І. Тенденції і перспективи розвитку міжнародної освіти в Україні / Л.І. Селіверстова // Викладання мов у вищих навчальних закладах освіти на сучасному етапі. Міжпредметні зв'язки : тези XV Міжнар. наук.-практ. конф. (м. Харків, 2-4 черв. 2011 р.). – Х. : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2011. – С. 299-301.
211. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир ; пер. с англ. ; под ред. А.Е. Кибрика. – 2-е изд. – М. : Прогресс , 2001. – 656 с. – (Филологи мира).
212. Серियो П. Русский язык и советский политический дискурс : анализ номинаций / П. Серियो // Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серियो ; предисл. Ю.С. Степанова. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – С. 12-53.
213. Сёрл Д. Основные понятия исчисления речевых актов / Д. Сёрл, Д. Вандервекен ; пер. с англ. А.Л. Блинова // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXVIII. Логический анализ естественного языка / сост., общ. ред., вступ. статья и пер. с англ. В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1986. – С. 252-255.
214. Сёрл Д. Природа интенциональных состояний / пер. с англ. А.Л. Никифоровой / Д. Сёрл // Философия. Логика. Язык / пер. с англ. и нем., сост. и предисл. В.В. Петрова; ред. Д.П. Горского; В.В. Петрова. – М. : Прогресс, 1987. – С. 99-125.

215. Синергетика в образовании : возможности методологии : (круглый стол в редакции журнала «Філософія освіти») // Філософія освіти : наук. часопис Нац. пед. ун-ту ім. М.П. Драгоманова / Інститут вищої освіти АПН України ; НПУ ім. М.П. Драгоманова ; Українська академія політичних наук. – К. : НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2006. – № 3 (5). – С. 54-92.
216. Синергетическая философия истории : коллективная монография / под ред. В.П. Бранского и С.Д. Пожарского. – Рязань : Копи-Принт, 2009. – 314 с.
217. Словарь иностранных слов. – 16-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1988. – 624 с.
218. Современная западная социология : Словарь. – М. : Политиздат, 1990. – 414 с.
219. Современный философский словарь / под общ. ред. докт. филос. наук, проф. В.Е. Кемерова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академ. проект, 2004. – 864 с.
220. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации / А.В. Соколов. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.
221. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / П. Сорокин ; общ. ред., сост. и предислов. А.Ю. Согомонова. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
222. Соссюр Ф де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – 695 с.
223. Социальная практика [Электронный ресурс]. – Режим доступа : dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/13362 – Заглавие с экрана.
224. Соціальна філософія : корот. енциклопед. словник / за загал. ред. В.П. Андрущенко. – К.-Х. : Рубікон, 1997. – 251 с.
225. Социология социального пространства : в 2-х т. / пер. с фр., отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М. : Ин-т экспер. социологии; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с. – (Серия «Gallicinium»).
226. Стариков Е.Н. Маргиналы и маргинальность в советском обществе / Е.Н. Стариков // В человеческом измерении. – М. : Прогресс, 1989. – № 4. – С. 180-203.
227. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка (семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) / Ю.С. Степанов. – М. : Наука, 1985. – 335 с.

228. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принципы причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. статей / под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 35-73.
229. Степин В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
230. Сухова Е.Ф. Обращения русского речевого этикета на фоне арабской речевой культуры / Е.Ф. Сухова // Текст : проблемы и перспективы : Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 280-282.
231. Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации / Е.Ф. Тарасов // Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Шахнарович А.М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – М. : Наука, 1979. – С. 5-147.
232. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация / С.Г. Тер-Минасова. – М. : МГУ, 2004. – 347 с.
233. Титова С.В. Некоторые теоретические проблемы использования компьютерной технологии в образовании / С.В. Титова // Вестник МГУ. – М., 2005. – № 4. – С. 39-54. – (Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).
234. Тростинская О.Н. Программа по русскому языку для иностранных студентов : учеб.-метод. комплекс / О.Н. Тростинская, Т.Н. Алексеенко, Е.В. Копылова. – Х. : ХНУ им. В.Н. Каразина, 2009. – 88 с.
235. Тухватулина Л.Р. Принципы классификации моделей коммуникации / Л.Р. Тухватулина // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – Томск : ТГПУ, 2006. – № 7 (58). – С. 49-53. – (Серия «Гуманитарные науки : философия, культурология»).
236. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях : в 2-х част. – М. : Просвещение, 1965. – Ч. 2. – С. 198-224.
237. Фань Лицзюнь. Культурные различия в речевом общении / Фань Лицзюнь // Преподавание языков в вузе на современном этапе. Межпредметные связи : сб. науч. тр. – Вып. 5. – Х. : Константа, 2001. – С. 256-260.

238. Фарж А. Маргиналы / А. Фарж, Е. Рашковский // 50/50 : опыт словаря нового мышления. – М. : Прогресс. – Пайо, 1989. – С. 143-149.
239. Фейербах Л. Избранные философские произведения : в 2 тт. / Л. Фейербах. – М. : Политиздат, 1955. – Т. 1. – 676 с.
240. Философия общения : монография / В.Г. Кремень, Д.И. Мазоренко, С.А. Заветный, С.Н. Пазынич, А.С. Пономарёв. – Х. : ХНТУСХ им. П. Василенко, 2011. – 440 с.
241. Философия XX века / под ред. В.И. Добрыниной. – М. : ЦИНО об-ва «Знание» России, 1997. – 288 с.
242. Философский энциклопедический словарь / Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М. : Инфра-М, 1997. – 576 с.
243. Фихте И.Г. О назначении ученого / И.Г. Фихте // Антология мировой философии : в 4 тт. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3. – С. 209-394.
244. Флиер А.Я. Культурология для культурологов : учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии / А.Я. Флиер. – М. : Академический Проект, 2000. – 496 с.
245. Форрестер Д. Мировая динамика / Д. Форрестер. – М. ; СПб. : Terra-Fantastica, 2003. – 380 с.
246. Фуко М. Археология знания / М. Фуко ; пер. с фр. / общ. ред. Бр. Левченко. – К. : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
247. Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко ; пер. с фр. С. Табачниковой ; под ред. А. Пузыря. – М. : Изд-во «Магистериум-Касталь», 1996. – 448 с.
248. Хабермас Ю. Вовлечение другого : Очерки политической теории / Ю. Хабермас ; пер. с нем. Ю.С. Медведева ; под ред. Д.А. Скляднева. – СПб. : Наука, 2001. – 419 с. – (Серия «Слово о сущем»).
249. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру / Ю. Хабермас // Вестник Моск. ун-та. – М., 2010. – № 1. – С. 3-14. – (Серия 7. Философия).
250. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – С. 192-220.

251. Хайдеггер М. Путь к языку / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие : статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 259-273.
252. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В.В. Бибихина. – М. : AD MARGINEM, 1997. – 452 с.
253. Хайтун С.Д. Феномен человека на фоне универсальной эволюции / С.Д. Хайтун. – М. : КомКнига, 2005. – 536 с.
254. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. – М. : Мир, 1980. – 404 с.
255. Хакен Г. Можем ли мы применять синергетику в науках о человеке? / Г. Хакен // Синергетика и психология. – М., 1999. – Вып. 2. Социальные процессы. – С. 11-25.
256. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис («Политические исследования»). – 1994. – № 3. – С. 30-49. – электронный журнал ISSN 0321-2017
257. Хёйзинга Й. Homo ludens : статьи по истории культуры / Й. Хёйзинга ; пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова ; коммент. Д.Э. Харитоновича. – М. : Прогресс-Традиция, 1997. – 416 с.
258. Хомский Н. Синтаксические структуры = Syntactic Structures / Н. Хомский // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. II. – С. 412-527.
259. Хомский Н. Язык и мышление / Н. Хомский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 126 с.
260. Хоружий С.С. Синергичная антропология : (на путях к новой конституции антропологического дискурса) / С.С. Хоружий // Спектр антропологических учений / отв. ред. П.С. Гуревич. – М. : ИФРАН, 2008. – Вып. 2. – С. 3-15.
261. Худенко А.В. Утверждающая сила диалога / А.В. Худенко // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. – Х. : ЕКОГРАФ, 2004. – С. 99-106. – (Серія «Філософія. Філософські перипетії» ; № 638'2004).
262. Чистякова А.Б. Системный учет родного языка учащихся при обучении русскому языку / А.Б. Чистякова // Преподавание языков в вузе на современном этапе. Межпредметные связи : сб. науч. тр. – Х. : Константа, 1999. – Вып. 3. – С. 310-316.

263. Чистякова А.Б. Методика обучения иностранных студентов в вузе : виды речевой деятельности / А.Б. Чистякова. – Х. : ЭДЭНА, 2009. – 159 с.
264. Шарков Ф.И. Основы теории коммуникации / Ф.И. Шарков. – М. : Соц. отношения ; Перспектива, 2002. – 246 с.
265. Шарков Ф.И. Коммуникология : основы теории коммуникации / Ф.И. Шарков. – 3-е изд. – М. : Дашков и К, 2012. – 592 с.
266. Шеллинг Ф. Сочинения : в 2 т. / Ф. Шеллинг ; пер. с нем. – М. : Мысль, 1987. – Т. 1. – 637 с.
267. Шепель В. Настольная книга бизнесмена и менеджера / В. Шепель. – М. : Финансы и статистика, 1992. – 299 с.
268. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер ; пер. с нем. А.Л. Вольского ; науч. ред. Н.О. Гучинская. – СПб. : Европейский Дом, 2004. – 242 с.
269. Шматко Н.А. На пути к практической теории практики : [послесловие] / Н.А. Шматко // Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. : А.Т. Бикбов, Е.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко ; отв. ред. пер. Н.А. Шматко. – СПб. : Алетейя, 2001. – С. 548-562. – (Серия «Gallicinium»).
270. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон ; пер. с англ. И.А. Мельчука // Структурализм : «за» и «против» : сб. стат. / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. – М. : Прогресс, 1975. – С. 193-230.
271. Якобсон Р. Избранные работы / Р. Якобсон. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с.
272. Ярославцева Е.И. Человек в перспективе сетевой парадигмы : (опыт синергетического подхода) / Е.И. Ярославцева. – М. : Динтер, 2007. – 235 с.
273. Ярославцева Е.И. Коммуникативно-синергетический подход как методология исследования человека / Е.И. Ярославцева // Человек вчера и сегодня : междисциплинар. исследование. – М., 2008. – Вып. 2. – С. 52-67.
274. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс ; пер. с нем. – 2-е изд. – М. : Республика, 1994. – 527 с. – (Мыслители XX в.).
275. Ясперс К. Введение в философию / пер. и ред. А.А. Михайлова. – Мн. : ПроPILEI, 2000. – 191 с.

276. Benedict R. Patterns of Culture / R. Benedict. – Режим доступа: <http://www.amazon.com/Patterns-Culture-Ruth-Benedict/dp/0618619550>.
277. Berlo David. The Process of Communications : An Introduction to Theory and Practice / David Berlo. – N. Y. : Holt, Rinehart & Winston, 1960. – 318 p.
278. Condon J. Introduction to Intercultural Communication / J. Condon, Y. Fathi. – N. Y., 1975. – 433 p.
279. Craig R.T. Minding My Metamodel, Mending Myers / R.T. Craig // Communication Theory. – 2001. – 11 (2). – Pp. 231-240. – Статья впервые опубликована в Интернете : 10 JAN 2006; [Электронный ресурс] : Режим доступа : DOI: [10.1111/j.1468-2885.2001.tb00241.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2001.tb00241.x)
280. Dance Frank. The Functions of Human Communication : A Theoretical Approach / Frank Dance, C. Larson. – N. Y. : Holt, Rinehart & Winston, 1976. – 206 p.
281. Goffman E. Frame Analysis : an Essay on the Organisation of Experience / E. Goffman. – N. Y., 1974. – 586 p.
282. Goffman E. Forms of Talk / E. Goffman. – Philadelphia : Univ. of Pennsylvania, 1981. – 236 p.
283. Gumperz J.J. Discourse Strategies / J.J. Gumperz. – Cambridge : Camb. Univ. Press, 1982. – 225 p.
284. Gumperz J.J. Introduction : language and the communication of social identity / J.J. Gumperz // Language and social identity / ed. by J.J. Gumperz. – Cambridge : University Press, 1984. – Pp. 63-80.
285. Gumperz J.J. Directions in Sociolinguistics : The ethnography of communication / J.J. Gumperz, D. Hymes. – Oxford, UK : Basil Blackwell, 1986. – 598 p.
286. Habermas J. Legitimation Crisis / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1979. – 166 p.
287. Habermas J. Theory of Communicative Action / J. Habermas. – Boston : Beacon Press, 1989. – Vol. 2. – 457 p.
288. Habermas J. Theory of Communicative Action / J. Habermas. – Cambridge : Polity Press, 1995. – Vol. 1. – 465 p.
289. Hall E.T. The Silent Language / E.T. Hall. – N. Y. : Anchor Books, 1990. – 209 p.

290. Hall E.T. *Understanding Cultural Differences* / E.T. Hall, M.R. Hall. – Yarmouth, Maine : Intercultural Press, Inc., 1990. – 196 p.
291. Harre R. *The Discursive Mind* / R. Harre, G. Gillett. – London : Thousand Oaks, 1994. – 243 p.
292. Harre R. *Wittgenstein and Psychology : A practical Guide* / R. Harre, M.A. Tisaw. – Aldershot : Ashgate Publishing Limited, 2005. – 310 p.
293. Harris Z. *Discourse analysis* / Z. Harris // *Language*. – 1952. – Vol. 28. – Pp. 1-30; 474-494. – (Интернет-журнал «Long Live Wauconda». – Режим доступа : <http://waucondastore.com/discourse-analysis-z-harris/>).
294. Mandelbrot B. *The Fractal Geometry of Nature* / B. Mandelbrot. – Updated and Augmented. – N. Y. : W.H. FREEMAN AND COMPANY, 1983. – 469 p.
295. Samovar L.A. *Communication Between Cultures* / L.A. Samovar, R.E. Porter, L.A. Stefany. – London, N. Y. etc. : Wadsworth Publishing Company, 1997. – 303 p.
296. Sartre J.-P. *Critique of Dialectical Reason* / J.-P. Sartre ; transl. Quintin Hoare. – 2 ed. – N. Y. : Verso Books, 2010. – 1364 p.
297. Schiffrin D. *Approaches to Discourse* / D. Schiffrin. – N. Y. : Blackwell Publishers Inc., 1998. – 470 p.
298. Searle J.R. *Speech acts : An essay in philosophy of language* / J.R. Searle. – L. : Cambridge Univ. Press, 1969. – 203 p.
299. Trager G. *Culture as Communication : A Model and Analysis* / G. Trager, E. Hall // *Explorations and Communication : Studies in Culture and Communication*. – N. Y., 1954. – № 3. – Pp. 149-176.